

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА

РОМАН

Художник Борис ИОНАЙТИС

ЧАСТЬ I

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Глава I

В жизни некоторых людей, отмеченных высоким выбором судьбы, а быть может, собственным талантом или особым везением, наступают иногда моменты, когда от решения, казалось бы, пустякового на первый взгляд вопроса зависит ход исторических часов целых народов.

Иногда нечто подобное происходит и с людьми, не замеченными историей, но тем не менее оставившими в ней свой невидимый для современников след.

В жизни Степана Гравова такой день наступил 17 сентября, когда, развернув случайно подвернувшуюся под руку вечернюю городскую газету, он обнаружил в ней объявление нового кооператива «Посредник».

«Если у вас приличная внешность, если вы не обременены семьей, не обросли долгами и обязанностями, одним словом, если вы молоды и свободны, если в вас не угас еще огонь романтики, обращайтесь к нам». Объявление, несмотря на несколько возвышенный стиль, показалось Степану любопытным, и, поскольку, кроме первого пункта относительно внешности, вызвавшего у него некоторые сомнения, все остальные соответствовали его нынешнему социальному положению, а его теперешняя временная работа уже успела ему надоесть, он решил обратиться в кооператив «Посредник» по указанному в объявлении адресу, не поленившись его разыскать среди узких улочек и маленьких захламленных дворишков на окраине города.

И вот вечером 17 сентября он стоял перед железной калиткой с приклеенным к ней куском картона. Небрежно, наспех черным карандашом на нем было написано всего два слова: «Кооператив «Посредник».

Степан постучал и, не дождавшись ответа, толкнул калитку. Она легко поддалась, открыв его взгляду обычный окраинный дворик с выводком кур, небольшим огородиком и слегка покосившейся мазанкой. Никого не было видно. Не лаяли даже собаки. Он уже начал жалеть о своей нелепой затее и собирался захлопнуть калитку, досадуя на себя за зря потраченное время, когда в глубине двора показался какой-то старик в заносенной куртке с лопатой в руках.

— Вам кого, молодой человек? — спросил старик издали. Из-под густых бровей сверкнули внимательные зеленоватые и не по-стариковски цепкие глаза.

— Да вот объявление... Вроде тут кооператив какой-то, — несколько растерянно ответил Степан.

— Ну так проходите. Кооператив действительно здесь.

Теперь уже уходить вот так сразу было неудобно, хотя ничего дельного от предстоящего разговора Степан уже не ждал.

Печатается с сокращениями.

Какое-нибудь очередное дурацкое предприятие, рассчитанное на простаков, готовых платить деньги.

Кооперативы за последнее время появлялись как грибы после дождя.

Он прошел вслед за стариком в дом, вытер ноги и оказался в светлой, по-деревенскому обставленной горнице, испытывая все большую неловкость от того, что не решил, как объяснить свой визит, когда разговор пойдет о деле. Ведь он не знал даже, чем занимается кооператив.

— Ну-с, так чем мы можем быть вам полезны? — спросил старик, споласкивая под рукомойником руки и вытирая их старым, но чистым полотенцем.

— Да вот прельстился вашим «огнем романтики» и, наверное, зря отнимаю у вас время...

— Нет, отчего же. Наша обязанность удовлетворять любые запросы клиента.

— Так уж и любые? — усмехнулся Степан.

— Многие. Можно сказать, большинство, — твердо, без тени шутки ответил старик, и вновь взгляд его внимательных глаз испытующе прошелся снизу вверх по Степану, словно холодной волной обдав его с ног до головы. — Мы не указываем деталей услуг, которые можем оказать, именно потому, что они весьма обширны, а длинные объявления стоят дорого. Те, кому мы действительно нужны, рано или поздно находят к нам дорогу. Так, значит, вас интересует романтика... Этот товар сам по себе стоит нынче недорого, все зависит от того, с чем вы собираетесь его использовать.

Разговор получался какой-то странный, нечто среднее между хорошим розыгрышем и непонятной тонкой аферой. Больше всего Степана заинтересовала иронически серьезная речь старика, говорившего о романтике так, словно он собирался взвешивать ее на килограммы и доподлинно знал, как это сделать.

— Ну что же, — стараясь подыграть тону беседы, проговорил Степан, — для начала я бы предпочел «романтику дальних странствий». Желательно зарубежных, — тут же добавил он, на ходу вставляя явно невыполнимое для этого заштатного кооперативчика условие.

— Похвальный выбор. Мы ценим серьезных клиентов. Однако плата соответственно возрастает. Двадцать пять процентов с зарплаты первого года, включая валюту. Внутри Союза мы берем не более десяти процентов комиссионных, однако при организации «загранки» накладные расходы значительно возрастают.

— Ну разумеется! — охотно согласился Степан, готовый отказать и от оставшихся семидесяти пяти процентов несуществующих заграничных доходов.

— Кроме того, для включения в нашу картотеку необходимо сделать обычный взнос. Десять рублей.

«Вот это уже существенней», — подумал Степан, испытывая легкое разочарование. Скорее всего ради получения этой десятки и был затеян весь спектакль с объявлением о продаже романтики. Он твердо решил не отступать до тех пор, пока сумма расходов не превысит возможностей его довольно-таки скромного бюджета. В конце концов за любую глупость нужно платить, а за эту он заплатил с особым, мстительным самому себе удо-

вольствием — «романтики ему, видите ли, захотелось...». Не сказав ни слова, он выложил на стол десятку, и она тут же исчезла, растворилась, словно ее не было вообще, не оставив после себя следа в виде какого-нибудь клочка бумаги, хоть отдаленно похожего на квитанцию. Минуту назад десятка еще лежала на столе, и вот уже ее не стало. Степан даже не заметил переходного момента, во время которого купюра перекочевала из руки старика в карман.

— Поскольку предварительные формальности соблюдены, взнос сделан, прошу вас пройти в нашу контору. Рабочее помещение у нас наверху.

Они стали медленно подниматься по скрипучим старым ступеням, исчезающим в темном провале чердачного помещения. Степан думал о том, что его дурацкое стремление разглядеть за серым фасадом будней скорее всего вообще не существующую причинно-следственную начинку, в который уже раз приводит его на ступени старой, как мир, лестницы, ведущей туда, где доверчивая глупость, а иногда попросту безысходность одних превращается в звонкую монету для других, для тех, кто лучше приспособлен к этому нелепому, вывернутому наизнанку миру.

Переступив последнюю ступеньку, Степан очутился в просторном светлом помещении, отделанном современными деревянными панелями. Но не эта неожиданная современность в отделке поразила его настолько, что он буквально прирос к порогу. На столе поблескивал «Армстрад-2020» — английский персональный компьютер новейшего образца. Степан кое-что понимал в этой технике и сразу же оценил двойной дисковод, цветной дисплей и лазерный принтер, заполнившие стол своими сероватыми, с серебристой искрой, телами и переплетениями черных кабелей.

— Серьезная машина...

— Наша фирма вообще намного серьезней, чем может показаться с первого взгляда, — строго проговорил старик, включая машину. Он вставил в дисковод дискету, снятую с полки, где в черных пакетах с яркими этикетками стояли в строгом порядке десятки, сотни таких же дисков, содержащих в себе мегабайты неведомой Степану информации.

— Итак, приступим к составлению договора. Ваша фамилия, имя, отчество, адрес?

— Нужны какие-то документы?

— Ничего, кроме правдивых ответов, не требуется. У нас есть возможность проверить нужную нам информацию.

Руки старика быстро забегали по клавиатуре машины, едва касаясь клавиш. Дисководы мягко заурчали, на дисплее вспыхнули и почти сразу же исчезли непонятные Степану слова. Он едва успел разглядеть вязь какого-то восточного письма. Старик развернул дисплей и вопросительно уставился на Степана. Степан начал отвечать на его вопросы и все никак не мог отделаться от странного ощущения, что ответы запаздывают, что старик начинает печатать раньше, чем он успевал сказать первое слово. Когда ему надоела эта странная игра, он замолчал — это не помешало хозяину закончить текст договора.

После того как заработал принтер, пулеметными очередями вычерчивая на бумаге целые фразы, вылетающие из электрон-

ных глубин машины, хозяин повернулся на вращающемся стуле к стойке, где стеклом и хромом поблескивала кофеварка, и только тогда Степан заметил на столе еще и модем. Это было уже слишком. Степан готов был поклясться, что в их городишке не найдется второго такого компьютера и тем более нет никаких баз данных, электронных библиотек и тому подобной западной чепухи. Модем автоматически связывал машину по телефонной сети с другими подобными аппаратами. И сейчас на нем горел зеленый огонек, а это значило, что машина использовала в своей работе внешние линии связи.

Лист бумаги с пунктами договора был отпечатан на специальном бланке и пахивал чем-то очень знакомым. Степана поразило обилие пустых строк между пунктами договора.

— Не все пункты задействованы, — пояснил хозяин, — текст стандартный, но по мере надобности здесь могут быть вставлены новые параграфы.

— Довольно странный способ заключать договор, половина текста которого неизвестна!

— Ну, все, что нужно для нашего с вами дела, там есть, К тому же вы можете и не подписывать. В таком случае вы лишаетесь предварительного взноса, и мы на этом расстаемся.

— Но как я могу подписывать документ, не зная, что он собой представляет?

Старик усмехнулся.

— К нам редко приходят слишком уж осторожные люди. К тому же основные обязательства, размер оплаты наших услуг изменяться не будут, а все остальное... Как я уже сказал, форма стандартная.

— Хорошо хоть, здесь напечатано по-русски!

— Мы всегда составляем договор на языке клиента, наши клиенты никогда не остаются в проигрыше, и именно поэтому мы оставляем за собой право изменять некоторые пункты. В любом случае, прежде чем предложить вам что-то не обозначенное в первоначальном варианте договора, мы обязаны получить ваше согласие, там есть об этом специальная оговорка.

Степан задумался, в конце концов этот лист бумаги, не заверенный нотариусом, не будет иметь никакой юридической силы. Чем он рискует, десятью рублями? С ними он уже простился. Мифическими процентами от своей будущей работы за границей? Он в нее по-прежнему не верил, хотя, надо признать, «Армстрад-2020» придавал этому хорошо поставленному спектаклю аромат достоверности.

— Значит, никакой другой оплаты, кроме обозначенных здесь 25 процентов, не будет?

— Если вы имеете в виду деньги, то, конечно, нет, мы не мошенники и никогда не нарушаем наших обязательств. Договор может быть изменен только в пользу клиента.

Степан достал авторучку.

— Нужны специальные чернила. Вот этим, пожалуйста. — Старик протягивал ему допотопную чернильницу с перьевой ручкой. Рыжие чернила напоминали те, которыми подписывали в сберкассах аккредитивы. Спектакль был продуман до самых последних мелочей, и, испытав от этого неожиданное и несомненное удовольствие, Степан расписался внизу листа.

Остановившись перед калиткой, Степан еще раз внимательно осмотрел фасад дома, благо хозяин не стал его провожать, а во дворе не было собаки. К дому шел один-единственный провод от столба с осветительным фонарем. Телефонной подстанции в этом районе не существовало. Зато над коньком крыши торчала ребристая тарелка странной антенны: Радиотелеграфная связь? После «Армстрада» этому Степан уже не удивился.

Небольшое приключение на улице Красикова первоначально никак не повлияло на дальнейшую жизнь Степана. На вопрос, следует ли ему ждать результатов вмешательства всеильного кооператива «Посредник» в его судьбу, старик ответил, что ничего подобного не требуется. После подготовки всего необходимого его разыщут, где бы он ни находился.

Посмеявшись про себя над этим многозначительным завершением и нисколько уже не жалея о потраченном времени и деньгах, вполне удовлетворенный полученным развлечением, Степан уехал в археологическую экспедицию в северо-восточный Казахстан. Впервые в его бродяжнической жизни наметилась некая остановка. Профессор Ельгин обещал после возвращения помочь ему закрепиться в институте, обещал похлопотать о месте лаборанта на соседней кафедре.

Третьи сутки за окном поезда мчались, торопились куда-то сухие степи. Дождя здесь не было уже давно, и оттого запахи несхоженных трав, невидимых в стремительном беге поезда степных цветов сгустились, словно настой, и заполнили собой весь вагон.

Вдыхая этот терпкий аромат перестоявшихся степных полей, Степан думал о том, что наметившийся в его судьбе перелом наверняка определит всю его дальнейшую жизнь. Человек редко способен оценить истинное значение происшедших с ним недавних событий. Лишь позже, с высоты пронесшихся лет, прибавивших мудрости и седых волос, мы можем в них разобраться более-менее верно, но тогда уже мало пользы от этого понимания. Слишком часто мелкое сиюминутное кажется нам чрезвычайно важным, заслоняя собой уже оставшийся позади подлинный поворот жизненной дороги...

Над степью стояла сухая июньская ночь. К рассвету опрокинутое над головой Степана бездонное небо как будто опустилось ниже, и мохнатые ослепительные звезды слегка потускнели. В траве, недалеко от того места, где он лежал в спальном мешке, постеленном прямо на давно не выдавшей дождей земле, завозился в траве какой-то ранний зверек.

Из степи долетел первый порыв легкого утреннего ветра. Он принес с собой прохладу и резкий горьковатый запах полыни. Степан проснулся, но вставать еще было рано. Он мог разбудить расположившихся неподалеку прямо под открытым небом остальных сотрудников экспедиции и потому лежал неподвижно. Хорошо ему думалось в этот розоватый предрассветный час полного одиночества. Вспоминалась недавняя работа в Институте по исследованию южных морей. Хорошая работа. Жаль, что недолгая. Ее пришлось оставить после того, как он самовольно выпустил из дельфинария томящихся там пленни-

ков... Потом был заповедник на Карадаге... И оттуда он ушел. Слишком часто стал замечать косые взгляды друзей, тех самых, что любили когда-то на ночь собираться в бухте «Разбойника» с гитарами и могли жить там весь отпуск, полностью отрезавшись от цивилизации. Они так никогда и не смогли ему простить этого заповедника, словно была его вина в том, что солидные дяди с портфелями оттапали в собственное пользование целую сказочную страну, закрыли ее кордонами от простых смертных, понастроили проходных шлагбаумов, а заодно и личных дач на общественные деньги — поди проверь, чем они там занимаются в заповедном режиме. Такая наука недешево обходится обществу, а понимание этого недешево обошлось Степану, он потерял и эту работу, и теперь вот ждет, надется, что по возвращении Ельгин сдержит свое слово, поможет закрепиться в институте, а если нет?.. Опять мотаться по случайным экспедициям?

Мысли Степана текли медленно и без особой связи, как иногда бывает ранним утром, когда желанный сон бежит от широко открытых глаз, в уши назойливо лезут посторонние шорохи, а где-то далеко за горизонтом, невидимый и неслышимый, рождается ветер.

Степан подумал о женщинах. Ни о какой-то конкретной женщине, а о женщинах вообще. Он представил себе, как в далеких городах миллионы женщин лежат в своих уютных постелях, у каждой из них наверняка есть муж, любовник или просто друг. Кого-то они, возможно, ждут. Кто-то должен приехать, вернуться из армии, из командировки, из экспедиции... Только его не ждала ни одна из них. Свои недолгие, ни к чему не обязывающие знакомства он всегда умел обрывать резко и навсегда...

Далеко в степи родился тревожный звук. Может быть, в ночи лишь прокричала какая-то птица. Редко, но бывает в сильный предрассветный час такое особое состояние души, когда кажется: нечто должно произойти, вот-вот совершится, оформится в реальное действие, как этот ночной крик, но ничего не происходит, по-прежнему бесшумно и навсегда утекают прочь минуты жизни, и виноваты во всем, возможно, лишь мохнатые глаза звезд... Нельзя слишком долго и слишком пристально на них смотреть, как и тысячи лет назад для наших далеких предков, они сохранили в себе колдовскую силу, вот только времени не осталось у нас в этом разбираться, или загрубела душа, отгороженная от звездного мира дымом больших городов, утилитарными задачами торопливых повседневных дел...

Под эти беспорядочно разбредавшие мысли незаметно для себя Степан задремал и почти сразу же проснулся, словно от толчка...

Он испытывал необъяснимую, все нарастающую тревогу, ни с чем конкретным не связанное беспокойство, возможно, ему приснился какой-то кошмар, он его не помнил, но скорее всего его вновь разбудил все тот же назойливый резкий крик ночной птицы... Степан прислушался, вокруг все было неподвижно и тихо, как всегда бывает в этот последний предрассветный час ночи, лишь из палатки радиста доносилось тонкое попискивание морзянки, эти звуки, невидимые и неощутимые, пробивались сквозь толщу эфира, чтобы реализоваться в короткие четкие

строчки сообщений... Степан приподнялся, осмотрелся. Тревога не проходила. Тогда он встал, оделся и медленно побрел к палатке радиста, навстречу известию о том самом окончательном повороте в его жизненной судьбе, которого он ждал, на который надеялся и которого, не желая в этом признаваться даже самому себе, одновременно боялся...

По неведомым причинам большому начальству вдруг стало ясно, что совместная археологическая экспедиция в глубь мексиканской пустыни, изучающая остатки древних цивилизаций, и согласованная уже с мексиканским правительством, не может состояться без участия никому не известного, недоучившегося студента Степана Гравова... Его срочно вызывали в Москву...

В этот момент еще можно было остановиться, вспомнив о том, что за неожиданное исполнение заветных желаний, добытое не совсем обычным путем, цена расплаты может оказаться непомерно высокой. Но слишком шальной оказалась удача.

Кое-что Степан все же предпринял. Вернувшись из казахстанской экспедиции, перед тем как отправиться в Москву, он еще раз навестил кооператив на улице Красикова и, разумеется, никого не нашел в старом мазаном доме. Объявление исчезло, жилец съехал, не оставив после себя ни адреса, ни следа.

Наверно, именно тогда Степан решил, что происшедшее можно не принимать в расчет, убедил себя в том, что инсценировка с договором была предпринята ради десятки, оставленной на столе, что все остальное ему почудилось и не имеет отношения к его удаче.

А в договоре между тем появился первый пункт, рыжими чернилами вписанный между строк...

Глава 2

Степан стоял на корме слишком долго для пассажира, уезжавшего в заграничную командировку, для человека, которого ждали впереди заманчивые цветные радости заморских стран.

Теплоход не спешил, он отползал от пирса медленно, как огромное, только что проснувшееся животное. Постепенно отдалялась кромка берега, ее уже закрывали волны тумана. Одна за другой рвались невидимые нити, протянутые между берегом и теплоходом. Вот исчезла, закрылась башенными кранами вышка маяка, и остался лишь печальный, протяжный звук ревуна. Вот померкли, потеряли четкость огни набережной. Степану казалось, что он слышит в звуках ревуна странные всхлипывающие звуки. Слишком уж определенно и отчетливо отдалялась и исчезала за бортом земля, слишком завершенной и окончательной выглядела вся процедура отхода...

Казалось, теплоходу никогда уже не удастся вернуться обратно, и он, Степан, видит родной берег в последний раз. Было ли это предчувствием, или просто сказалась усталость последних дней, заполненных предотъездной суетой, — кто знает?..

Степан стоял, крепко стиснув поручень, и чувствовал, как чужим и далеким становится еще недавно такой знакомый и близкий берег.

Теплоход отошел от пирса далеко за полночь, пассажиры давно уgomонились, разошлись по своим каютам, и Степан был

рад тому, что никто не нарушал в эти последние минуты прощания его одиночества.

Мерно рокотали машины, теплоход с трудом разрезал холодную стылую воду.

— Любуется родиной? — Вопрос прозвучал слишком неожиданно. В двух шагах от него, небрежно попыхивая сигаретой, стоял завхоз экспедиции Лев Павлович Сугробов. С первого дня знакомства Степану не понравилась в этом человеке его манера о серьезных вещах говорить с неприменной иронией и какой-то скрытой издевкой, кроме того, Сугробов умел появляться в самое неподходящее время.

Выглядеть грубым в глазах малознакомого сослуживца, с которым, по всей видимости, придется провести не один день в чужой стране, Степану не хотелось, и потому он ответил сдержанно:

— А вы разве не испытываете хотя бы грусти?

— Я гражданин мира. Я думаю, родина у человека находится там, где ему хорошо, безбедно живется. Вот вы — другое дело. Вы ведь впервые в заграничье, если не ошибаюсь?

Он не ошибался, и почему-то Степан подумал, что Сугробову должны быть известны такие вещи из его, Степановой, биографии, о которых он не знает и сам.

— Вы правы, но именно поэтому я хотел бы остаться один, вы уж простите. — Довольно сухо Степан попытался наконец избавиться от назойливого собеседника.

— Не обращайтесь на меня внимания. Вы можете считать, что меня вообще здесь нет. И потом, человеку в вашем положении трудно рассчитывать на полное одиночество.

— Что вы имеете в виду?

— Договор, который вы подписали, ничего более.

Степан почувствовал, как тревожное ожидание всех последних дней, подспудно копившееся в глубине его души, вырвалось наконец наружу.

Итак, его надежды не оправдались, это была не инсценировка, не игра, не шутка... Он попал в какую-то очень скверную историю с далеко идущими последствиями, и теперь его уже не оставят в покое. Оправдывались его самые худшие опасения, оправдывались слишком поздно, когда ничего уже нельзя изменить... Хотя почему, собственно, нельзя?

Прежде всего нужно было узнать, кто они, эти люди из таинственного кооператива «Посредник», и для чего им понадобился именно он, недоучившийся студент Степан Гравов? Спрашивать Сугробова об этом, конечно, бессмысленно, и все же он решил попробовать...

— Раз вы знаете о договоре, вы, наверно, знаете, и зачем я вам понадобился, ведь не ради двадцати пяти процентов моего заработка организовал ваш кооператив мое участие в этой экспедиции?

— Приятно иметь дело с догадливым человеком.

— Так что вам от меня нужно?

— Узнаешь в свое время. В договоре много разных пунктов, и все их придется выполнять. Придет время, и тебе о них напомнят, а пока просто жди, веди себя тихо, незаметно и не делай глупостей, нам известен каждый твой шаг.

Сугробов нагнулся, сплюнул в зашипевшую за бортом воду и ушел не простившись, словно потерял к Степану всякий интерес. Догадки одна другой невероятней роились в голове Степана. Мафия по провозу наркотиков? Шпионская организация? Торговцы валютой?

Скорее всего ему следовало сразу же рассказать обо всей этой истории капитану корабля или руководителю экспедиции, но Степан слишком хорошо понимал, как нелепо прозвучит его рассказ о могущественном кооперативе «Посредник», и потому попросту решил выждать, пока хоть что-то прояснится, и у него появятся хоть какие-то доказательства. Не зря же они не оставили ему даже экземпляра договора... легче всего принимать решения, не требующие немедленных действий.

После этого ночного разговора Сугробов стал держаться со Степаном, особенно когда они не были на людях, гораздо фамильярней, словно лишний раз хотел напомнить, какая тайна их связывала. Но всякий раз, когда Степан пытался хоть что-то разузнать о своей дальнейшей судьбе, ловко уходил от ответа. Чтобы хоть немного уменьшить пытку неизвестностью, Степан стал избегать Сугробова, стараясь как можно реже выходить из своей каюты.

Ему все еще казалось, что, если не замечать происходящего, делать вид, что все идет по-прежнему, жить станет проще и легче, так, как жилось ему раньше.

Весь рейс до мексиканского побережья превратился для него в один долгий, как год, день, наполненный запахами разогретого металла и масла, жарой низких широт и невеселыми раздумьями.

В Веракрус теплоход пришел поздно вечером. Окунувшись в суматоху разгрузки, Степан по-настоящему ощутил, что дорога окончена, что он действительно находится в чужой стране, лишь после того, как начались многочисленные таможенные формальности. У чиновника, с особенной тщательностью проверявшего документы пассажиров советского теплохода, образовалась длинная очередь. Стоя в ее хвосте, Степан заметил, что в зале никто никуда не спешил, кроме руководителя их экспедиции профессора Силецкого.

Степан все еще воспринимал происходящее как некую декорацию, словно сидел в кино и со стороны почти безучастно и отстраненно наблюдал за окружающим, он все еще пытался себя убедить, что это несерьезно — не может быть серьезным. По своей ли воле или по воле кооператоров из «Посредника» он попал в Мексику, и от этого факта уже нельзя уйти. Именно здесь он им для чего-то нужен...

От порта к отелю шла прямая, как стрела, улица. На ней раскинулись шумные ряды веракрусского базара, где диковинные южные фрукты рассыпями лежали на земле, мирно соседствуя с разноцветными фигурками, вырезанными из дерева, с плетеными узорчатыми корзинами, с глиняными божками для туристов, точными копиями бесценных остатков тысячелетней старины, извлеченных из-под развалин ацтекских пирамид. Даже гортанные выкрики продавцов пульке не могли перекрыть рева ослов, утонувших в пыли задних дворов базара. Польшающие всеми цветами красок наряды женщин словно подчеркивали

скромные белые одежды мужчин — рубашка, полотняные брюки да неизменная широкополая шляпа. Впрочем, ближе к центру города одежда жителей Веракруса становилась вполне европейской. И все же, если Степану хотелось экзотики, то вокруг ее было достаточно. Вот только непреодолимый барьер цветистого испанского языка словно провел невидимую черту между ним и этими людьми.

За несколько стремительно промелькнувших дней он так и не сумел преодолеть странный стеклянный колпак, отделивший его от действительности. Это чувство еще больше усилила резкая смена декораций. Степан попал в другой век, в иную культуру, глазу нелегко было отыскать во всей этой пестроте хоть что-нибудь знакомое. Даже здания здесь не походили на те, к которым он привык. Слишком острые изломанные формы крыш, разноцветные мозаичные панно на фронтонах, соседствующие с пестрыми рекламными вывесками вездесущих американских компаний, как бы напоминали о том, что в этом мире не так уж давно смешалось вместе несколько разноликих цивилизаций.

Две недели экспедиция провела в Веракрусе. Готовили снаряжение, занимали выючных животных, искали опытных проводников, предстоял нелегкий путь в глубь центральной мексиканской пустыни. Работы хватало на всех, и, поскольку должность младшего научного сотрудника не определяла какого-то конкретного участка, Степана использовали повсюду. Он то оформлял документацию, то проверял прибывающее снаряжение, то улаковывал выючные ящики, то вместе с переводчиками закупал продовольствие и медикаменты. И все это время в нем подспудно накапливалось ожидание, росла тревога, хотя раньше, на корабле, ему казалось, что это уже невозможно.

Его беспокоило, что Сугробов до сих пор никак не проявлял себя. Свое тревожное ожидание Степан невольно переносил на окружающих и даже на сам город. Ему казалось: на его улицах, в пестрой сутолоке площадей, в разноголосице базаров заигралась неведомая опасность.

Лишь после того, как последние окраинные домишки Веракруса скрылись из глаз, Степан несколько успокоился. Но именно здесь, на окраине, произошло одно странное событие, натолкнувшее Степана на целую цепь новых невеселых размышлений.

Скрипучая арба неожиданно вынырнула из бокового переулка, и, чтобы пропустить ее, идущий впереди экспедиционного каравана погонщик придержал тяжело навьюченных мулов. Арба ползла медленно, и издали показалось, что она нагружена вязанками белого хвороста. Только когда повозка приблизилась, Степан разглядел в ней огромный человеческий скелет. Лишь после того, как прошло первое потрясение, Степан увидел, что шейные позвонки скелета увенчивает искусно вылепленная из папье-маше маска хохочущей смерти — это была всего лишь огромная кукла.

— Что это? Зачем это сделано? — впервые за всю дорогу он обратился к переводчику, надменному и презрительному идалго, в чьей крови оказалась большая доза крови испанских конкистадоров.

— Всего лишь смерть, — непонятно пояснил тот, — в городе готовится карнавал, праздник мертвых.

— Праздник смерти?

— Ну, если хотите. У нас смерть не считается чем-то ужасным, как привыкли думать вы, европейцы. Это всего лишь переход между двумя разными мирами. Смерть, жизнь... — переводчик достал из кармана серебряную монетку, подкинул ее и ловко поймал, — всего лишь две стороны одного и того же — как стороны этой монеты.

— Это я понимаю, могу понять, но праздновать смерть...

— Поминовские умерших празднуется всеми народами. У нас этот ритуал приобретает особое значение. Он всегда заканчивается карнавалом, дети объедаются сладостями. Живые радуются тому, что еще живут, а мертвые — что уже умерли.

«Странная философия», — подумал Степан.

Караван давно покинул пределы города, пейзаж постепенно стал меняться, становясь все более безжизненным. Морские влажные ветры, запутавшись в вершинах плоских прибрежных возвышенностей, сюда уже не долетали. И характер растительности резко изменился, исчезли листовые кустарники, среди проплешин песка появились первые кактусы.

Измученный непривычной жарой, Степан то и дело вспоминал повозку, везущую карнавальную маску смерти. Здесь, в пустыне, он уже не казался ему декорацией. Среди холмов часто встречались кости погибших животных, казалось, самый воздух пропитался отвратительным сладковатым запахом гниения.

До самого вечера Степан так и не смог отделаться от неприятного воспоминания. Маска хохочущей смерти стояла у него перед глазами весь день.

Раскаленное красноватое солнце наконец приблизилось к горизонту, караван остановился на ночлег. Рабочие стали разбивать лагерь, натягивать палатки, разносить пищу усталым животным. Экспедиции предстояло еще целую неделю двигаться в глубь пустыни для того, чтобы приблизиться к раскопу ацтекского города.

В этот вечер Степан впервые пожалел о том, что расстался с домом. Чужая страна казалась ему теперь слишком жестокой, а трудности пути, поджидавшие их впереди, почти непреодолимыми. Проклиная собственную глупость, жару и песок, он стал натягивать палатку. А тут еще солоноватая вода в его фляге кончилась, и пришлось идти за новой в самый центр лагеря. У больших складских палаток, где стояла бочка с питьевой водой, он наткнулся на Сугрובה.

— Я как раз собирался тебя искать. Завтра утром постараюсь не уезжать с первым караваном. Я что-нибудь придумаю, скажу, что ты должен помочь мне в погрузке.

— Это еще зачем? — не слишком приветливо осведомился Степан.

— Откуда я знаю, зачем. Так велено.

— Кем велено?

— А ты не знаешь? — Сугробов мрачно усмехнулся и отошел, не желая продолжать разговор. Надежды Степана, что его хотя бы здесь оставят в покое, не оправдались. Скорее всего именно теперь ему предстояло рассчитывать по одному из тай-

ных пунктов договора. По крайней мере с ожиданием и неопределенностью будет покончено, наступала пора действовать.

Ночь, которую он почувствовал в день приезда как бы за чертой города, теперь настигла его. Она была рядом, вокруг, стояла между кустов опунций, прогнувшихся к нему из темноты свои усыпанные колючками ладони. Степан глотнул из только что наполненной фляги горькую, как хина, воду. Впервые он задумался о тех, кто подsunул ему договор, а теперь пытался управлять его жизнью из-за угла, чужими руками, определенно, как о врагах. Может быть, стоило рассказать обо всем руководителю экспедиции Силецкому? Вряд ли кто-нибудь отнесется к этому серьезно. А Сугробов попросту откажется от своих слов.

Ночь в этой стране набрасывалась из-за угла неожиданно, сразу, как живое враждебное существо. Только что вокруг царили сумерки, и вот уж вместо них сплошная тьма. Даже свою белую палатку Степан отыскал с трудом.

Цветы кактусов, ждавшие этой минуты весь долгий, переполненный жарой день, теперь развернули в темноте свои лепестки, и в палатку Степана поплыл одурманивающий аромат.

Степан задернул полог палатки и, хотя он казался не слишком надежной защитой от притаившейся у порога ночи, все же, застегнув его, почувствовал себя несколько уверенней.

Он заснул сразу, едва голова коснулась подушки, и тут же, во всяком случае, так ему показалось, проснулся.

За палаткой стояла все та же душная колдовская ночь, заполненная запахами неведомых растений, странными звуками, песнями ночных насекомых.

Полог палатки был теперь отдернут, а белая фигура, укутанная в саван, стояла у входа в палатку.

Степан крикнул и не услышал ни звука. Посторонние звуки были не властны проникнуть в эту ночь.

— Не бойся, — тихо, почти ласково, попросил скелет, — меня не надо бояться.

— Я не боюсь, — прошептал Степан, — я просто ничего не понимаю.

— Конечно. Конечно, ты не понимаешь. Но это не страшно. Понимание придет позже. — Скелет присел на обломок камня, валявшийся возле палатки, снял череп и превратился в очень старого, иссушенного временем человека. Отсветы луны терялись в глубоких морщинах его лица. Годы посеребрили волосы. Старое панчо, отбеленное неукротимым временем и показавшееся Степану саваном, мешковато свисало с худых плеч старца. А может, это все же был саван?..

— Это не саван, — ответил старец, словно слышал все его мысли. — Хотя ты можешь считать мою одежду саваном, потому что я послан за тобой из другого мира. Из того, что для вас, людей, находится по ту сторону смерти. Я должен подготовить тебя.

— Подготовить? — пролепетал Степан плохо повиновавшимся языком, чувствуя, как его страх постепенно переходит в парализующий ужас.

— Ты больше никогда не вернешься в этот мир. Но, прежде чем покинуть его, тебе придется стать воином.

— Я не хочу! — крикнул Степан. И в ответ старец кивнул, словно соглашаясь, словно и не ожидал услышать ничего другого.

— Те, кто отмечен временем, никогда не знают этого сами. Однако пославшие меня могли ошибиться. Посмотрим, как отнесется к тебе Руно. Я ничего еще не решил. Выбирать ученика труднее, чем искать учителя. — Старец вздохнул. — Теперь прощай, мы скоро встретимся снова. — Старец поднялся и еще раз пристально посмотрел на Степана. Словно два холодных голубых клинка, не встретив преграды, погрузились до самого дна его души.

— Ты совсем не похож на будущего воина.

— Я не воин! Я не собираюсь им становиться! Я хочу вернуться домой, я не имею к этому ни малейшего отношения! — Он кричал запоздалые слова, как камни, швыряя их в пустоту. Никого уже не было возле палатки, даже песок не взметнулся в том месте, где за секунду до этого стоял старец, и тогда Степан проснулся во второй раз.

Высоко поднявшееся солнце уже успело пробраться сквозь тонкие стены палатки, напоминая о том, что в пустыне давно начался новый день, снаружи не доносилось ни звука, и это показалось Степану необычайно странным. Он рванул «молнию», распахнул полог и не увидел вокруг ничего, кроме песка, начинавшего белеть под первыми лучами раскаленного солнца. Караван ушел без него.

Глава 3

Спокойно, сказал он себе, постаравшись унять бешено застучавшее сердце. Этого просто не может быть. Здесь что-то не так. Его не могли «забыть», это исключено, и проспаться отход каравана — мероприятие достаточно шумное — он тоже не мог.

Поблизости он не обнаружил на песке ни одного следа, словно караван за ночь испарился, превратился в мираж, в дым, или, что гораздо правдоподобней, ночью его, вместе с палаткой, перенесли на новое место, подальше от лагеря. Но кто мог это сделать, зачем? И почему он даже не проснулся? Существовал лишь один вероятный способ...

Он вспомнил горьковатый вкус воды в своей фляге и Сугробова, который, видимо, неспроста поджидал его у бочки. Наверно, он, специально затеяв отвлекающий разговор, сумел подменить флягу. И это, кроме всего прочего, означало, что он остался в пустыне без глотка питьевой воды...

Степан кинулся в палатку. Лихорадочно разбрасывая вещи, разыскал флягу и встряхнул ее — двухлитровый сосуд был заполнен до самого горла. Он плеснул на ладонь немного воды, попробовал на вкус. Сомнений не оставалось — в воду что-то подмешали, скорей всего снотворное, и весьма сильное — хватило одного глотка...

Он представил, что с ним будет, когда жара и усталость сломят волю, замутят рассудок и он выпьет всю жидкость из фляги... Возможно, на это они и рассчитывали. Его, конечно, станут искать, но даже если найдут — он уже ничего не сможет рассказать.

Что-то здесь было не так. Избавиться от него могли более простым способом. Для этого не нужна Мексика. Чего-то он не понимал. Чего-то очень важного.

Чтобы не поддаться соблазну, он отвинтил пробку, перевернул флягу и следил остановившимся взглядом, как песок жадно впитывал драгоценную влагу. Все. Теперь у него оставалось не больше двадцати четырех часов времени. Если до следующего восхода он не найдет каравана, ему не выжить. В пустыне человек без воды погибает к середине второго дня — это Степан знал хорошо.

Нужно определить хотя бы приблизительное направление. С самого начала они шли на запад, затем свернули к югу, но он не знал, насколько круто, у него не было даже компаса. Если бы найти след! Его не могли унести слишком далеко, вряд ли они располагали лишним временем. Он решил обойти местность вокруг, постепенно расширяя круги. Палатка хорошо заметна издали и послужит неплохим ориентиром.

Один круг, второй, третий — пустыня казалась первозданной, словно здесь никогда не ступала нога человека. В конце концов он едва не потерял палатку и решил вернуться, чтобы взять вещи. Возможно, они ему не понадобятся, если он не найдет вовремя воду.

Все же с рюкзаком Степан почувствовал себя уверенней.

Солнце поднялось достаточно высоко, становилось жарко. Степан не мог больше тратить время на поиски следов каравана. С каждой минутой расстояние между ним и его товарищами неумолимо увеличивалось и вместе с этим уменьшалась надежда на спасение. Оставалось одно: ориентируясь по солнцу, придерживаясь хотя бы примерного направления, идти в ту же сторону, куда ушел караван. Он не надеялся его догнать. Однако, рано или поздно, его хватятся, и на его поиски вышлют спасательную группу. Вопрос в том, как скоро это случится, успеют ли они...

И Степан пошел на юго-восток. Он все еще пытался найти следы каравана, понимая, что спасательная группа будет двигаться обратно по караванной тропе. Но вокруг под ногами был лишь белесый обожженный солнцем камень, без единого отпечатка, без единой царапины...

Иногда ему встречались группы кактусов, разорвавшие своими неукротимыми корнями поверхность каменной равнины. Они были похожи то на отдельные колонны, то на странные роци без малейшего признака тени. В одной из этих «рош», так и не найдя лучшего укрытия от солнца, он вынужден был ненадолго остановиться, чтобы переждать самую страшную полуденную жару.

Развесив на колючках одеяло, ему удалось получить небольшой кусок тени, но сидеть на камнях оказалось невозможно, и тогда Степан, отыскав между кактусами достаточно широкую расщелину, постарался выскрести из нее верхний, раскаленный слой песка.

Неожиданно осколок камня, которым он проделывал эту операцию, наткнулся на что-то твердое. С трудом разрушая слежавшийся, местами почти окаменевший слой песка, Степан извлек из-под него небольшой металлический предмет, тускло

блеснувший на солнце своей матовой бронзовой поверхностью.

В руках у него оказался восьмигранный наконечник старинной ацтекской стрелы. Степан хорошо знал его форму, точно такой же был в коллекции профессора Ельгина, только там он потемнел от времени, покрылся кавернами окислов, а этот сохранился так хорошо, словно лишь вчера покинул колчан своего владельца. Был ли тому причиной сухой воздух пустыни или что иное — Степан не знал. Больше всего сейчас ему хотелось понять, куда делась караванная тропа. Он положил свою находку в карман — возможно, Ельгин лучше разберется в ее секретах.

Жара стояла такая, словно Степан находился внутри огромной печи. Губы погрескались, в горле пересохло, ему с трудом удавалось проталкивать в измученные легкие новые порции горячего воздуха. Впервые он пожалел о той, вылитой в песок воде из фляги. Несколько глотков из нее оборвали бы все его мучения.

Не осталось сомнений — он полностью сбился с нужного направления. Местность, по которой они шли вчера, совершенно не походила на ту, что окружала его сегодня. Следы прошедших до них караванов, кости погибших животных — все это непостижимым образом исчезло. Лишь миражи у раскаленного горизонта остались прежними. Впрочем, и это не совсем так. Сейчас, например, он видел маленькие глиняные домики и огромные ступенчатые пирамиды храмов древнего ацтекского города. Возможно, того самого, к которому так стремились его товарищи. Вот только на вершине этих пирамид клубился дым, а внизу блестели бронзовые щиты воинов. Скорее всего у него начинался бред.

Мираж заколебался, подчиняясь невидимым движениям раскаленного воздуха, словно был настоящим. Но ни один мираж не в силах отразить то, что не существует в действительности.

Горячая земля выпивала, высасывала из него остатки сил. Нужно было вставать и идти дальше. Вот только зачем? Какой смысл в новых мучениях, если у него не осталось надежды?

— Вальяешься? — вкрадчиво спросил скелет, выделяя свой отчетливый, однозначный костяк из плывущего марева миража. — Давай, давай. Я давно тебя жду.

— Я готов, — просто ответил Степан.

— Тогда вставай, и пошли.

— Еще чего! — возмутился Степан. — Для тебя вполне подойдет и это место.

— Ошибаешься, — сказал скелет, вновь превращаясь в старика. — Вон за тем холмом, как только перевалишь его, увидишь старую хижину. В ней я тебя и подожду.

Скелет исчез, растворился в струях похожего на кипяток воздуха, оставив после себя лишь сомнение. Стоило ли проверить реальность этого приглашения?

Холм, на который указал скелет, виделся не таким уж далеким. В конце концов любопытство оказалось сильнее отчаяния, и Степан поплелся к холму, оставив под кактусом свой рюкзак и твердо решив не возвращаться за ним. Если назначенная встреча состоится, ему уже не понадобятся вещи.

Хижину он увидел сразу же, как только поднялся на холм. Это была обычная мексиканская мазанка, обнесенная плетнем из колючих веток пустынных кустарников. Издали она казалась нежилой, но там могла быть вода! Мог быть колодец! Степан забыл обо всем, ноги сами понесли его к хижине.

Вкус воды люди забыли, как забыли и многое другое, утонув в хаосе своих каменных городов. Степан пил медленно, долго, впитывая влагу каждой клеточкой своего большого иссушенного тела. Вода пахла первозданной свежестью, она пахла ветрами и травами, она пахла жизнью. Теперь он был готов встретиться с несколькими скелетами сразу.

— Есть тут кто-нибудь? — Хижина молчала, только дверь скрипнула в ответ на его вопрос и приоткрылась, словно приглашала войти. Степан переступил порог. Внутри царили полумрак и прохлада, толстые метровые стены не пропускали жару, а маленькое оконце, затянутое слюдой, почти не давало света.

Мебели практически не было. Соломенная циновка, небольшой стол, явно самодельный, глиняная посуда — все здесь говорило о натуральном мексиканском хозяйстве, о том быте, которым и сегодня, в двадцатом веке, живут десятки мексиканских деревень. Да разве только мексиканских? Он вспомнил покосившиеся домишки на своем родном Севере, разве что стены там были деревянные, вот и вся разница...

В хижине кто-то жил. В миске на столе лежала сухая мансовая лепешка.

Степан снова повторил свой вопрос. Никакого ответа. Лишь снаружи донесся заунывный тоскливый вой. Волки? В пустыне не бывает волков, скорей всего это ветер. И тут он услышал шаги. Шаги у самой хижины.

Он готов был поклясться, что вокруг на несколько километров не было ни одной живой души. Во дворе невозможно укрыться. И тем не менее кто-то подходил к двери. Степан почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Дверь открылась, и порог переступил старик в поношенном мексиканском плаще из грубой домотканой материи.

Хотя в комнате было темно, Степан заметил, что вошедший человек очень стар, но держится удивительно прямо, а его походка легка, как у юноши.

На секунду лицо старика показалось знакомым, но скорее всего это была лишь игра его измученного пустынными миражами воображения.

— Простите, — сказал Степан, — я вошел без приглашения. Здесь никого не было, я отстал от каравана и вот...

Старик ничего не ответил, он пересек хижину и уселся в углу на циновке, не обратив на Степана ни малейшего внимания, словно тот стоял здесь всегда, как этот древний стол.

— Где я нахожусь? Какая это деревня? Где проходит караванная тропа? — попробовал Степан еще раз, отчетливо произнося слова.

Никакого ответа, взгляд, направленный сквозь стены хижины, казалось, видит иные миры. Степан решил подождать, продемонстрировать выдержку, хотя ему очень хотелось есть. В неподвижности и молчании время текло незаметно. Свет, пробивавшийся сквозь слюдяное оконце, стал слабеть.

Сухая маисовая лепешка, которую Степан заметил на столе, когда вошел в хижину, казалась ему теперь куском пышного пирога.

Старик достал из заплечной котомки лист бетеля и с видимым удовольствием принялся его жевать, по-прежнему не обращая на Степана ни малейшего внимания.

— Вы не понимаете по-русски?.. К сожалению, я не знаю мексиканского...

Старик молчал.

Прошло не меньше часа. В хижине стояла влажная душная тишина, нарушаемая лишь тонким писком москитов да заунывным свистом ветра за стенами. Старик сидел на своей циновке совершенно неподвижно. Покончив с бетелем, он ни разу не шевельнулся. Муки голода становились совершенно непереносимы. В конце концов Степан не выдержал и сделал новую попытку заговорить:

— Мне нужно в Мехико, в посольство, я русский, понимаете? «Рашен».

— Не суетись. Время разговора еще не пришло. — Фраза прозвучала в голове Степана очень четко, с глубокими обертонами, словно он слышал ее через стереонаушники, сдвинутые на затылок.

— Вы знаете русский?! — Степан вскочил, он одновременно испытывал радость и гнев за столь долгое бессмысленное ожидание. Он хотел подойти к старику, заглянуть ему в глаза, но шага за два что-то его остановило. Ощущение опасности? Холодок в спине? Он не знал что, он вздохнул, отвернулся и полпелся на свое место.

— Хорошо, — проговорил старик, — человек, который должен стать воином, обязан уметь управлять собой.

— Я не собираюсь становиться воином.

— Наши желания стоят немногого, пока внутри нет силы для их осуществления.

Степан не хотел спорить с этим явно не совсем нормальным человеком и потому ответил примирительно:

— Я готов стать воином, кем угодно, лишь бы узнать, есть ли здесь хоть какой-нибудь транспорт.

— Зачем он тебе?

— Мне нужно в столицу, в посольство, мне нужен Мехико.

— У нас нет такого города.

— Есть, это столица государства, в котором вы живете, она находится на побережье.

— У этого государства совсем другая столица. Она называется Кекоциатль. — Степан не почувствовал даже страха, лишь резкое раздражение на невежественного старика. Мы редко ощущаем подлинное дыхание судьбы и не сразу видим за маской настоящее лицо истины.

— Пусть будет по-вашему. Тогда я хотел бы попасть в этот самый Кекоциатль.

— Кекоциатль, — поправил старик. — Там ты можешь стать только рабом или воином, но скорее всего тебя принесут в жертву Мортару.

Степан рассердился на себя за попусту потраченное время. Он хотел было встать и выйти, но неожиданно его рука наткну-

лась в кармане на какой-то острый предмет, на новенький наконечник ацтекской стрелы, совсем недавно побывавшей в кухне, и он вдруг почувствовал, что холодок страха пополз от его руки к сердцу.

— Ты, кажется, начинаешь что-то понимать, — сказал старик, и усмешка впервые появилась на его иссушенном пустынными ветрами лице.

— Я вам не верю, — произнес Степан.

— Тебе и не надо верить. Придет время знаний, как пришло время разговоров, и тогда ты все поймешь сам. А сейчас наступает другое время. Время сумерек, время, когда дует западный ветер. Время, когда воины собирают и копят силу. Пойдем. Я должен знать, примет ли тебя сила.

Легко, как юноша, старик поднялся и пошел к выходу, и Степан последовал за ним. Он не знал толком, что им двигало. Любопытство? Желание понять? Страх остаться ночью в этой хижине наедине со своими сомнениями? Наверно, все это вместе и еще непонятное ощущение уверенности, исходящее от старца. Иногда встречаются люди, рядом с которыми все наши опасения кажутся мелкими, не заслуживающими внимания. Сейрос был таким человеком. Он не называл своего имени, но Степан почему-то знал, что его зовут Сейрос, и не сомневался, что это так и есть.

Они вышли из хижины. Солнце уже зашло. Оно зашло слишком поздно, и над горизонтом разгоралась зеленоватая заря. На ее изумрудном фоне сверкали белые великаны далеких снежных вершин.

Пустыня осталась на востоке, и здесь начиналась какая-то другая страна. Поднимался холодный западный ветер. Степан ощутил его прохладное дыхание на своей коже и на мгновение задержался. Кажется, он напрасно оставил в пустыне все свои вещи...

— Нет, — сказал Сейрос, — одежда тебе не нужна. Достаточно представить теплый меховой плащ. Волны тепла идут по рукам вверх, обтекают спину, грудь. Ты их чувствуешь?

Степан молчал. Он видел на себе этот плащ, надежный, плотный. От него шло тепло, сначала по рукам, потом оно обтекало грудь, спину, все его тело. К своему удивлению, он почувствовал это тепло. И с этой минуты началось его обучение науке воина иных, чуждых нашему миру пространств. Хотя сам Степан все еще не подозревал об этом...

Глава 4

Казалось, время остановилось. Степан не смог бы теперь сказать, сколько дней прошло с того момента, как он вынужден был остаться у Сейроса. Дважды он пытался уйти — один раз в пустыню, другой раз в сторону гор. Никто не держал его, никто не преследовал, но вокруг, на несколько дней пути, не было ни дорог, ни жилья, ни следа человека. Измученный и униженный, он был вынужден вновь возвращаться к хижине и не слышал от Сейроса ни слова упрека за свое долгое отсутствие — лишь легкая усмешка да неизменная мансовая лепешка на столе, честно поделенная на двоих.

До сих пор он так и не смог понять, какая роль в его судьбе предназначалась Сейросу. Кто он, его страж? Враг или человек, волею обстоятельств оказавшийся в таком же положении, как и сам Степан? Постепенно, исподволь приближалось время откровенного разговора. Давно уже Степан понял, что внешность Сейроса обманчива, что старец знает многие из тайн, плотным кольцом окруживших Степана, парализовавших рас­судок и волю. Сейрос далеко не всегда отвечал на вопросы, но если уж говорил, то говорил только правду, в этом Степан убеждался не раз. И он наконец услышал ответ...

— Ты ведь и сам уже почти все понял.

— Другое время?.. — заледеневшими губами произнес Степан.

Сейрос отрицательно качнул головой.

— Здесь вообще другой мир, иная фаза. Он существует одновременно с вашим, в одном пространстве, но у него собственная судьба. Когда-то оба эти мира составляли одно целое, но сотни лет назад в твоём мире победили испанцы, здесь — ацтеки, и миры разошлись, как путники расходятся на развилке дорог.

— Это невозможно. Этого просто не может быть.

— Может. Случиться может все, что человек способен вообразить, и даже значительно больше.

— Но как я попал сюда?

— Ты подписал договор с теми, кому подвластно многое, теперь ты принадлежишь им. Они решили сделать из тебя вонна и поручили это мне.

— Но я же не знал...

— Когда подписываешь такой договор — никогда не знаешь, чем это кончится. Погонишься за легкой удачей и вдруг ока­жешься в чужих пространствах.

— Я хочу немногого, хочу вернуться, забыть обо всем, жить обычной жизнью, такой, как живут сейчас мои друзья, сверстники, те, кто остался...

— А вот это невозможно. Есть дороги, которые мы выбираем, а есть те, которые выбирают нас и ведут в одну сторону.

И только теперь Степан начал понимать, что случилось. Холод чужих пространств постепенно и неотвратимо проникал в него, замораживая мысли и чувства, и среди этого все расширяющегося ледяного круга оставалась одна-единственная горячая точка — чувство ненависти к тем, кто проделал с ним эту подлую шутку.

Он все еще не верил до конца, нельзя было в это поверить и сохранить рассудок. Он потерял самое главное — свободу выбора, и теперь его судьба, вся его жизнь зависели только от чужой воли. Он вступил на дорогу без возврата...

Но Сейрос снова отрицательно качнул головой и ответил на его мысли:

— Человек до той поры остается собой, пока в нем не исчезает хотя бы желание к сопротивлению. Но ты слишком много говоришь вместо того, чтобы действовать. Возможно, ты все-таки станешь рабом, а не вонном. — Степан вскочил и тут же сдержался, вспомнив наставления Сейроса. Он спросил уже почти спокойно:

— Что я должен делать?

— Учиться искусству война. И постепенно набирать силу.

Они шли долго. Пыльная, растрескавшаяся от дневного зноя земля сменилась каменной почвой предгорья. Начался подъем. Сначала пологий, он становился все круче и круче. Раза два исцарапанные в кровь босые ноги Степана срывались на скользких камнях, и тогда он спрашивал себя, как долго все это будет продолжаться.

Сейрос шел легко, не выказывая ни малейшего признака усталости, казалось, его тело скользило по воздуху, едва касаясь почвы. Он шел не оглядываясь, не произнося ни слова. Степан наметил для себя последний рубеж — вершину одиноко торчащего камня, и, когда они дошли до него, без сил рухнул на землю. Дальше он не пойдет. Дальше он не шевельнется, не сделает ни одного движения. Даже если это его последняя остановка. Пусть Сейрос уходит, пусть оставляет его одного, пусть холод и ночные звери сделают свое дело. Старик обернулся и, остановившись, спросил:

— Ты знаешь, кто заключил с тобой договор? ...В разных местах их называют по-разному — это древнее племя, может быть, более древнее, чем племя людей.

— Ты принадлежишь им?

Усмешка осветила лицо старика.

— Я принадлежу только себе. Иногда они обращаются ко мне за помощью, иногда я к ним. Мы тоже соблюдаем договор, но он справедлив. Я составлял его сам. А ты...

— Договор всего лишь бумажка, я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Этот договор — не бумажка. Он существует многие тысячи лет, и его не нарушали никогда. По крайней мере не известен ни один такой случай.

— Я не знаю, что там написано.

— Узнаешь. Когда придет время, тебе напомнят о каждой букве, и за каждую придется платить.

— С ними нельзя бороться?

— Бороться может воин. А ты всего лишь человек.

— Но человек может стать воином!

— Верно. Для этого нужны сила и знание. И еще терпение и мужество. А ты валяешься у этого камня.

Степан медленно подыался, что-то смутно он начинал понимать.

— Ты хочешь сказать...

— У каждого камня есть уши, и сказать я хочу лишь одно — мне поручили сделать из тебя война. Клянусь Силой, ты им станешь.

— Я пойду с тобой. — Некоторое время старик пристально смотрел ему в лицо, и Степан не отвел взгляд.

— Может быть, Руно примет тебя. Идти больше не надо.

— Что мы будем здесь делать?

— Ты слишком много говоришь. Молчи и слушай. Слушай себя, горы, ночь, ветер. Все ответы здесь, вокруг тебя.

Старик прислушался, отошел на несколько шагов и, прило-

жив руку к камню, медленно повел ладонью над его поверхностью, удовлетворенно качнул головой.

— Это хорошее место. Сядь здесь и слушай, и ничего не бойся. Я буду рядом, если понадобится, приду на помощь.

— Здесь водятся волки?

— Волков здесь нет. Здесь есть кое-что пострашнее волков. Слушай

И Степан остался один. Он не знал, далеко ли ушел Сейрос, тишина гор и мрак наступающей ночи почти сразу поглотили его шаги. Степан провел рукой над камнем, как это сделал старик. В одном месте камень показался ему теплее и лучше. Он не знал, так ли это, и не знал, чем отличается этот камень от сотен других, он просто сел на него и стал ждать. Ночь текла медленно и странно. Странно, потому что очень скоро Степан перестал ощущать холод и жажду, он словно становился частицей ночи, растворялся в ней, а ночь не может ощущать ни холода, ни страха. Может быть, ночь всего лишь ожидание дня. Все имеет свою противоположность. Рождение — смерть. Прилив — отлив. Взлет — падение. Ритм во всем, в каждой вещи, в каждой частице материи. В ее глубинах и на самой поверхности... Странные мысли нашептывала ночь. Мысли о том, что человек и Вселенная едины, что Вселенная растворена в человеке, а человек может раствориться во Вселенной, не потеряв себя. И это было самым трудным...

Так началось его учение. Учение без книг и долгих речей. Степан узнал, что человек может довольствоваться ничтожно малым, что главная задача война — это умение накапливать в себе энергию, разлитую в природе, умение находить и чувствовать ритм в каждой вещи. Он еще не знал, для чего существует этот ритм, но уже понял, что за ним скрыта одна из главных тайн природы.

Иногда Степану казалось, что окружающая его реальность, вся эта пустыня, поиски и накапливание таинственной силы, проникновение в суть вещей — все это лишь сон. Что вот-вот он проснется и все будет как раньше, но шли дни, недели, месяцы... Его тело стало суше, стройнее. Взгляд пристальней, внимание обострилось. Он стал различать звуки и улавливать движения, недоступные обычному восприятию. Он научился никуда не спешить и ждать, ждать так, как будто впереди была вечность.

И лишь иногда сквозь это бесконечное ожидание проникала в его сознание прежняя глухая тоска по дому. В один из таких дней, почувствовав его настроение, Сейрос сказал:

— Сегодня я должен сообщить тебе нечто важное. Нужен «круг». Приготовь все необходимое.

Это означало, что тайна, которую собирался ему открыть учитель, настолько значительна, что нуждается в специальной защите.

Влияние внешних злобных сил ощущалось тем сильнее, чем тоньше становилась перегородка, отделявшая война от мира иных, незримых для обычного человеческого взгляда измерений. Степан не знал, так ли это. Критическая оценка действий учителя ему никогда не удавалась, слишком велика была гипнотическая, подавляющая волю сила, которая незримо окружала все,

связанное с Сейросом. И потому Степан, не раздумывая и не возражая, подчинился.

Прежде всего нужно было в расселинах северных скал набрать веток колючего кустарника мискаля. И хотя там, куда они потом пойдут, растет сколько угодно точно такого же мискаля, годился только этот, омытый северными ветрами, собранный недалеко от дома.

Потом они долго ждали заката, сидя в открытом дворике и набирая силу для трудной дороги. Наверно, для постороннего наблюдателя их сборы выглядели более чем нелепо, но к этому времени Степан уже понял, что Сейрос ничего не делает зря, и научился держать при себе свое мнение. Тем более что с таким же успехом он мог бы спорить со скалой, на которой рос мискаль.

Солнце на здешнем небосклоне двигалось чрезвычайно медленно, и, хотя они вышли перед самым закатом, а дорога к восточным склонам хребта занимала не меньше четырех часов, у них оставалось еще достаточно светлого времени, чтобы выбрать нужное место.

На небольшой ровной площадке, покрытой толстым слоем песка, Сейрос нарисовал круг, поперечником метра в полтора, и затем утыкал его границы ветками мискаля. Получилась довольно высокая зеленая изгородь, почти скрывшая от глаз Степана фигуру учителя. Степан не мог видеть того, что происходило внутри круга. Стоя неподвижно, он ждал часа два или три. Наконец, когда сумерки совсем сгустились, Сейрос сделал ему знак, приглашая войти внутрь круга.

— Здесь мы можем говорить обо всем. Нас не услышит ни одно живое существо в обоих мирах. У мертвых предметов я тоже на всякий случай стер память.

Учитель надолго замолчал, и Степан не произнес ни звука, понимая, что сейчас нельзя перебивать его мыслей и надо ждать. Слышно было, как ветер шелестит ветвями мискаля у них за спиной.

— Я надеялся, что со временем твоя тоска по оставленному дому станет меньше, но этого не случилось. Мне так и не удалось сделать из тебя настоящего воина. У воина чужих пространств не должно быть собственного дома. Так или иначе, твое обучение подходит к концу. Вскоре мы должны будем расстаться. Те, кто заключил с тобой договор, вернутся за тобой. Ты станешь вещью, пешкой, выполняющей их приказы.

Степан лишь крепче стиснул зубы. За долгие месяцы обучения он привык слушать собеседника молча и скрывать свои чувства. Он думал о том, что успел привязаться к этому немногословному, суровому, но справедливому человеку, на короткое время заменившему ему всех тех, кого он любил в своей прежней жизни. Он знал, что и Сейросу безразлична его судьба, хотя тот никогда и не выказывал своих чувств.

— Я так и не смог узнать, зачем ты им нужен. С этим связана какая-то важная тайна. Науке война, с их согласия, обучают лишь тех, кому предстоит совершить нечто необычное, но в любом случае помни — все, что исходит от них, всегда связано со злом.

— Они вернут меня обратно в мою страну?

— Об этом забудь. Для тех, кто хоть раз вышел за границы своего времени, обратной дороги нет.

— Тогда скажи мне, как поступить. Человека можно сделать воином, но после этого он не согласится стать игрушкой в чужих руках.

— Ты прав. И, кажется, я все же не зря учил тебя древней науке. — Сейрос надолго замолчал. В сгустившихся сумерках Степан не мог видеть его лица, но, и не видя, он знал, что на нем не изменилась ни одна морщина, не дрогнул ни один мускул. Ничто не выдало той напряженной работы мысли, которую он чувствовал благодаря незримой связи, возникшей между ними за время обучения.

Охраняя покой его раздумий, Степан прислушался к находившемуся за границей круга пространству тем внутренним, особым слухом, которому научил его Сейрос. Совсем близко, у самого края ущелья, раздавались чьи-то тяжелые шаги, от которых вздрагивала земля.

Деревья и камни, содрогаясь, потрескивали. Холодом ночи, леденящим и смрадным, повеяло с той стороны, где только что прошло незнакомое Степану существо.

— Там кто-то есть.

— Это Парки. Ты должен был услышать его гораздо раньше. В круге он нас не увидит. К тому же сегодня не его ночь. Не отвлекайся. Наш разговор слишком важен.

Я знаю лишь одно место, где тебя не станут искать. Те, кто заключил с тобой договор, всего лишь слуги, есть раса более могущественная, у нас их называют деймами. Им подвластны дороги между всеми мирами. Воин, накопивший достаточно силы и мужества, может попытаться воспользоваться дорогой деймов. Я не думаю, что тобой заинтересуются сами деймы. Для них ты козявка, не больше.

— Куда ведет их дорога?

— В прошлое, в будущее, может быть, даже... — Сейрос показал вверх, туда, откуда сквозь темные ветви кустов светили холодные звезды. — Точно этого не знает никто, кроме самих деймов. Каждый раз дорога идет в другую сторону, и всего раз в триста сорок лет, в день великого противостояния планет, в этом мире открывается дверь на дорогу деймов. Никто оттуда не вернулся, чтобы рассказать. Другие существа, непохожие на людей, иные миры... Иногда там находят могущество, против которого бессильно даже древнее племя.

— Я хочу подумать...

— На это у тебя уже нет времени. Ты должен решить сейчас.

— Ты мог бы сказать мне раньше...

— Раньше ты был не готов к такому разговору. Случайных совпадений не бывает, тебя не зря завербовали, и не зря день великого противостояния планет наступает именно сейчас, может быть, сила выбрала тебя, и ты уцелеешь, на большее не смеет надеяться смертный, ступающий на дорогу деймов.

— Я не смогу... — И опять Сейрос отрицательно покачал головой, как всегда угадывая в нем еще не родившееся решение на несколько секунд раньше самого Степана.

Сверху посыпались камни. Защита зеленых кустиков казалась, такой хлипкой, такой ненадежной. Но камни почему-то падали

в стороне, а те, что катились вниз по откосу, останавливались, не достигнув круга. Случайность? Возможно, но где-то здесь, рядом, проходила граница между случайным и неизвестным.

— Дай мне хотя бы несколько часов, отложи хотя бы до завтра! Ты требуешь от меня невозможного.

— Даже упоминать о нашем разговоре за пределами круга нельзя. Если они узнают, тебе не удастся пройти. Дверь охраняют. Только внезапность и вся сила, которой я владею, могут помочь прорваться. Я многому еще должен научить тебя этой ночью, пока действует круг. Но, вообще-то ты можешь остаться, упустить свой единственный шанс и стать рабом вместо воина. Решай сейчас.

Степан сжал ладони, словно хотел удержать в них частицу родной планеты, сохранить связь, но в руках оказался лишь песок, и он легко проскальзывал между пальцами.

Степан уже сделал свой первый шаг, ведущий прочь от родного мира, и теперь чужие пространства засасывали его все глубже.

В сущности, у него уже не было выбора. Ему оставалось лишь одно — безостановочно двигаться все дальше вперед, в неизвестное.

Глава 5

После круга они ни разу не говорили о принятом решении. Каждый камень, куст, стена дома — все это слышит звук. Сейрос считал, что некоторые предметы хранят полученную информацию в течение нескольких лет и опытный маг может ею воспользоваться в любой момент.

Без лишних разговоров сборы проходили быстро и буднично. Семидневный пост, который Сейрос назначил еще до круга, придал всему телу Степана легкость. Голова стала ясной, а чувство голода давно прошло. К тому же сегодня он впервые за эти семь дней поел. Еда была необычной: стебли горных трав, собранные Сейросом, какие-то корни... Эта смесь называлась «пищей силы».

Степан надел поношенный мексиканский плащ, старое сомбреро, хорошо защищавшее лицо от жгучего солнца пустыни. Взял нож, который подарил ему Сейрос. Прежде чем прикрепить его к поясу, проверил, остро ли лезвие. Нетускнеющая полоска стали сверкнула на солнце. Это его единственное оружие. Сейрос говорил о зелье, в котором в ночь новолуния выдерживал лезвие. Степан спросил тогда о его составе, и Сейрос упомянул истолченную в порошок сухую жабу, разрыв-траву, корень мандрагоры... Степан тогда не сдержался и сказал, что все это полнейшая ерунда. Сейрос посмотрел на него внимательно и с достоинством ответил: «Конечно, ерунда, но действует отлично. Когда-нибудь ты в этом убедишься». И вот теперь этот нож — его единственная защита в предстоящем походе. Вспомнив сейчас об этом случае, он улыбнулся и подумал, что, хотя многие самые невероятные предсказания Сейроса сбывались, история с дверью в другой мир выглядела сейчас, в лучах утреннего солнца, чересчур фантастично. И потому он не относился слишком серьезно к своему походу.

Одно решил — обратно не возвращаться. Теперь у него достаточно опыта, чтобы принять ношу самостоятельной жизни в этом мире, какой бы горькой и трудной она ни оказалась. Хватит прятаться за спиной старика.

На стене висела сушеная тыква, обтянутая сыромятной плеткой, наполненная родниковой водой еще со вчерашнего вечера. Степан опустил ее в котомку. Пожалуй, эти два литра прохладной воды — самое ценное из того, что он берет с собой.

За тыквой последовал десяток майсовых лепешек, завернутых каждая в отдельный лист сабзы. Сегодня старик расщедрился... Четыре листа бетеля... И хотя Степан так и не научился без крайней необходимости жевать листья этого растения из-за их тошнотворного вкуса, он всегда брал их с собой в дальнюю дорогу. Сок бетеля действовал сильнее крепкого кофе, и, если придется бороться со сном, он может пригодиться...

Когда Степан переступил порог, Сейрос не обернулся. Они простились два дня назад, и сейчас ни тот, ни другой не подали вида, что расстанутся скорей всего навсегда.

Пустыня словно ждала Степана за порогом хижины, чтобы бросить в лицо вместе с раскаленным ветром сухую въедливую пыль.

Его путь лежал к востоку, в сторону гор. Целый день он будет идти знакомой дорогой к отрогам восточного хребта, и лишь на следующее утро, «если сила позволит», как говорил Сейрос, свернет в сторону, чтобы найти проход, ведущий сквозь скалы к двери в иные миры. Если она вообще существует.

Сейрос заставлял его смотреть на мир собственными глазами. Сейчас все вокруг изменилось. Он видел только растрескавшуюся землю, колючие ветки полусохших растений, линию горного хребта у горизонта. Исчез тот иллюзорный, таинственный мир, которым умел наделять окружающее сам Сейрос, и Степан пожалел об этом, потому что реальный мир показался ему жестче, непригляднее и безжалостней мира Сейроса. В нем не было места для волшебной сказки, и мосты в иные звездные миры существовали скорее всего лишь в покинутой им навсегда хижине старика...

Сейчас, если обернуться, ее уже не будет видно. Он не стал оборачиваться. Нужно выполнить все полученные от Сейроса инструкции с максимально возможной точностью, чтобы потом, в случае неудачи, не упрекать себя за неправильные действия.

В магии мелочи часто значат гораздо больше, чем зависящие от них внешние события. Температуру поверхности камня, влажность волшебного порошка, направление и силу ветра — все обязан учитывать маг, если хочет добиться успеха. А события внешнего мира — это лишь отражение мира внутреннего. Тот, кто способен влиять на расположение едва уловимых сил в этом втором невидимом мире, легко изменит любую ситуацию в реальной жизни.

Ничто постороннее не должно отвлекать его от выполнения многочисленных обязанностей ученика мага, даже если ему недолго осталось этим заниматься...

Он твердо решил выполнить последние указания Сейроса. Это

все, чем он сможет отблагодарить его за долгие месяцы терпения.

В последнее время Степан стал замечать, как сильно изменился его характер. Он научился взвешивать и обдумывать свои поступки, стал мудрее и старше, словно годы пролетели в стенах старой хижины. Возможно, в сутолоке современного мира нам больше всего не хватает именно времени и тишины для того, чтобы прислушаться к себе, узнать свою истинную цену.

До полудня Степан шел, не сбавляя темпа.

Только достигнув назначенного Сейросом места предгорий, он смог наконец остановиться на короткий отдых. Несмотря на усталость, он тщательно обследовал место, защитил и очистил его от враждебных сил.

Закончив ритуал, он сел лицом к ветру на небольшом плоском камне, откупорил тыкву и впервые позволил себе сделать несколько глотков.

В дороге все внимание сосредоточивается на главном — на движении, и Степан не сразу заметил, как сильно изменилась местность в этой малознакомой для него части предгорий. Песка уже не было, он остался ниже, здесь встречался только вылизанный шершавыми языками ветров пустынный камень.

Причудливые колонны походили на окаменелые остатки скелетов. В скалах ему виделись то череп какого-то чудовища, то костлявая лапа с полуметровыми когтями, недвижно застывшая в глубинах камня и словно грозившая ему оттуда. Это плохой признак, означавший, что он начал терять равновесие духа, а перед предстоящим испытанием такое состояние никуда не годится.

Степан попытался отвлечься от всего постороннего, расслабиться, все внимание сосредоточить на накопление силы, но из этого ничего не вышло, он плохо владел собой... Перед сражением воин должен быть спокоен и равнодушен к предстоящему. Но день великого противостояния наступил слишком рано, он еще не готов, он не успел как следует освоить науку война, и никто теперь не сможет предсказать, чем кончится его поход...

Степана поражало всякое отсутствие жизни в окружавших его каменных великанах, они казались мертвее самой пустыни. Похоже, он выбрал не лучшее место для первого привала, надо уходить отсюда как можно скорее...

Тревога не отпускала его до самого перевала. Лишь выбравшись из последнего ущелья и ощутив на своей коже еще горячие лучи закатного солнца, он почувствовал облегчение и вновь остановился.

Прежде чем спускаться в сумерки надвигавшегося снизу вечера, нужно было запастись силой. Если он не сумеет сделать этого сейчас, идти вниз не имело смысла. Он привычно расслабился, представил, как огненные линии солнечных лучей пронизывают его насквозь, проходят по жилам и нервам, задерживаются в солнечном сплетении... Он сидел так долго, не меньше часа, под палящими лучами солнца, подстелив под себя плащ и открыв солнцу ничем не защищенную кожу. Не было ни ожогов, ни дурноты, только огонь плыл в крови, словно вместо воды он выпил несколько глотков спирта.

Когда в невнятном посвисте ветра Степан начал различать

отдельные слова, он решил, что можно идти дальше. Излишнее накопление энергии переводит воина из активного состояния в созерцательный мир голосов неживой природы. Однажды, подчинившись требованию Сейроса, он там побывал и не хотел бы испытать это еще раз. Общение с неживым миром полностью опустошает человека, делает его беспомощным и слабым.

Степан набросил на плечи плащ. Голос ветра сразу стих, словно тот осознал безнадежность своих попыток. Степан развязал узелок, выбрал между обычными лепешками одну зеленого цвета — только она и была для него сегодня настоящей пищей, остальные нужны только для маскировки.

Сейрос всегда тратил много времени на то, чтобы замаскировать свои подлинные намерения, скрыть истинные цели от бесчисленного сонма невидимых живых существ, населявших воду, скалы и воздух. Прав ли он был? Не ему судить об этом. Он отломил кусок зеленой лепешки «силы», проглотил его и запил еще одним глотком воды. Он не испытывал теперь ни голода, ни жажды. Даже удушливый зной перестал причинять неудобства. Возможно, это результат тренировок, возможно, лепешка содержала в себе тонизирующие вещества.

Степан встал и, сунув плащ в котомку, пошел дальше, навстречу закату.

Ночь прошла спокойно под надежной защитой магического круга. К рассвету следующего дня он беспрепятственно дошел до поворота.

Вокруг стояла тишина, какая бывает только перед землетрясением. Природа словно прислушивалась к чему-то. Близился полдень двадцать второго июня. До великого противостояния планет оставалось не более двух часов, солнце находилось почти в зените. Степан повернул и прибавил шаг, замечая все больше приметных мест, о которых говорил Сейрос. Сердце глухо стучало в груди — он никак не мог справиться с волнением. Он знал, что воин в ответственный миг обязан быть абсолютно спокоен, но ничего не мог с собой поделать впервые за два долгих дня пути. Вот он — последний подъем, еще один поворот, утес, похожий на голову крокодила, русло пересохшего потока, пологий гребень скалы, еще шаг, два, и там должна уже открыться его взору темная скала...

Вот и она... На фоне светлого песчаника выделяется, будто специально вытесанный из гранита черный монолит. Ноги словно налились свинцовой тяжестью... Каждый шаг дается все труднее, он едва отрывает подошвы, переставляя ноги, как колоды. Скала теперь совсем близко. Почти правильный, поставленный на ребро параллелепипед в самом деле похож на дверь без стенов, забытую каким-то великаном на этом горном плато. Он чувствует легкую ритмичную вибрацию почвы... Так и должно быть. Сейрос говорил об этом ритме. С ним связано самое главное условие перехода. Нужно уловить момент, поймать гребень невидимой энергетической волны. Если ее ритм попадет в резонанс с внутренним ритмом скалы... Все предметы обладают своим внутренним ритмом. Камerton можно услышать... Ритм скалы способен почувствовать лишь специально подготовленный человек... И он чувствовал этот ритм, захватывающий, могучий, словно стучало под землей огромное мохнатое сердце гор.

Осталось всего несколько шагов. Но идти все труднее. Теперь скала возвышается перед ним гладкой полированной стеной. Мрачные тени мелькают на сколах гранита, или это всего лишь отблески солнца? Он слышит за спиной нарастающий свист ветра и знает — оглядываться нельзя, быть может, ветер поможет ему, иначе его шаг никогда не совпадет с могучими ударами подземного сердца.

— Остановись! Остановись! Остановись... пока не поздно, — шепчет голос. Его или ветра? Не разобрать. Он делает еще шаг и сразу же ощущает страшный удар в грудь. От этого удара перехватывает дыхание, темнеет в глазах, он терлет равновесие, шатается, но ветер помогает ему удержаться на ногах. И тогда справа, из-за ребра скалы, вылетает воронка песчаного смерча. С бешеным свистом она бросается наперерез человеку, отрезая ему дорогу к скале. Степан видит перед собой эту воронку, понимает, что все кончено, что в этом поединке ему не устоять. Мягкие предательские руки ветра обхватывают его спину, плечи, ноги, он пытается рвануться в сторону, слишком поздно. Воздушные струи вдруг уплотняются, становятся похожими на стальные канаты.

Неодолимая сила рвет его вверх и в сторону. Ноги отрываются от земли, и в то же мгновение мир начинает бешено вращаться. Степан понимает, что вертится он сам, что смерч захватил его в свои смертельные объятия. Вздохнуть невозможно, он ослеп и оглох, но все еще продолжает бороться.

Он не видит, что справа возникает новый смерч, светлее и выше первого. Столкнувшись в коротком поединке, они оба отклоняются в сторону, и на какой-то миг стальные объятия, сжавшие тело Степана, слабеют.

Его рука тянется к поясу, нащупывает рукоятку ножа, у него нет времени подумать о том, как нелепо наносить удары стальным лезвием по воздушным струям, он использует свое единственное оружие, и ему кажется, что удары ножа ослабляют канаты, сжимающие тело. Он уже может перевести дыхание и вдруг падает на песок.

Удар оглушил его, а когда пелена перед глазами исчезла и он смог приподняться, ничто уже не напоминало о схватке двух титанических сил, пустыня обрела свой прежний вид.

Черный параллелепипед скалы сверкал на солнце в сотне метров от лежащего на песке человека. Вокруг было тихо, безветренно и пустынно.

Степан встал на ноги. Окружающее еще не обрело четкость, в ушах звенело, голова кружилась, к горлу подступила тошнота. Это мелочи — с этим он справится. Глубокий вздох, задержка дыхания, выдох — ему уже лучше... Сколько прошло времени с тех пор, как его унесло от скалы? Минута, час? Сейрос говорил, что проход будет действовать до захода солнца, значит, не поздно попробовать еще раз.

Он встал и подошел к скале. На этот раз не почувствовал никакого сопротивления, не ощутив никакого ритма. Перед ним возвышалась самая обычная скала из шершавого черного гранита, от нее шел жар, камень раскалился от полуденного солнца. Кое-где из трещин лезли к солнцу зеленые кустики травы... Степан приложил руку к камню и ощутил под ладонью его не-

сокрушимую ребристую поверхность. Надо было что-то делать. Он чувствовал себя полным дураком. В конце концов он разбежался и ударился о скалу плечом. Удар отрезвил его, и Степан медленно опустился на землю у подножия скалы.

Разочарование оказалось сильнее, чем он ожидал. Избитое тело болело, он почувствовал жажду и голод, Краски окружающего померкли. Все теперь представлялось ему плоским, серым, не имеющим никакого значения. Солнце стояло уже невысоко, жара спадала, пора было трогать в обратный путь, к людям.

Теперь он знал, какую цену придется заплатить за блестящую, как мишура, выдумку Сейроса — разочарование. Впереди его ждала жизнь в совершенно чужом древнем мире ацтеков, договор и все, что из этого вытекало. Он устал от окружавшего бредового мира и подумал, что, если идти все время на запад, он снова попадет в пустыню, из которой пришел. Туда, где навсегда затерялись следы его каравана, и будет искать их снова, до тех пор, пока не погибнет.

Степан медленно побрел вдоль скалы, чтобы обогнуть ее и выйти к западному ущелью. Потом ему останется лишь спуститься с перевала, чтобы снова попасть в смертоносную пустыню.

Сейрос говорил: «Мир таков, каким мы его представляем. Стоит выпустить его из взгляда, как он начинает изменяться, течь как вода. Иногда это можно заметить в уголках глаз».

Много чего говорил Сейрос. Невозможно отделить в его словах выдумку от реальности. И больше он не собирался искать истину. Однако сейчас он смотрел на скалу тем самым угловым зрением, и на самой границе она не казалась ему такой уж плотной, такой уж незабываемой. Нерезкая поверхность колебалась, словно огромные темные волны шли снизу вверх по отвесной грани. «Если хочешь добиться успеха, не надо оповещать всех о своих намерениях. Воин должен действовать неожиданно...» Сейчас он уже почти миновал скалу, ему осталось пройти один-два шага до ее конца. И вдруг, неожиданно для самого себя, он круто изменил направление и пошел на скалу так, словно перед ним не было ничего, кроме пустого пространства.

Свет померк на какую-то долю секунды. В лицо пахнуло ледяным ветром, а потом на него навалилась вязкая тяжесть, словно он с головой погрузился в холодную темную воду. Все это, впрочем, продолжалось лишь доли секунды, он не успел толком разобраться в своих ощущениях, как свет снова ударил в лицо. Скалы уже не было перед ним. Она оказалась сзади.

Если бы он обернулся, то увидел бы на ее поверхности черное пятно, похожее своими очертаниями на человеческое тело. Пятно медленно светлело, сливаясь с окружающим камнем, но еще долго по его границе пробегали змеиные искры холодного синего пламени...

С двух сторон над головой Степана, на востоке и на западе, полыхали два голубых солнца...

Глава 6

Фиолетовый мир двух солнц казался необитаемым. Во всяком случае, поблизости Степан не заметил ни сооружений, ни дви-

жения каких-нибудь крупных существ. Впрочем, он догадывался, что там, где есть растительность, наверняка не менее богат и животный мир. Он прислушался к фиолетовому миру внутренним слухом, так, как учил его Сейрос, и не услышал ничего враждебного. Злобу и боль других существ он смог бы почувствовать на значительном расстоянии. Но этот мир молчал.

Неподалеку плескалось озеро с виду очень чистой воды. С риском для жизни ему предстояло выяснить, годится ли она для питья.

У самого горизонта, там, где висело вечернее солнце, можно было рассмотреть конус одинокой вершины. Сейчас свет мешал, но утром, если, конечно, местное солнце восходит с противоположной стороны и если здесь вообще бывает утро, он сможет лучше рассмотреть гору.

Ему понравилось, что параллелепипед, торчащий здесь посреди равнинной местности, до сих пор не привлек к себе ничего внимания. Вокруг не было ни следов, ни тропинок.

Только теперь, позволив себе немного расслабиться, он почувствовал, как сильно устал.

Хотелось есть, но еще сильнее — пить. Прошло уже несколько часов с тех пор, как в его сушеной тыкве кончился последний глоток воды.

Корни местных растений оказались съедобными, а вода вкусной и прохладной. Это была благодатная планета.

Как только солнце коснулось горизонта, он зарылся в теплый мягкий песок и заснул без всяких сновидений, как засыпают люди в конце долгого пути, когда трудная дорога осталась позади.

С рассветом Степан проснулся от тишины и в первую минуту не сообразил, что ночь уже прошла, а фиолетовое солнце вновь высоко стоит над горизонтом.

Вокруг простиралась однообразная песчаная равнина, поросшая редкой растительностью. Лишь на западе, освещенная теперь лучами восходящего солнца, сняла вершина горы. Степану ее блеск показался излишне ярким. Дымка мешала рассмотреть подробности, но снега там как будто не было. Откуда же тогда такой блеск?

Степан решил подойти к горе поближе. Торопиться в этом мире было абсолютно некуда. Он чувствовал себя так, словно время остановилось, словно впереди у него тысячелетия и ему ничего не стоит пройти всю эту планету пешком по экватору.

Когда по прошествии двух часов равномерной неторопливой ходьбы он обернулся — параллелепипеда почти уже не было видно. Он сливался с горизонтом. Заблудиться в этой плоской, как тарелка, степи казалось невозможным. Надо было лишь не забывать время от времени ориентироваться по солнцу и по вершине горы.

Гора оказалась гораздо дальше, чем он предполагал вначале. Фиолетовый воздух скрадывал расстояния. Лишь на третий день пути вершина несколько приблизилась.

За одну ночь воздух стал вдруг прозрачен, как кристалл, и он увидел перед собой гору, словно нарисованную неведомым художником на фиолетовом полотнище неба.

Линии горы казались слишком правильными для естественно-

го природного образования, а склоны покрывали круглые цветные пятна. Они чередовались в какой-то вполне определенной последовательности. Степан всматривался в них, пока у него не зарябило в глазах, а высоко поднявшееся солнце вновь не наполнило степь дымкой болотных испарений.

Впервые с того дня, когда он начал свой путь к подножию горы, Степан засомневался, стоит ли идти дальше. На необитаемых пустынных планетах не должно быть гор с четкими геометрическими очертаниями, покрытых мозаикой цветных пятен. Что же делать? Попробовать снова нырнуть в черную неизвестность параллелепипеда? А что изменится в новом мире? Где гарантия, что и там его не будут поджидать те же самые опасности? И тем не менее он должен подойти к горе поближе и узнать, что собой представляют таинственные цветные пятна. В конце концов у него ведь была всего одна надежда, один-единственный шанс — найти среди чужих мертвых и враждебных миров жизнь мудрую и сильную, разум, способный понять и помочь. Что, если он здесь, в двух шагах, за крутыми склонами пирамиды?

Он почти чувствовал, что за цветными стенами скрывается что-то враждебное, нечто, готовое использовать его разум и тело в своих собственных целях, и тем не менее шел к пирамиде.

На следующее утро Степан окончательно понял, что гора представляет собой искусственное сооружение, сложенное из гигантских цветных шаров.

Она возвышалась перед ним во всей своей нелепой очевидности. Абсолютно правильная геометрическая форма каждого шара не оставляла места сомнениям в их искусственном происхождении.

Цвета были подобраны так, что одинаковые оттенки нигде не соприкасались. Розовый шар соседствовал с зеленым, желтым, синим, красным. Во втором ряду его место занимал уже шар другого цвета. Оттенков было множество. Каждый шар в поперечнике был не меньше шести метров. С расстояния, где стоял Степан, нельзя было точно определить размеры отдельных шаров, зато размеры всего сооружения подавляли своим могуществом. Какой-то сумасшедший великан выложил посреди степи эту пирамиду-игрушку, выложил аккуратно, потратив на эту работу всю жизнь...

Только в одном ряду Степан насчитал не меньше пятидесяти шаров, сбился со счета, и сколько бы раз ни повторял попытки, у него получались разные числа. Очевидно, мешали яркие контрастные цвета соседних шаров, от которых рябило в глазах. На самой вершине, на четырех шарах покоился один металлический ярко сверкавший на солнце шар. От основания до него было не менее трехсот метров.

Чем ближе подходил Степан к пирамиде, тем больше менялись масштабы восприятия целого и тем меньше она ему нравилась... Он уже не видел краев, они потерялись в дымке горизонта, не мог рассмотреть и вершины. Теперь перед ним была просто стена, сложенная из огромных цветных шаров.

Если подойти еще ближе, он увидит только один шар. Почему-то вспомнилась строчка хорошо знакомого стихотворения: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоя-

нье...» Здесь это так и было. Но вместе с тем было и еще что-то. Какая-то ускользающая от него мысль.

Целое складывается из частного, но и каждое частное, в свою очередь, отдельное целое, отдельный мир, внутри которого множество своих частных. По этой шкале можно идти без конца, и лишь где-то внизу должен быть предел. А может быть, предела нет? Может быть, там скрывается переход меньшего в большее? Частицы атома в галактику?

Он подошел еще ближе. Поверхность гигантского шара уже не казалась гладкой. Она была изъедена временем. Можно было различить выступы, выбоины, потертости, кое-где даже трещины. Но всюду, насколько он мог судить, материал был один и тот же — похожая на пемзу губчатая каменная порода.

Он отыскал у подножия небольшой осколок шара, ударил по нему несколько раз другим камнем и легко превратил в цветной порошок.

Больше всего поражала одинаковая интенсивность цвета снаружи и в глубине породы. Ни солнце, ни ветер, ни потоки дождей ничего не смогли поделаться с этой каменной радугой.

Степан постучал по поверхности одного из шаров и понял, что они не полые. Иначе и не могло быть. Если бы нижние шары были внутри полыми, то они не смогли бы выдержать вес этого гигантского сооружения.

Лишь один шар вершины отличался от всех остальных, и, наверно, не только цветом.

Почему-то Степан все время помнил об этом. Этот шар притягивал его как магнит.

Степан попытался подняться по стене вверх. Это удавалось с трудом. Зато после того, как он протиснулся между шарами в прохладную глубину пирамиды, подъем пошел гораздо легче. Теперь Степан, упираясь в соседние шары спиной, локтями и коленями, карабкался все выше.

Почувствовав, что силы на исходе, Степан выбрался на наружную поверхность пирамиды, уселся в седловине между соседними шарами, глянул вниз и удивился, как высоко сумел подняться.

Теперь уж до вершины оставалось наверняка меньше, чем до подножия. Глупо было бы возвращаться, и, отдохнув, он пошел дальше.

Странные звуки исходили из глубин пирамиды. Рожденные причудливым эхом, до него доносились чьи-то тяжкие вздохи. Отраженные от бесчисленных изогнутых поверхностей, они скользили по внутренним лабиринтам, словно хотели быть кем-нибудь услышанными. И вот теперь, достигнув его ушей, звуки умирали. Но на их место бесконечной чередой шли другие. Чаще всего в них слышалась горечь разочарования, словно сама пирамида говорила с ним бесчисленными голосами, жаловавшимся на несправедливость и забвение...

Может быть, это всего лишь памятник? Ему не догадаться, не решить загадку. Разве лишь на самом верху, в последнем металлическом шаре, ему что-то откроется...

А далеко на орбите, невидимой для незаоруженных глаз Степана, вращался небольшой космический аппарат, и два суще-

ства, внешне совершенно похожие на людей, наблюдали с интересом за его усилиями.

— Он все-таки вошел в пирамиду?

— Конечно. Любопытство всегда было лучшей приманкой для этих существ.

— Почему они так одинаковы? Почему никогда не делают выводов из прошлых событий?

— Их логика страдает каким-то странным изъяном. Они, например, считают, что добро само собой способно побеждать зло, и надеются получить подарок от доброго дяди. Иногда всю жизнь вместо того, чтобы заниматься делом, они ищут доброго дядю.

— И находят?

— Этого я не знаю.

— А ведь он поднимется до самого верха.

— Да, он упрям и самонадеян. Если ему это удастся — значит, повезло нам.

— Это будет второй случай за все время.

— Да. Второй.

То и дело срываясь, соскальзывая с гладких выпуклых поверхностей, Степан искал более удобные для подъема места и упрямо лез вверх. Во рту пересохло, спину ломило от усталости, но в глаза уже били отраженные от металлической поверхности верхнего шара ослепительные солнечные лучи.

Еще одно усилие, еще. Рано или поздно кончается любая дорога, или нам так лишь кажется? Ведь любой конец всего лишь новое начало...

Взобравшись на предпоследний ряд шаров, Степан понял, что может встать во весь рост. Четыре шара основания соединяла прочная каменная платформа, на которой покоился самый верхний и самый большой металлический шар. Теперь Степан стоял прямо перед ним. На шаре не было заметно ни единой трещины или щели.

Похоже, подъем не имел никакого смысла. А на что он, собственно, надеялся? На то, что перед ним распахнется дверь и неведомые разумные существа, те самые, что ждали здесь его появления многие тысячи лет, с восторгом примут его в свои объятия?

Разочарование оказалось слишком сильным. Он сел на каменную платформу, свесил ноги и постарался привести в порядок скачущие мысли. Во все стороны отсюда открывалась беспредельная равнина, с мелкими озерами, болотами, речками, зарослями. Он видел все это маленьким и далеким. Предметы казались условными обозначениями, нанесенными на гигантскую карту.

Голова кружилась от бессмысленности затеянного им предприятия, от высоты, от усталости, от того, что все оказалось бесполезным, что в гладкой несокрушимой металлической поверхности он не сможет найти решения загадки, ради которой целый день карабкался на эту невысказанную высоту, а ведь еще предстоял путь вниз.

Сейчас он не верил даже в то, что у него хватит сил спу-

ститься. Поверхность шара у него за спиной казалась теплой, слишком теплой для простого металла. Но что с того, если он все равно никогда не решит его загадки, не сумеет заглянуть внутрь? Впрочем, Сейрос учил его другому зрению, гораздо более зоркому, чем обычное.

Нужно закрыть глаза, чтобы ничто постороннее не отвлекло, расслабиться, представить себе поверхность шара так, словно ты сам стал ее частью, удержать ее в сознании, не отвлекаясь ни на какие посторонние мысли, приблизить, рассмотреть детально со всех сторон... И тогда он увидел щель.

Еще не веря себе, он вскочил на ноги, вновь подошел к шару. Да, щель была именно в том месте, где он увидел ее своим внутренним зрением. Она шла вверх на высоту примерно двух метров, изгибалась и снова спускалась вниз. Теперь он понял: перед ним находилась дверь, ведущая внутрь стального шара. Он надавил на то место, где, по его расчетам, должна была быть ручка. Дверь легко поддавалась его усилиям и ушла внутрь шара. Степан стоял перед черным квадратом.

— Если его выпустить, он начнет все сначала?

— Несомненно. Он слишком упрям и неразумен.

— Зато силен и упорен.

— Да, из него получится хороший воин.

— Не уверен. Возможно, в этом случае нам придется применить полную реконструкцию личности.

Сила тяжести уменьшилась. Или это только казалось? Степан уже не мог доверять своим ощущениям. В полной темноте и тишине исчезло время, медленно исчезало вслед за ним нормальное восприятие мира. Начинались галлюцинации, кошмары.

— Не-е-ет! — кричал он в равнодушную темноту. — Я не хочу!

Никто его не услышал. Беспомощное, безвольное тело человека медленно притягивалось к центру шара, внутреннему фокусу гигантского золотого глаза, не ведавшему жалости, сострадания, гуманизма...

— Ты кто такой? — спросил голос глаза.

— Степан.

— Куда ты полез? Что ты можешь? Ты козявка, ничтожество.

— Я человек.

— Ты забудь даже свое имя.

— Нет.

— Попавший в фокус забывает все. Сейчас ты узнаешь, что такое фокус. Сейчас ты почувствуешь.

Миллионы невидимых раскаленных игл, выброшенных засветившейся поверхностью шара, летели в одну точку — к центру. Туда, где висел человек. Впиваясь в его тело, они причиняли короткую нестерпимую боль и гасли, но на смену им летели новые иглы, и с каждым укусом он вспоминал поражение, неудачу, несчастье, обиду. Он ощущал величие тех, кто причинял ему боль. Свое ничтожество и их могущество.

Спасительная темнота забвения заволакивала время от време-

ни сознание жертвы, но хозяева золотого глаза располагали временем по своему усмотрению, их терпение казалось безграничным.

Иногда в голосе звучали отеческие интонации. Он настаивал, поучал, объяснял, и тогда, на время, пытки прекращались. Вместо раскаленных игл к фокусу шара начинали поступать совсем другие излучения. Они наполняли тело Степана сытостью, ощущением благополучия и короткого дремотного чувства счастья.

В такие минуты он ощущал себя личинкой, помещенной в прочный и надежный кокон заботливой маткой, она питала и растила его, она заботилась о его будущем.

Странные видения время от времени возникали в мозгу Степана. Он видел гигантские пирамиды, сложенные посреди немых городов. Его глазам являлись лживые боги и пророки, которым удалось обмануть жителей городов, слишком занятых собственными повседневными делами. Боги взбирались на вершины, укреплялись там и застывали в бронзовой неподвижности. А внизу, в тени пирамид, спокойно кормились их старательные почитатели.

Но как только Степан хотел что-то изменить в своем положении, едва он пытался дернуться, вывернуться из проклятого фокуса, как шар оживал, и Степан сразу же начинал ощущать раскаленную точку фокуса, шарившую внутри его беззащитного тела, искавшую центры нервных сплетений и разрушавшую одну за другой кладовые его памяти.

Один раз он увидел внутреннюю поверхность шара, излучавшую мыльные пузыри. Их радужный строй, все ускоряясь, летел к нему со всех сторон пространства, обволакивал густой пеной, не давал дышать, забивал рот сладкой ватой. Он глотал эту пену до тошноты, до рвоты, она переполняла легкие и желудок, и когда в очередной раз голос шара спросил его об имени, он не знал, что ответить.

Больше он не ощущал себя целой личностью. Его разняли, разложили на отдельные шарики, каждый шарик, возможно, и имел собственное название, но единой человеческой сущности у них уже не было.

Время относительно. Оно становится таковым, преломившись в призме человеческого сознания. Но если сознание раздроблено, расчленено на отдельные части — время тоже теряет свою целостность и как бы распадается на отдельные крохотные эпизоды, не связанные между собой логикой причинно-следственных связей.

Человек, потерявший собственное имя, упрямо боролся за жизнь. Память изменила ему, силы оставляли его израненное тело, и он с трудом соображал, что, собственно, должен делать, чтобы продлить агонию еще на несколько часов и предоставить спасателям хотя бы ничтожный шанс, отыскать в пространстве крохотную точку его аварийной капсулы.

Как он сюда попал? Почему стеклянная защитная сфера капсулы вызывает в нем вместе с мучительной болью воспоминания о совсем другом месте, излучавшем всей своей поверхностью только боль и смерть? Этого он не знал, этого ему не вспо-

мнить, об этом вообще не следовало думать, если он хотел сохранить хотя бы те крупницы здравого смысла и памяти, которые еще остались в его распоряжении.

Капсула неумолимо падала, она падала так уже тысячи лет, и человек знал, что в конце ее гибельного пути короткая вспышка взрыва принесет ему забвение и окончание всем его мучениям. Тем не менее он упрямо боролся за жизнь, и он бы, возможно, справился, находя внутри своего разбитого тела неожиданные резервы жизненной силы, он бы наверняка справился со свалившейся на него бедой, если бы... он не забыл собственное имя. Он не знал, кто он и как очутился в космосе, он падал в искаленной спасательной шлюпке, все ближе подходя к поверхности Марса, но он не был пилотом взорвавшегося корабля, кажется, он был всего лишь одним из его пассажиров... Но тогда почему с таким упорством встает перед его мысленным взором управляющая рубка и строгие глаза инспектора, экзамен которому он так и не сумел сдать? И почему он вспоминает вместе с этим сухую крымскую степь, что это за странной чужеродный кусочек памяти, сохранившийся вопреки всему?

Теперь самым важным было вспомнить, кто он такой и почему оказался в шлюпке. Ему казалось, что именно это знание может принести спасение или, по крайней мере, отделит физическую боль от внутренней, вычленит ее из сознания, принесет столь необходимую ему сейчас свободу в воспоминаниях и мыслях. Но в памяти упорно вставали эпизоды двух разных жизней, перепутавшиеся, слившиеся в чудовищный, уродливый комок. То он чувствовал себя абитуриентом, провалившимся на вступительных экзаменах в школе космического центра, и вновь переживал горечь расставания с мечтой, то видел караван, уходящий в пустыню, археологическую экспедицию, пыль навсегда исчезнувших цивилизаций. Какое это могло иметь к нему отношение? Он не знал. Шлюпка продолжала падать, и все меньше кислорода поступало из респиратора его скафандра. Температура за бортом, видимо, повышалась. Он не мог видеть приборов, не хватало сил повернуться. При последнем ударе его тело заклинило между креслом и стенкой кабины.

Приборы скорей всего вообще бездействуют, а панель разбита. Его положение совершенно безнадежно, шансов на спасение нет. Он отчетливо понимал это, принял как неизбежное собственную гибель и не жалел о самом конце. Только хотел, хотя бы на время, избавиться от боли, чтобы подвести черту, чтобы хоть немного разобраться в путанице своего сознания. Кто-то ему говорил — тот, кого он хорошо знал: «Человек должен уходить из жизни с ясным сознанием». Почему-то вспомнилось странное сочетание звуков «Сейрос». Возможно, эти звуки означали чье-то имя. Он помнил еще два такие же важные звуковые сочетания — Роман и Степан. Скорей всего это тоже были имена. Но он так и не смог вспомнить, кому они принадлежали.

Авария рейсового корабля «Марс — Земля» произошла по невыясненной причине. Большинство аварий с давних времен про-

исходило именно так. Взрыв уничтожал все следы. Правда, на этот раз многим пассажирам удалось добраться до спасательных капсул, и управляющий автомат успел вышвырнуть их в космос за несколько секунд до взрыва. Часть капсул сразу же подобрали спасательные службы, но некоторые провели в космосе по нескольку дней и даже недель, пока были засечены докагорами спасательных кораблей. Поиск затруднялся из-за обломков корабля, заполнивших тот сектор пространства, в котором произошла авария, и сбивавших ложными сигналами локаторы поисковиков. Хрупкие крошечные суденышки, внутри которых в лежачем положении едва помещался один человек, не были приспособлены к столь длительному пребыванию в космосе.

Некоторые пассажиры были найдены в очень тяжелом состоянии. Полная неподвижность в течение долгих недель, абсолютная неизвестность, необходимость экономить крохотные запасы воды и пищи сделали свое дело.

Особенно трудно пришлось тем из пассажиров, капсулы которых попали в зону высоких температур. Во время взрыва их антенны оплавилась, аппаратура отключилась, и все эти долгие дни они находились в состоянии такой изоляции и абсолютной тишины, вынести которые нормальная человеческая психика не в состоянии.

ЧАСТЬ II

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ

Глава 1

Когда первые корабли землян робко вышли в космос и стали исследовать ближайшие планеты, никто точно не знал, что за этим последует. Но века сменяли друг друга, люди все дальше уходили в глубь космоса от своих первых поселений. Наконец настали времена, когда звездолеты землян научились легко преодолевать бездны пространства, отделявшие звезды друг от друга. Человеческие поселения рассеялись по всей Галактике, и для того чтобы из конца в конец пролететь территорию, занятую Федерацией Свободных Планет, лучу света требовалось уже больше сорока лет.

Пространство и время постепенно теряли свою беспредельную власть над человеком. Каждый мог выбрать себе из бесчисленного разнообразия миров дом по собственному усмотрению. Упростились потребности и вкусы. Производство материальных благ перестало довлеть над человечеством, и вслед за этим началось медленное отмирание огромных промышленных планет, напичканных автоматикой и гигантскими кибернетическими комплексами. Какое-то время они еще держались благодаря расширенному производству межзвездных кораблей, но вскоре их выпуск замедлился сам собой. У человечества не хватало людских ресурсов для освоения новых миров.

Естественно и незаметно произошло то, чего так опасались лет двести назад, когда был изобретен сверхсветовой двигатель для звездолетов. Раздробленная, разбитая на мелкие поселения Федерация перестала представлять собой единое целое.

Каждая новая колония, едва обосновавшись, стремилась прежде всего обзавестись собственной администрацией и сводом собственных правил.

Древняя столица Федерации, планета, некогда бывшая колыбелью человечества, медленно, но неумолимо отходила на второй план. Надобность в едином планировании и координации взаимных поставок исчезла — каждое поселение производило для себя все, что считало необходимым, и вело собственную независимую торговлю с соседними колониями. Правительство Федерации держалось в основном за счет исторических традиций да за счет организации и управления научными исследованиями, требовавшими для своего осуществления все больших материальных затрат и все реже и реже приносившими ощутимые практические результаты.

Никто не знал, как долго будет продолжаться это неустойчивое равновесие. И именно в этот момент на границах своих владений Федерация столкнулась с неведомым и неуловимым врагом. Разваливалась экономика отдельных поселений. Люди теряли инициативу, их охватывало равнодушие и полная потеря интереса к жизни. Иногда казалось, что какие-то умные, хорошо законспирированные враги ведут организованную работу по разрушению окраинных поселений Федерации, но выявить и доказать существование реальных противников никому не удавалось. Тогда было создано специальное управление внутренней и внешней безопасности — УВИВБ.

Со скрипом и шуршанием металлическая штора, перекрывавшая выходной тамбур рейсового звездолета «Земля — Гридос», пошла вверх. Пассажиры, утомленные долгим трехмесячным полетом, дружно повалили наружу. Инспектор УВИВБа Леонид Федорович Кленов подождал, пока схлынет толпа, и лишь после этого шагнул на поверхность причальной платформы. Его встретил человек в потрепанной куртке с унылым выражением полуопущенных губ.

— Вы Бехторов?

Человек кивнул и молча протянул руку.

Встреча получалась явно немногословной. Платформа быстро опустела, кар с пассажирами ушел, и они остались вдвоем на залитой редким здесь солнцем платформе. За металлическим кружевом радаров виднелось стандартное здание космопорта, ничем не отличающееся от десятка подобных зданий, хорошо знакомых Кленову.

— Что привело вас на Гридос? Или это служебная тайна?

— Отчего же... Мне необходимо встретиться с вашим вольнонаемным поселенцем. Фамилию я его сообщу несколько позже вашему начальству, а что касается остального, вы и сами знаете, как нелегко складываются порой отношения федерального правительства с местной администрацией.

Бехторов понимающе кивнул. Ожидание явно затягивалось, и Кленов начинал нетерпеливо поглядывать по сторонам.

— Личный транспорт у нас отменен, сложности с энергией. Придется пользоваться общественным. Я провожу вас до гостиницы.

Странная встреча. Местная администрация словно специально подчеркивала свое полнейшее равнодушие к его визиту. Такой оборот дел вполне устраивал Кленова хотя бы потому, что развязывал руки, избавляя от многочисленных формальностей, предписанных законом дипломатической вежливости. Впрочем, Кленов ни на минуту не сомневался в показном характере равнодушия местных властей и знал, что каждый его шаг здесь не останется без внимания.

Когда отчеты стали слишком уж не совпадать с информацией о положении дел на Гридосе, поступавшей от вернувшихся поселенцев, а дела там шли все хуже и хуже по непонятным, в общем-то, причинам, решено было послать на Гридос под видом завербованного поселенца скрытого наблюдателя. Выбор пал на Романа Гравова просто потому, что тот бредил дальней разведкой космоса, и Кленов, рекомендуя его в качестве наблюдателя, давал парню тем самым возможность в дальнейшем беспрепятственно поступить в академию.

Вербовка Гравова, оформленная семь месяцев назад, прошла без малейших осложнений. Он отбыл на Гридос, и все эти семь месяцев от него не поступило ни одного сообщения. Вряд ли его молчание привлекло бы так быстро внимание высокого начальства, но через три месяца после отбытия Гравова патрульным отрядом на одном из астероидов внешнего кольца около юпитерианской станции был обнаружен его труп.

Расследование совершенно неожиданно установило, что смерть этого Гравова наступила до того, как был отправлен наблюдатель на Гридос...

И вот после трех месяцев утомительного полета Кленов тоже очутился на Гридосе, не слишком, впрочем, надеясь найти здесь следы таинственного двойника Гравова...

Кленов здорово устал от перелета, смена обстановки, климата, гравитации — все это действовало на человека не лучшим образом. И перед завтрашней встречей с председателем совета Гридоса следовало хорошо отдохнуть. Отдых был сейчас важнее, чем сбор дополнительной информации. За один вечер он вряд ли узнает еще что-то важное, а вот от того, как пройдет завтрашняя беседа, будет зависеть многое.

Глава 2

Пошли третьи сутки с тех пор, как Роман Гравов, человек, ради которого специальный уполномоченный УВИВБа предпринял столь дальнее путешествие, сбежал с рудника на острове Мортан.

Он имел на этот побег полное моральное право, поскольку в его вербовочном контракте о руднике на Мортане не было сказано ни слова. Очевидно, местные власти на Гридосе каким-

то образом узнали о его связи с УВИВБом. Как бы там ни было, он бежал — и бежал не слишком удачно.

Запутавшись в бесконечных переходах рудника, в конце концов он выбрался к какому-то тайному причалу для небольших судов.

Оборудование, которое он здесь обнаружил, говорило о том, что причалом время от времени пользовались, и ему не осталось ничего другого, как ждать прибытия очередного судна.

Самым неприятным в его положении была полная неопределенность ситуации, он не знал, когда появится здесь судно и появится ли оно вообще. Если бы он мог вернуться, он давно бы уже это сделал. Но единственный путь обратно на рудник вел через подземный глубоководный грот, и он знал, что без специального водолазного снаряжения у него не хватит сил еще раз пронырнуть под скалой, закрывавшей выход из грота. Впереди же, за причалом, ворочалась живая дышащая масса ядовитой воды. С каждым приливом она поднималась на метр и через шесть часов вновь опускалась до прежней отметки. Иногда неожиданно по подземной лагуне проходили странные кольцевые волны, возникало и гасло свечение каких-то микроорганизмов, способных жить в этом растворе фтористого водорода с солидной примесью цианидов. Он знал, что даже кожный контакт с этой водой для человека смертельно опасен.

Приходилось признать, что он сам загнал себя в ловушку, из которой не было выхода. Вода во фляге почти кончилась. Продукты тоже подходили к концу, и, если в течение двух ближайших дней ничего не изменится, ему все же придется, прежде чем он окончательно ослабеет от голода и жажды, предпринять попытку вернуться через грот. Возможно, она удастся, хотя шансов ничтожно мало.

Угнетающе действовало на юношу однообразие обстановки: немняющееся свечение и почти полная тишина, нарушаемая лишь монотонными громкими шлепками крупных капель воды, сочившихся из какой-то трещины в потолке грота. Эти шлепки раздражали Романа больше всего. Дробясь и отражаясь вместе с эхом от сводов грота, они лезли в уши неустанно и методично. Иногда они казались ему маятником гигантских часов, отсчитывающих секунды его жизни, иногда ударами молота по наковальне, вместо которой он все чаще и чаще ощущал свою собственную голову. И если, забывшись, Роман на несколько минут отдавался этому ритму, он вводил его в сторону весьма странного состояния. Ему начинало казаться, что стены грота становятся непрочными, что они слегка деформируются, постепенно и незаметно уменьшая его жизненное пространство.

Капли все падали. Они падали так, наверно, не одну сотню лет и будут падать еще столько же, выращивая на потолке нещеры каменные сосульки сталактита. Его прах истеет, кости превратятся в пыль, а вода все так же будет падать с потолка, и не умолкнут эти шлепки или удары? Тяжелые удары молота словно пытались разрушить стену у него за спиной.

В который раз он обернулся. За спиной кто-то, конечно, стоял. Кто-то невидимый и огромный... Впрочем, не совсем невидимый. Тусклой линией обозначился едва заметный контур, обрисовался ярче. Постепенно линия стала наливаться синим огнем,

одновременно она становилась тоньше, а все, что попадало в нарисованную ею ослепительную замкнутую кривую, исчезало из поля зрения, наполняясь изнутри непроглядной тьмой. Роман сидел слишком близко и не мог видеть всей фигуры. Зато хорошо разбирал детали. Когтистую лапу, абрис крыла, контуры огромной головы, подпиравшей потолок. Фигура оставалась совершенно плоской. Все внутри светового контура поглощала непроницаемая плотная тьма.

Роман воспринимал появление светящейся фигуры как нечто вполне естественное — его состояние в этой полной изоляции рано или поздно должно было разрешиться какой-нибудь галлюцинацией. Однако существо выглядело слишком уж реально, слишком подробные многочисленные детали воспринимались сознанием.

— Кто ты? — спросил Роман, и существо, к его удивлению, ответило, хотя звука голоса он так и не услышал:

— Я тот, кого ты хорошо знаешь.

— Я тебя не знаю.

— Не помнить и не знать — не одно и то же.

— Я тебя не знаю, — упрямо, с возрастающим беспокойством повторил Роман.

— Да полно! Так ли это? А, впрочем, как хочешь. Для нашей беседы это несущественно. Вспомни хотя бы шар.

— Шар?..

— Да, да, шар! Полый металлический шар, так часто виденный тобой в ночных кошмарах.

— Откуда тебе знать о моих кошмарах?

— Может быть, я и сам оттуда. Кусок тьмы, из мира тьмы. Часть твоих кошмаров.

— Тогда уходи, откуда пришел. Я не нуждаюсь в кошмарах, ставших реальностью.

— Это не так просто. Да, в сущности, и неважно.

— Не понимаю.

— Даже если я уйду, я все равно останусь. Не как данная сущность, так в чем-то другом. Мы многолики и вездесущи, мы умеем просачиваться, проникать и затем становиться из малого великим. Даже если не мы сами — наши мысли, желанья, планы остаются вместо нас. Вселяются в ваши мысли. Искажают ваши планы. Вчера еще у вас был друг — сегодня он позавидует вам и уйдет. Ему покажется, что это вы позавидовали ему или, того хуже, обидели. Не проявили должного почтения — причин множество, результат один: все это работает на нас. Помогает увеличиваться нашей сущности и уменьшаться вашей. Рано или поздно выиграет кто-нибудь один.

— Но ведь есть же способ остановить вас, если каждый, где бы он ни находился, сделает хотя бы самую малость, ведь нас так много! Если каждый вставит хотя бы крохотное звено, получится преграда, которую вы не сможете преодолеть.

— Никогда вы этого не сделаете. Вы не способны даже осмотреться. Никто из вас, людей, не знает, где проходит граница между реальностью и сном. Вы всю жизнь живете в полудреме, некоторые из вас не просыпаются никогда. Вы ленивы, глупы и к тому же настырны. Вы не знаете пределов своим честолюбивым устремлениям, вы не знаете даже, где прохо-

дит граница, у которой следует остановиться. Тем хуже для вас.

— Ты пришел специально, чтобы сказать мне все это?

— Я пришел для того, чтобы напомнить тебе о шаре.

Чем дольше длилась эта необычная беседа, тем больше удавалось Роману взять себя в руки, сосредоточиться, загнать в дальние уголки сознания тот первобытный ужас, который охватил его в первые минуты появления этого кошмарного существа, словно раскаленным углем нарисованного на темной стене.

Но как только ему это удалось, черный призрак швырнул в него словом «шар»... И Роман отступил, потерял с таким трудом отвоеванные позиции, а ледяной ужас вновь выполз наружу из его сознания.

Он не желал ничего знать о шаре. Он слишком хорошо помнил сверкающую пирамиду с золотым шаром на вершине... Помнил? Нет, конечно... Видел в кошмарах, в снах... Тогда откуда эта тварь знает и почему уверена, что именно это слово...

— Вижу я тебя насквозь, человек. Слишком хорошо знаю твои помыслы и затаенные страхи. — Он сказал слово «человек» с нескрываемым презрением, и это совершенно неожиданно помогло Роману вновь обрести уверенность.

— А кто ты сам?

— Я — дейм. Но откуда тебе знать, что это значит!

— А ты объясни, не стесняйся!

— Деймы самые совершенные существа в этой части вселенной. Избранный народ, призванный управлять всеми остальными формами жизни.

— Кто вас избирал? Вы сами, конечно? В нашей истории появлялись иногда такие «избранные» народы, но, мне помнится, все они почему-то плохо кончали.

— Хватить болтать, ты, смердящее порождение кучи бацилл и слизи! У меня мало времени. Как только ты останешься один, немедленно возвращайся на рудник. Ты слишком много бегаешь, слишком часто забываешь о своем задании!

— О задании?..

Дейм говорил слишком уверенно, и Роман вновь почувствовал страх и растерянность.

— Как только вернешься на рудник, сиди тихо, жди прилета корабля землян. Мы сделаем так, чтобы тебя взяли на этот корабль. Твоя задача — вовремя оказаться в нужном месте. Любой ценой до старта ты должен быть на корабле. Об остальном задании узнаешь позже.

— Да кто ты такой, чтобы диктовать мне приказы, с чего ты взял, что я буду им подчиняться?

— Будешь. Вспомни о шаре. О том, что в твоей голове.

И Роман его ощутил. Стальную круглую болванку, втиснутую ему в мозг. От нее сейчас волнами шла нестерпимая острая боль, она ломала его волю, уничтожала всякое желание сопротивляться. Судорожные спазмы сжали легкие, сердце. Он задышался, теряя сознание, потом боль отпустила, исчезла совсем.

— Когда-то ты был человеком. А теперь ты ничто, нуль, козявка, не обладающая собственной волей. Мы нашли твое изуродованное тело в поясе астерондов, память еще не успела остыть — и это было все, что нужно. Такие вещи, как ты, мы конструируем десятками. Это очень просто, немного слизи, чу-

жая память, управляющий шар. Вещь, имеющая смысл лишь в пределах отведенного ей задания и исчезающая вместе с ним.

Он замолчал, давая Роману возможность осмыслить услышанное.

— Но у меня же есть имя, я чувствую себя человеком — это ложь, чудовищная ложь!

— Даже имя у тебя чужое. Так ты будешь делать то, что тебе приказано, или мне применить третью степень воздействия и управлять тобой на расстоянии, как механической куклой?

— Я буду, конечно, буду, у меня же нет выбора... — Говоря это, Роман медленно, незаметным движением достал из-за пояса лазерный пистолет и, не поднимая его, лишь развернув ствол в сторону призрака, нажал гашетку.

Фиолетовая игла луча с тихим шипением перечеркнула пещеру и уперлась в ту часть контура, где у дейма должна была быть грудь. Долю секунды казалось, что мрак полностью поглотит и нейтрализует луч лазера, но вдруг с легким хлопком весь абрис ослепительно вспыхнул, словно его облило пламя, и контур стоящего у стены существа обрел объем. Продолжалось это ничтожную долю мгновения, как при вспышке магниевой лампы. Но следующий заряд уже повторил путь первого, и вновь на долю секунды возникла огненная скульптура. Она была меньше первой, значительно меньше! А Роман все давил и давил на спуск. В том месте, где стоял призрак, размеры вспышек продолжали уменьшаться, пока очередной заряд сконцентрированных фотонов не ударил в стену, разбрызгав во все стороны расплавленные капли базальта. Сквозь затихающий треск и вой он услышал обрывки слов или, может быть, то был стон? Крик боли? Он разобрал лишь часть фразы:

— Ты еще пожалеешь, ты никогда не узнаешь...

Темнота, ставшая совсем плотной после ослепительных вспышек лазерных разрядов, сомкнулась над гротом, и несколько секунд Роман стоял опустошенный, без единой мысли в голове, слыша лишь затихающий шорох и шелест, словно внутри его черепа ворочался клубок отвратительных насекомых.

Наверно, так и должно быть. Наверно, таким и бывает нормальное мышление робота с готовой программой, вещи, предназначенной на одно задание... Машинально, даже не взглянув на счетчик разрядника, он сунул пистолет за пояс. У него оставалась слабая, едва заметная надежда на галлюцинацию, на психический стресс, порожденный слишком долгим одиночеством, изоляцией, монотонными звуками пещеры... Он знал, что это не так, и все же продолжал надеяться, хотя понимал уже, что может убедиться в реальности происшедшего. Достаточно было зажечь фонарь и подойти к стене, в которую он только что стрелял...

Он так и сделал. И нашел след одного-единственного последнего разряда. А рядом, в стороне, виднелась четкая линия, словно выжженная в базальте неведомым художником. Контур в оплавленном камне, повторивший рисунок гигантского перепончатого крыла... Вода капала все так же равномерно и неустанно, словно ничего не случилось. Все так же шлепали в темноте большие невидимые ладони, и звук дробился, сли-

вался с собственным эхом, порой затихал, чтобы тут же возникнуть вновь с удвоенной силой.

Послушав с минуту это равномерное и монотонное «шлепанье», Роман отвернулся от стены и, сгорбившись, побрел к пирсу, туда, где расходились холодные круглые валики ядовитой морской воды. Здесь он снова остановился, будто обдумывая что-то. Но его мысли текли ровно, ни на чем не задерживаясь. Он думал о том, что предпринимать что бы то ни было в его повом, только что открывшемся положении бессмысленно. Куда бы он ни пришел, с кем бы ни заговорил, на все будет смотреть сквозь щели, прорезанные в стенке стального полого шара, вставившего его мозг и какой-то чужеродный управляющий механизм.

Он и раньше иногда чувствовал себя странным отщепенцем среди людей, теперь же не оставалось ни одной зацепки, связывавшей его с родным домом, да и самого дома тоже — ведь все, что он помнил о нем, оказывалось ложью или по крайней мере ему не принадлежало и было украдено у какого-то другого человека. Морская вода притягивала его, манила своей темной смертельной глубиной. Он подумал о том, как просто и быстро могло бы все кончиться, слишком просто... Слишком просто для тех, кто все это придумал. Он почувствовал, как растет в нем неудержимое чувство ненависти, медленно и конкретно обретая форму, как это темное пятно в глубине воды... Что там может быть, дельфин, местное морское чудище? Не бывает здесь ни дельфинов, ни чудищ. В этой мертвой, смертельно опасной воде только одно-единственное существо могло противостоять ее коварству... Отступив от пирса, укрывшись за выступом скалы, он достал лазерный пистолет, опустил предохранитель и еще раз с горечью подумал, что во всем этом огромном мире, заполненном множеством обитаемых планет, у него вряд ли найдется друг. И тут же сформулировал эту мысль более жестко и точно: вряд ли останется хоть один, кто захотел бы иметь с ним дело, узнай он о нем всю правду. Теперь оставалось лишь ждать. Темное пятно постепенно приближалось к поверхности подземной лагуны.

Глава 3

В своем расследовании Кленов словно погружался в вязкое болото. Чем больше накапливалось фактов, тем противоречивее они выглядели. Пустяковая, казалось бы, задача — установление местонахождения прибывшего с Земли поселенца — в условиях Гридоса постепенно превращалась в неразрешимую проблему.

Для начала он сделал самое простое — попробовал пройти тем самым путем, с которого начинал на Гридосе Гравов. Посетил отдел трудоустройства, распределявший договорных рабочих по предприятиям и промышленным комплексам. Чиновник, явно недовольный визитом Кленова, прервавшим его сонное благодушие, долго изучал удостоверение инспектора. Затем по селектору связался со своим руководством и лишь минут через пятнадцать выразил наконец готовность ответить на вопросы.

— Меня интересует Гравов. Роман Гравов, прибывший к вам по договору вольнонаемным рабочим. Договор категории X-2. Установите, куда он был направлен.

— У нас все учитывается. Регистрируется каждый человек. Наша фирма скрупулезно соблюдает условия заключенных соглашений.

— Я в этом не сомневаюсь. Читайте мой визит простой формальностью.

Чиновник усмехнулся, торопливо листая пластиковые перфокарты с кодами. Не очень-то он любил этих умников с Земли, прилетающих сюда в поисках легкого заработка, везде сующих свой нос, а затем бесследно исчезающих. Чужаки. Пришельцы.

— Вашему протезе была предложена категория X-2, в точном соответствии с договором. Вот карточка, пожалуйста.

Найдя нужную карту, чиновник небрежным шелчком отправил ее в приемную щель компьютера и, как только на экране монитора появился невидимый для посетителя текст, стал читать через две-три строки, мгновенно отбрасывая лишнее, выбирая лишь то, что могло произвести на посетителя благоприятное впечатление:

— «Звездокруг». Туристская фирма. Оклад двести престов в неделю. Оплата, как видите, превышает обычную категорию X-2, но, поскольку платим не мы, налоговое управление смотрит на это сквозь пальцы.

— А его обязанности?

— Обслуживание клиентов. Сопровождение в туристских турне по островам. Райская жизнь. Всего два рабочих дня в неделю. Правда, прерывать турне нельзя. За сверхурочное время он получал отгулы. Клиенты не любят смены обслуживающего персонала. Премияльные — каждый месяц, в зависимости от оценки работы гида клиентом.

— Но для этой работы, насколько я понимаю, необходимо хорошее знание местных достопримечательностей и всех особенностей ваших поселений, как же с этим может справиться приезжий?

— Маршруты повторяются. Не так уж много у нас достопримечательностей. К тому же фирма предоставляет две оплаченные недели для обучения новичков. У них собственный гипнозал, где готовят профессиональных гидов.

Все выглядело правдоподобно, вот только в «Звездокруге» ничего не знали о Роме Гравове. Назначение он получил, расписался в графе «согласен», и больше его не видели. Кленов никогда не злоупотреблял своими особыми полномочиями. Он вел расследование методично и, по возможности, корректно. Хотя назначение Гравова в фирму «Звездокруг» вызвало у него серьезные сомнения. Он не стал скрупулезно проверять документацию бюро, справедливо полагая, что если уж документы здесь подделывались, то на высоком профессиональном уровне, а поскольку в его задачу входило прежде всего и как можно скорее установить местонахождение Гравова, не стоило начинать работу с конфликта. Поэтому из бюро он отправил в главное полицейское управление.

Старший инспектор Курлянов, по совместительству выполнявший работу специального уполномоченного федерального прави-

тельства, не заставил себя ждать слишком долго. Он появился ровно через двадцать минут после назначенного времени и не счит нужным даже извиниться.

Курлянов оказался непримечательным мужчиной среднего роста, разве что выглядел слишком молодо, да чересчур бросались в глаза маленькие усники, словно специально приклеенные для того, чтобы походить на детектива из старинного фильма.

«Маскировка наоборот, — усмехнулся про себя Кленов, — и не такая уж глупая».

— Вы познакомились с моими отчетами? Получили их все? — спросил Курлянов.

— Конечно.

— Тогда я не понимаю, зачем здесь нужен специальный уполномоченный Федерации. За два года я не зарегистрировал ни одного серьезного нарушения космического кодекса в этой колонии.

— А что, несерьезные все-таки были?

— Да так, обычные мелочи. Несоблюдение некоторых правил охраны среды, нарушение тарифов и таможенных квот. Интенсификация человеческого труда. У нас тут не очень-то жалуют роботов. Вот, пожалуй, и все. Для контроля за этими нарушениями вполне достаточно установить здесь обычное бюро отдела Внешних поселений, нет никакой нужды в специальном уполномоченном.

— Здесь иногда исчезают люди, сорок восемь за два года, — тихо произнес Кленов. Курлянов принял его реплику на свой счет.

— Это не доказано! Плохо налаженный контроль за выездом еще не означает...

— Не повторяйте глупостей, которыми нас пичкают местные власти! — начал терпение и уже не сдерживаясь, резко проговорил Кленов. — На два года мы установили специальный контроль за въездом и выездом с планеты, проверялись все рейсовые корабли. За это время здесь бесследно исчезли сорок восемь человек!

— Они могли сменить фамилию, отказаться от компьютерного контроля. Это их право.

— Все сорок восемь? Зачем?

— Я не знаю зачем. Зато я знаю, что здесь обычное, ничем не примечательное, периферийное поселение. Здешние люди не способны на преступления. Исчезновение людей? Я думаю, если хорошенько покопаться, их можно обнаружить на каком-нибудь «диком» поселении. Кто-то решил скрыться от слишком ретивой жены или от старого друга, уехал, сменил фамилию, регистрационную карточку, растворился, исчез, перестал существовать в прежнем статусе.

— Видите, в чем дело, если человек меняет регистрационную карточку, то при этом взамен одного официального поселенца появляется другой, общее число их при этом не меняется...

— Вы собираетесь расследовать все сорок восемь случаев?

— Посмотрим. Начать я хотел бы вот с этого человека. Он пропал последним. Времени прошло немного, и все факты, связанные с ним, установить будет проще.

— Гравов, Роман Гравов. У меня хорошая память. Он не проходил по нашим картотекам.

— Это оттого, что год, после которого вы регистрируете официальное исчезновение поселенца, еще не прошел, и надпись «пропал без вести» в его официальной карточке пока не появилась.

— Почему в таком случае вы полагаете, что он пропал?

— Буду рад, если вы сможете установить его местонахождение.

Кленов протянул Курлянову справку, полученную в отделе по распределению рабочей силы. Тот внимательно прочитал ее, нахмурился, сделал какой-то запрос со своего пульта и, получив ответ, помрачнел еще больше.

— С фирмой «Звездокруг» нас связывают не самые лучшие взаимоотношения. Несколько раз я пытался доказать, что они занимаются контрабандой, и каждый раз вещественные доказательства исчезали, а свидетели напрочь теряли память во время официального разбирательства. Тем не менее у меня есть все основания полагать, что там происходит нечто, мягко говоря, не совсем легальное. И если вашего парня запутали в их делишки...

— Это не «мой парень». Это обыкновенный переселенец. А что у них за контрабанда, что-нибудь серьезное? Наркотики, алкоголь?

— Да нет. Всего лишь уравил.

— Что это?

— Ах да... Все время забываю, что вы не наш. У нас об этом напитке знает каждый ребенок. Прекрасный заменитель натурального кофе, оказывает сильное тонизирующее действие на организм и к тому же абсолютно безвреден. Так, во всяком случае, уверяют медики.

Вначале Курлянов производил на Кленова благоприятное впечатление. Осторожен в выводах, нетороплив, в меру приветлив, ровно настолько, чтобы не выглядеть подобострастным. К тому же у него двойственное положение. Ему все время приходится балансировать между интересами Гридоса и Федерации... Дурак на таком месте долго не засидится. Кленову нужен был надежный помощник, и он все не мог решить, подходит ли для этого Курлянов, можно ли ему полностью довериться. Однако у него была редкая возможность установить его истинные симпатии. По крайней мере он мог узнать, как Курлянов относится к странной контрабанде органики неизвестного происхождения.

— Уравил — это напиток желтого цвета, который подают во всех кафе? Я, кажется, видел даже вывески с его рекламой.

— Дело в том, что существует два уравила. Один местного производства, второй контрабандный. Контрабандный, естественно, позффективнее, считается, что он обладает особым целебным действием, ну и цена соответственная.

— Таким образом, местное производство используется в основном, как я понимаю, для прикрытия контрабанды.

— Вообще-то, вы правы. Все мелкие заводишки по его производству давно скупил все та же фирма «Звездокруг». Наш совет считает вопрос с уравилком не подлежащим обсуждению. Я несколько раз пытался поднять его, и ничего у меня не вышло, вам тоже не советую. Такое впечатление, что «фирмачи»

нашли способ всерьез заинтересовать наших законодателей, не знаю уж чем.

Курлянов казался вполне искренним, и Кленов решил наконец выложить свой главный козырь.

— Вы знаете, что в состав уравила входит чужая органика?

— Да, сок радоского плода.

— Нет. Это не сок плода. Это что-то гораздо более сложное и серьезное. Мои специалисты бьются над его составом уже достаточно долго. Пока что с уверенностью можно сказать, что туда входят неизвестные нам и скорее всего синтетические органические вещества очень сложного структурного строения. По своей архитектуре они походят на человеческий гамма-глобулин, но только по архитектуре. Состав совершенно другой, и назначение этой добавки пока неясно. Ее влияние на человеческий организм, может быть, вообще непредсказуемо.

— Не хотите ли вы сказать, что, кроме получения выгоды от продажи контрабанды, его производители преследуют какую-то иную цель?

Все добродушие слетело с лица, он сидел, сжав зубы, а стиснутая до белизны рука нервно постукивала по краю стола.

«Что-то он слишком волнуется, и вовсе не потому, что эта новость так уж для него неожиданна...» — подумал Кленов.

— Я стараюсь не строить гипотез без достаточных к тому оснований. Я сказал все, что пока знаю. К сожалению, исследования затруднены тем, что эти вещества совершенно не действуют на животных, даже на высших. А эксперименты на добровольцах, даже с теми, кто систематически употребляет контрабандный напиток, требуют специального разрешения совета.

— Вряд ли вы его получите, но и то, что у вас есть, достаточно серьезно. Чтобы провести такое исследование, нужна целая группа специалистов и неплохая лаборатория. Вы привезли их с собой?

«А вот этого я тебе не скажу, — подумал Кленов, растирая кисть руки, словно она у него заболела от упражнений Курлянова. — Что-то ты слишком заинтересовался историей с уравилом, хотя, надо отдать должное, вопрос задан с видимым безразличием. — Кленов уже почти не сомневался, что имеет дело с умным, хорошо законспирированным противником. — Кто же за ним стоит?.. Во всяком случае, не совет, существует какая-то другая организация, иначе бы лаборатория тебя не интересовала...»

— Исследования проводятся на Земле, в федеральном научном центре, по доставленным с Гридоса образцам. Так что мои данные могли сильно устареть. Следующий рейсовый корабль, возможно, привезет нам что-нибудь новенькое. — И это сообщение явно не вызвало у Курлянова особой радости. — Одного не могу понять, откуда эта контрабанда берется... — проговорил Кленов.

— С кораблей, естественно.

— С кораблей-то с кораблей, да нет такой органики в освободенных нами мирах. По крайней мере центральный информаторий о ней ничего не знает. Я не верю, что какие-то гении сумели создать столь сложное органическое соединение в подпольной лаборатории только для того, чтобы потом им тайно торговать.

Что-то здесь концы с концами не сходятся, да и корабли... есть специальные детекторы для обнаружения подобных веществ, пройти таможенный контроль службы безопасности с такой контрабандой практически невозможно, а ведь уравил продолжает поступать на Гридос регулярно и довольно большими партиями. Может, вы мне поможете разрешить эту загадку?

— Пожалуй, я могу вам дать всего лишь совет.

— Я весь вниманис. — Кленов понимал, какую опасную игру он затеял, провоцируя своего партнера (или противника?) на открытый выпад, и все же продолжал ее, потому что не видел другого быстрого способа выявить истину. Курлянов, заметив жест Кленова, растиравшего руку, перестал стучать по столу и расстегнул ворот рубашки, словно ему стало душно. Он рисковал не меньше Кленова, понимая, что с инспекторской службой Федерации шутки плохи. Она никогда не прощала ошибок своим выявленным врагам. А инспекторами назначали, как правило, хорошо подготовленных универсальных специалистов. Этот человек показался ему опасным. Он зашел слишком далеко, слишком многое узнал и понял, любой ценой его следовало остановить.

— Оставьте вы этот уравил в покое. Это наша частная проблема, к федеральным властям не имеющая никакого отношения, сами мы с ним разберемся.

— Это не так. Есть все основания полагать, что уравил имеет самое прямое отношение к развалу экономики Гридоса. Федерация не может себе позволить потерять одну из своих колоний, а дело может дойти и до этого. Мне кажется, здесь существуют силы, заинтересованные в подобном развитии событий. Это можно проверить. Давайте вместе проведем срочную инспекцию складских и рабочих помещений фирмы «Звездокруг», я думаю, мы обнаружим там немало интересного.

— Я не могу дать санкцию на такую инспекцию.

— Почему?

— Это не входит в мою компетенцию.

— Вы же прекрасно понимаете, что, если мне придется обратиться за разрешением в совет после дебатов и затраченного на это времени, такая санкция из-за утечки информации потеряет всякий смысл. — Теперь они пристально смотрели в глаза друг другу. Словесный поединок подходил к своей кульминации.

— В таком случае вам придется от нее отказаться.

— Через месяц здесь будет «Руслан», и я смогу провести инспекцию, не прося вас о содействии.

— Естественно, но к тому времени она потеряет всякий смысл.

— Вот это я и хотел от вас услышать.

— Мне придется принять меры, чтобы известная вам информация не получила преждевременного распространения.

— Боюсь, это вам не удастся. У федеральной службы безопасности существуют свои каналы передачи служебной информации. Так что не делайте глупостей. Моя откровенность, как вы, возможно, уже догадались, была всего лишь проверкой вашей лояльности, и я на нее не пошел бы без санкции своего начальства. Подумайте об этом. Всего хорошего. — Кленов поднялся, повернулся и вышел.

На улице, как всегда, лил дождь. Кленов всей грудью вдохнул влажный, густой, как вата, воздух и подумал в который уж раз, что где-то там, за облаками, невзирая ни на что, светят звезды. И если бы сейчас ему удалось их увидеть, то все равно он не смог бы отыскать на этом чужом небе звезду, которая была его солнцем. Слишком велики расстояния. Слишком много времени требуется кораблю, чтобы собраться в такую дальнюю дорогу и, разорвав пространство, на сверхсветовой скорости долететь сюда. Долго еще ждать «Руслана», слишком долго. Он бравировал, играл и вовсе не чувствовал себя так уверенно, как выглядел в кабинете Курлянова. Ему было холодно, одиноко, да к тому же еще и тревожно. Он прекрасно понимал, какие силы привел теперь в действие и какой грозный и невидимый пока противник готовит сейчас свой ответный ход. «Звездокруг» всего лишь ширма, и ему очень хотелось увидеть в ночном мраке лица тех, кто стоял за ней. Кто все это затеял, кто завозил сюда, на человеческое поселение, медленно действующий яд, убивающий волю, инициативу, вкус к жизни? «Эликсир равнодушия» — так он назвал его в официальном документе, который пока что, несмотря на свою браваду в кабинете Курлянова, так и не сумел отчитать.

Еще он думал о Романе Гравове, бесследно исчезнувшем все в том же «Звездокруге». Кто он — друг, враг, случайно запутавшийся человек? Или, может быть, все же нечеловек? Как-то все это должно быть взаимосвязано, он чувствовал, что уже близок к разгадке, стоит поднапрячься, и вот-вот он поймет.

Кар стоял на противоположной стороне улицы, и ему нужно было перейти открытое пустое пространство, ярко освещенное фонарем. Улица, залитая мертвенным ртутным светом, казалась слишком холодной и пустынной. Ему стоило большого труда заставить себя сделать первый шаг, словно нужно было броситься в холодную воду.

«Слишком ты стал нервным, старина», — сказал он себе, чувствуя, как холод вместе с ветром проникает под одежду. Здесь, у полицейского управления, вряд ли они решатся что-нибудь предпринять. Бесследное исчезновение инспектора во время расследования их не устроит, придумают что-нибудь похитрей. Разве что они спешат. Разве что им любой ценой понадобится выиграть хоть немного времени — вот тогда они пойдут на все.

Что-то они здесь скрывают, что-то чрезвычайно важное, неожиданно понял он, гораздо более важное, чем история с эликсиром. Эликсир был скорее всего лишь средством, еще одной попыткой. Наверняка не только эликсир. Саботаж, исчезновение грузов, стравленных на Гридос. Они делают все, чтобы создать условия, невыносимые для жизни в этой отдаленной колонии. Все, чтобы поселение здесь оказалось настолько невыгодным, чтобы совет Федерации принял решение о его эвакуации. Они делают это, не считаясь ни с какими расходами. Создают «липовые» компании, внедряют своих людей, идут на любые преступления и ведут с нами дорогостоящую тайную войну с одной единственной целью — не пустить нас сюда, на эту окраину Федерации, не позволить закрепиться на Гридосе. Не дать сделать следующего шага к Ангре...

У его кара мелькнула какая-то тень, или ему показалось?

С той стороны высокий забор и густые деревья полностью закрыли свет фонаря, и он ничего не мог рассмотреть в их тени. Оставшиеся пять шагов он прошел медленно, готовый в любое мгновение броситься в сторону, но ничего не произошло. Кар был пуст.

Глава 4

Темное пятно в воде постепенно приобретало очертания человеческой фигуры. Роман, укрывшись за скалой и не выпуская рукоятки лазерного пистолета, наблюдал за ним уже несколько минут. Медленно всплывая, человек оставался неподвижен. В полумраке Роман не сразу понял, что перед ним женщина. Видимо, она потеряла сознание, преодолевая глубоководную пещеру. Только сейчас он наконец опомнился и бросился ей на помощь.

Лицо женщины скрывала маска с поляризованным светофильтром, зато фигура, обтянутая полимерной тканью костюма, говорила о том, что женщина молода и, возможно, красива.

Роман не пытался понять, почему она стремилась к этому подводному причалу из последних сил. Для вопросов не пришло еще время.

Сорвав маску, он полностью открыл вентиль кислородного баллона и приблизил струю живительного газа к губам женщины. Она глубоко вздохнула, застонала, но глаз не открыла. Роман достаточно разбирался в медицине, чтобы понять — ничего серьезного ей уже не грозит, нужно было просто подождать, пока пройдет обморок.

Ее лицо оказалось даже красивее, чем он ожидал. Длинные черные волосы рассыпались по плечам, сливаясь с темной тканью костюма и подчеркивая белизну кожи чуть скуластого лица с волевым подбородком и темными дугами широких бровей.

Роман сидел, свесив ноги с пирса, голова девушки лежала у него на коленях, и он боялся пошевелиться, чтобы она случайно не соскользнула в воду, когда начнет приходить в себя. Совсем еще недавно, несколько дней назад, он мог случайно встретить ее в толпе, запросто подойти к ней, заговорить... Тогда он еще считал себя обыкновенным парнем и имел на это право. Сейчас даже эта невольная ласка — его рука, лежащая у нее на плече — не что иное, как обман...

«Биоробот — это конструкция из плазмы синтетических мышц и управляющего механизма с разветвленными электрическими цепями, заменяющими нервную систему» — так, кажется? В свое время он был неплохим учеником... Конечно, он не биоробот, что-то гораздо более сложное. В своем теле он не ощущал ничего синтетического, и даже этот шар в мозгу мог быть всего лишь результатом внушения. Они могли проделать операцию с его волей и психикой, не прибегая к грубому хирургическому вмешательству. Где же в таком случае проходит граница между человеком и роботом? И кого именно следует считать человеком? По какому признаку? «Человек обладает собственной волей, ему нельзя навязать команды извне...» Вот тебе и принцип.

Что именно они сделали с ним, он не знал. Он чувствовал себя

нормально. Ему было всего двадцать восемь лет, на коленях у него лежала девушка, к которой он не имел права прикасаться, потому что не считал себя больше человеком...

Ее лицо, отрешенное от всего, казалось ему совершенным. Уста сомкнуты, глаза прикрыты... Пройдут минуты, и очарование исчезнет, она испугается, начнет говорить ненужные пустые слова, человеческая жизнь, причастность к которой он перестал сейчас ощущать, властно ворвется под эти замкнутые, отрезанные от остального мира своды, и совершенство уходящих мгновений будет полностью уничтожено. Никогда больше он не ощутит такого полного единения с другим существом... Он не знал даже, принадлежат ли ему эти мысли или они являются частью инородного объекта, притаившегося внутри его мозга... Он думал об этом теперь постоянно, даже сейчас, когда смотрел на тело девушки. На эту прекрасную, словно отлитую из черной бронзы статую. Костюм из тонкого пористого пластика лишь подчеркивал совершенные формы ее тела, не скрывая даже деталей... Не в силах сдержаться, он нагнулся и поцеловал ее в мертвые губы, словно хотел вознаградить себя этой последней, украденной лаской за предстоящее отчуждение... И именно в этот момент она открыла глаза.

Ни испуга, ни отвращения, ни даже протеста не увидел он в ее синем взгляде, словно заглянул на дно глубокого колодца. Озноб пробегал по телу Романа от взгляда, в котором читалось бесконечное изумление и извечный вопрос. Она приподнялась, осторожно освободилась от его руки.

— Кто ты? — Роман пожал плечами, не зная, что отвечать на этот простой вопрос. — Ты не из россос, я не знаю тебя... — Постепенно в ее глазах появлялся не страх, нет, скорее какое-то отчаяние. — Кто бы ты ни был, ты не слуга деймов. Ты ждал здесь наших? Почему ты молчишь?

— Я никого не ждал. Я бежал, спасая свою жизнь, попал в этот грот и вот увидел тебя. Остальное не так уж важно... Ты-то откуда здесь взялась?

— Нас выследили, взорвали лодку, все наши погибли, одна я уцелела. — На секунду в ее глазах блеснули слезы, и тут же она взяла себя в руки. — Здесь нельзя оставаться. Я думаю, теперь они знают об этом тайном пути. Скоро здесь будут слуги деймов. Придется уходить вместе.

Роман не знал, что собой представляет тайный путь, о котором она говорила. Скорее всего она приняла его за кого-то другого. Это не имело сейчас никакого значения. Ему было все равно куда идти.

— Из этого грота без дыхательного аппарата не выбраться. Озеро слишком глубоко, и подводный проход, по которому я приплыл, не пройти второй раз, не хватит воздуха в легких. Придется тебе плыть одной.

— Моим дыхательным аппаратом можно пользоваться по очереди. Понадобится всего несколько вдохов. Я хорошо знаю этот путь.

Он удивился, что ему самому в голову не пришла такая простая мысль.

— Может быть, ты хоть скажешь, как тебя зовут?

Девушка усмехнулась.

— Надо было спрашивать раньше, прежде чем... — Она замолчала, взглянула выжидающе ему в лицо. Потом все же ответила: — Меня зовут Элия.

Какое-то время Элия уверенно выбирала путь среди бесчисленных пересечений подземных штолков. В своих одиноких странствиях по руднику Роман никогда не забирался так далеко, и эта часть подземного лабиринта была ему совершенно незнакома. Судя по компасу, они находились в западной части острова и приближались к берегу. Штолки опускались все глубже, и Роман понял, что над их головами уже плещутся ядовитые волны океана. Странно, что за все эти годы вода не смогла пробиться в заброшенные штолки и не затопила их.

Они шли сосредоточенно, целеустремленно, почти не разговаривая. Все самое главное было сказано еще у озера, и сейчас, когда конкретное действие, необходимость найти выход из подземного лабиринта подавили на время его мучительные раздумья, он не хотел снова к ним возвращаться и был благодарен девушке за то, что она отложила все свои многочисленные и вполне естественные вопросы на более подходящее время.

По подсчетам Романа, они прошли не менее пяти километров. Остров должен был давно кончиться. Штолки пролегли теперь под дном океана... Неужели здесь есть подземный ход к архиепископу? До него не менее ста километров. Им никогда не преодолеть такое расстояние... О какой двери в таком случае все время говорит Элия? Пора разобраться в этом подробнее. Он нагнал девушку и только теперь заметил, что она держалась из последних сил.

— Нужно сделать привал.

— Нет. Мы не можем терять времени. Стражи никогда не ждут дольше положенного.

— Мы должны остановиться, передохнуть хотя бы несколько минут. Иначе ты вообще не сможешь идти. Ну пожалуйста, Элия... — Он осторожно, но настойчиво взял ее за локоть, и девушка подчинилась.

Пока она раскладывала нехитрую снедь из универсальных консервированных завтраков, он решил осмотреть штолок. После встречи с существом, похожим на огненную летучую мышь, он больше не доверял этим подземельям. В нескольких местах он прикладывал ухо к полу и стенам подземных пещер, надеясь уловить едва заметное содрогание почвы или хоть какие-нибудь звуки, но все было тихо.

Когда он вернулся, Элия уже закончила приготовления к завтраку, или, может быть, к обеду? Под землей время идет иначе, и даже часы не могут убедить в том, что утро давно наступило.

Девушка в его куртке, майке и импровизированной юбке, наспех сделанной из остатков водолазного костюма, выглядела вполне по-домашнему.

Если бы он мог сделать так, чтобы их совместный поход никогда не кончался... Он готов был сейчас отдать все, что угодно, даже свет солнца и запах лугов родной планеты, за иллюзию равенства, за некоторую зависимость этой девушки от него, за то, что здесь, и пока он мог считать себя ничем не отличным

от нее, хотя знал, химеры, запрятанные в глубинах нашего существа, рано или поздно вырвутся на волю, на какие бы крепкие замки ни старалась запереть их наша воля. Невольный жест, постунок, может быть, интонация голоса — и она догадается, что он не такой, как она, что его психика слеплена из другого, нечеловеческого теста. Что в ней в изрядной пропорции добавлена чужая воля — тогда вместо доверия возникнет испуг, а потом ужас и отвращение...

Именно этого он со страхом ждал каждую минуту в неестественном напряжении и оттого казался девушке отчужденным, суровым и замкнутым человеком.

Элия ела мало, лишь подчиняясь необходимости. Если бы этот человек, выбравший ее в спутницы жизни, не казался ей таким далеким, она бы, возможно, легче перенесла совершившийся вопреки всем законам приличия полный поворот в ее жизни. Если бы он хоть немного облегчил ее положение!

Ей даже в голову не приходило, что чужеземец попросту мог не знать один из важнейших законов ее общины. При любых обстоятельствах губы мужчины, коснувшиеся губ свободной женщины, могут означать лишь одно — отныне она становится его избранницей. Он не захотел подождать, как полагалось по древнему обычаю, пока она первая сделает шаг навстречу, а вместо этого воспользовался ее беспомощным состоянием. Это глубоко задело и оскорбило ее. А сейчас, вместо того чтобы, воспользовавшись передышкой, попытаться исправить положение, оправдаться, объяснить, наконец, почему он так поступил, вместо всего этого он жует свои бутерброды так, словно важней у него ничего нет в жизни! Мать была права, она всегда говорила ей, что пища имеет необъяснимую власть над мыслями и чувствами мужчин. Не успев дожевать бутерброд, он наконец заговорил с ней, но совсем не о том, чего она ждала:

— Эти стражи... — Он по-прежнему не смотрел в ее сторону, словно разговаривал с куском скалы, валявшимся в проходе. — Что они собой представляют?

— Это искусственные люди, созданные деймами. — Если бы его лицо не было повернуто в сторону от фонаря, она увидела бы, как смертельно побледнел Роман.

— Как они выглядят? — Она услышала волнение в его голосе, но так и не смогла понять, чем оно вызвано.

— Как люди.

— Они что, едят, пьют, разговаривают, любят женщин? — Теперь в его голосе слышалось раздражение, почти злость.

— Да что ты! Это просто куклы. Их заряжают на один поход или дают другое, специальное задание. Как только оно выполнено, они уже не могут двигаться. Тогда их уничтожают. Два таких стража вели нас через проход. Один израсходовал полностью всю свою силу и был уничтожен. Второй ждет у двери нашего возвращения. Но заряд волшебной силы, которой снабдили его деймы, постепенно ослабеваает. Вот почему мы должны торопиться, если мы опоздаем, он не сможет провести нас обратно.

— Что это за проход, куда он ведет?

— На Ангру.

— Ангра — это твой остров?

— Это мир, в котором мы живем.

— Мир? Что ты имеешь в виду? Это уже не Гридос? Там светит другое солнце? — Впервые он посмотрел ей прямо в лицо глазами, расширенными от удивления.

— Конечно. На Ангре три луны — одна с большим огненным кольцом. У нас не бывает дождей, и растет розовая трава, которую так любят крысы. Тебе понравится у нас. Гридос хуже моего мира. А у вас, на Земле, бывают дожди?

— Бывают. Их вызывают искусственно. Но подожди, где вы берете корабль для перехода? И где он нас ждет сейчас?

— У вас тоже есть колдуны? Когда нам нужен дождь, мы обращаемся к деймам.

— Я спросил тебя о корабле...

— Я не знаю, что это такое.

— Большая лодка для полета через пространство. Только она может пронести человека от одного мира к другому.

— Для этого не нужна лодка. Нужен заколдованный страж и дверь...

— Бред какой-то... — Он обхватил голову руками, словно хотел удержаться разбегавшиеся мысли. Самым удивительным было то, что он не находил в ее словах ничего невероятного, ему казалось почти естественным все, что она сказала: «Нужен заколдованный страж и дверь». Все же попробовал начать все сначала.

— Как выглядит эта дверь? У нее есть ручка? Ее можно открыть?

— Ну что ты! Страж входит в черную скалу и ведет за собой человека. Страж всегда идет впереди.

— Подожди. Он входит прямо в скалу?

— Да.

— И скала пропускает его?

— Конечно. Он же заколдован специально для этого.

— Прости, я забыл... И что же, человек может идти следом?

— После стража остается проход. Он светится как голубой туман, нужно спешить, пока скала снова не станет твердой.

— Здесь, на Гридосе, есть такая скала?

— Конечно, мы же идем к ней... Ты задаешь вопросы, как ребенок.

— Прости. Земляне не умеют проходить сквозь скалы, но если здесь есть такая дверь, я хотел бы на нее посмотреть...

Слышал он о такой двери когда-то очень давно. Те, кого он хорошо знал раньше, а потом забыл, много раз говорили ему о двери, ведущей в чужие миры, и о дороге без возвращений...

— Нам пора идти.

— Наконец ты понял, как важно успеть! — Она торопливо поднялась, все вещи оказались уже разложенными по местам, он не заметил, когда она успела это сделать.

Едва они двинулись, как Роман услышал странный свист. Он доносился спереди, из туннеля, по которому они шли.

— Не шевелись, — прошептал он на ухо Элии, гася фонарь. — В этих пещерах водится много нечисти, их может привлечь свет и движение.

— Но мне говорили, на Гридосе вообще нет животных, или ты имеешь в виду деймов?

Она ответила шепотом, и он ощутил у себя на щеке ее жаркое дыхание.

— Я не знаю, откуда они здесь берутся. Может быть, из твоей двери в другие миры. Больше их нигде нет, одно из таких чудищ я как-то встретил здесь. «Правда, тогда я был один и ничего не боялся», — добавил он уже про себя, ощупывая ребристую рукоятку лазерного пистолета.

Звук повторился ближе. Он возник на низких нотах и, пройдя через весь звуковой спектр, закончился на пронзительном визге. От этого визга мороз продирает по коже.

Элия прижалась к нему. В темноте он обнял ее за плечи свободной рукой. Впереди, за поворотом туннеля, вдруг замелькал слабый, едва различимый свет. Казалось, в воздухе развесили множество световых лоскутков. Величина каждого была не больше листа писчей бумаги. Светящийся лист то вытягивался в бледное, едва различимое полотно, то схлопывался в крохотную ослепительную световую точку. В этот момент раздавался едва слышимый писк. Теперь они поняли, что звуки, отражаясь от стей туннеля и сливаясь друг с другом, рождали на расстоянии странные эффекты, похожие то на вой, то на свист. Иногда в них слышались обрывки непонятных мелодий, иногда какая-то горькая, тоскливая жалоба. Вдруг Элия вздрогнула и прошептала:

— Я их узнала... Это ночные кренты. Они питаются светом и теплом. От них нет спасения. Сейчас они нас почуют и высосут все тепло, превратят в куски льда.

— Быстрее, бежим! — Он дернул ее за руку и не смог сдвинуть с места. Девушка словно окаменела.

— Бесполезно. Они летают быстрее олов. Спасения нет. Я должна сказать тебе что-то важное... Я прощаю тебя за то, что ты сделал там, в гроте. — Ее руки нашли в темноте его голову, притянули к себе, и он почувствовал на своих губах ее горячие живые губы. Прикосновение было мимолетным, почти мгновенным. — По нашим обычаям, девушка должна первой поцеловать мужчину, только тогда древний обряд имеет силу. Теперь мы не расстанемся после смерти...

— Послушай, Элия, сейчас не время говорить об обычаях. Если эти существа опасны, нужно что-то делать...

— Ты ничего не сможешь. От них нет спасения.

Огненные бабочки порхали уже совсем рядом, до них оставалось не больше трех метров. Их было много, наверное, не меньше сотни, медленно, плавно порхающих огненных листочков, таких безобидных с виду. Вдруг те, что летели впереди, прекратили бесцельное, неторопливое порхание в воздухе и резко изменили направление полета в сторону людей. В их движениях появилась целеустремленность и резкость. Буквально через секунду они уже были на расстоянии вытянутой руки, и только теперь Роман по-настоящему ощутил ток опасности, исходивший от этих существ. На них пахнуло ледяным холодом, словно из дверей огромного холодильника. Совершенно рефлекторно, не надеясь на положительный результат, Роман приподнял руку и выстрелил из лазерного пистолета в налетающую стаю бледных световых вампиров. Тонкий, как игла, луч пронесся между ними, не задев ни одного, уперся в противоположную стену и полых-

нул там ослепительной фиолетовой вспышкой. Раскаленное добела пятно расплавленной породы ярко засветилось в темноте, и сразу же вся стая бросилась к нему и жадно прикинула к раскаленной породе, слилась с ней... В воздухе пещеры не осталось ни одного светляка.

— Скорее! — вновь крикнул он Элии. — Скорее, пока они заняты...

Они проскользнули мимо тускнеющего на глазах круга и бросились вдоль штольни, прочь от ночного кошмара.

Глава 5

Планета Занда-Фе в галактике, которой не могло быть ни на одной звездной карте Земли, выглядела мрачно и одновременно величественно.

Гагояг вместе со своим неразлучным спутником Велоягом только что вышли из пространственной двери, соединявшей множество параллельных миров, и теперь неторопливо шли по дорожке кристаллического сада.

На черной грани переходника еще не погас огненный контур, напоминавший своими очертаниями гигантскую летучую мышь. По поверхности каменного параллелепипеда змеились и гасли ветвистые искры.

Угасающий звездный карлик едва освещал поверхность планеты своими дряхлыми красноватыми лучами. Сад, простиравшийся во все стороны на десятки и сотни километров, был так же мертв с точки зрения существа из человеческих миров, как и вся остальная поверхность планеты. Здесь росли лишь кристаллы. Фиолетовые шестиметровые друзы, наполненные изнутри светом заходящего солнца, чередовались с мрачными кристаллами орiona. Их сменяли причудливые наплывы полупрозрачного розового оникса. И, наконец, впереди, прерывая дорожку, перед идущими предстала изящная пергола, сплетенная из пенистого кружева дендридов.

Здесь было их любимое место раздумий. В этом месте они вынашивали планы захвата новых миров, решали дела, связанные с управлением старыми владениями. Здесь выносились приговоры непокорным народам и порой решалась судьба целых планет.

Угрюмые владыки, правившие каждый сотнями обитаемых миров, молча вошли в перголу. Столь обширная власть имела и оборотную сторону. Империя деймов была так велика, что власть ее правителей постепенно растворялась в необозримых пространствах Вселенной. Десятки миров рождались и умирали в ее глубинах, так и не успев узнать, кому они принадлежат.

Велояг, почтительно наклонив голову, наконец решился прервать раздумья своего именитого спутника.

— Ат-баяг считает, что я не был достаточно старателен.

— Да, мы оба теперь не в почете. Я добровольно согласился разделить с тобой изгнание и удалиться от двора.

— Они не должны были поручать столь низменное задание мне, владыке третьей категории.

— Но ведь ты не справился с поручением Ат-баяга. В этом они правы.

— Я не мог знать, что люди обладают огнем такой силы! Он обливал меня огнем раз за разом, а от нас так мало остается при переходе в их проклятые миры! Если бы я не ушел, ты бы сейчас не говорил со мной!

— Я знаю. Ты сделал все, что мог. Именно поэтому я не одобрил их решение. — Гагояг замолчал и нахмурился. Игра света, отраженная призмами ближайших кристаллов, следуя его настроению, померкла и перешла в кроваво-красные тона.

— Есть лишь один способ справиться с проклятыми мирами. Как ты думаешь, что держит дверь на их планете Ангре в системе наших миров?

— Этого я не знаю. Этого я никогда не понимал.

— Да. Для этого нужна великая сила. Пойдем, я покажу тебе кое-что...

Гагояг поднялся и решительно вышел из перголы. Велояг едва успевал за его размашистым нервным шагом. Концы крыльев, волочившиеся за ними по песчаной дорожке, оставляли на ней заметные борозды. Они шли довольно долго. Сад, раскинувшийся в необъятной долине на сотни километров, в этом месте постепенно перешел в узкое ущелье. Вскоре его стены сомкнулись над головами идущих. Теперь они шли по пещере, поражающей воображение своими размерами. Красноватые глаза владык улавливали мельчайшие отблески излучений и не нуждались в освещении. Они видели каждую мелочь в окружавшем их каменном лабиринте.

Наконец пещера кончилась. В глубине, там, где сходились вместе грани плоских стен, лежало нечто, похожее на опрокинутую каменную чашу. Они подошли ближе и остановились на почтительном расстоянии.

— Что ты чувствуешь? — спросил Гагояг.

— Не знаю... стены чаши слишком толсты, но, мне кажется, сквозь них пробивается запах смерти.

— Ты прав. Сейчас мы увидим то, что было сокрыто здесь многие тысячи лет. Смотри же...

(Окончание в следующем номере)

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ родился в 1934 году в Казани. Окончил Кишиневский университет и Высшие сценарные курсы при Союзе кинематографистов. Председатель Совета писателей-фантастов при СП РСФСР. Автор книг «Сезон туманов», «Долгий восход на Энне», а также сборников повестей и рассказов «Тень Земли» и «Высокий ключ». В настоящее время снимается художественный фильм по фантастической повести «Шорох прибоя», ранее опубликованной в «Искателе».

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА

РОМАН

Художник Борис ИОНАЙТИС

Гагояг громко произнес заклинание. Поверхность чаши хрустнула и распалась на две половины. Велояг попятился, хотя на первый взгляд внутри не было ничего особенного. Всего лишь друза из двух кристаллов, один из которых излучал мерцающий красный свет, другой светился зеленым огнем.

— Не бойся. Пока они вместе, они безопасны, но стоит их разлучить...

— Что это?

— Огни Кассандры. Слышал о них?

— Легенды, предания... Неужели они существуют на самом деле?

— Их посадил мой прадед. Десять тысяч лет мы удобряли эту землю порошком из толченых зубов дракона, поливали ее мертвой водой, и вот теперь они созрели.

— И они в самом деле способны изменить мир?

— В чем главная сущность мира?

— Сущностей много...

— Ты прав, но есть одна, неизменная для всех миров. Повсюду материя отражает сама себя, словно смотрится в зеркало смерти... Через каждую вещь можно провести четкую грань, разделяющую ее на две одинаковые половины. Симметрия — вот закон, общий для всей Вселенной. А теперь подумай, что случится, если разрушить или слегка изменить, пусть даже на самую малость главную сущность вещей...

— Вещи начнут разрушаться.

— Или изменяться... никто еще не видел, как это происходит. Никому не удавалось вырастить огней Кассандры — мне это удалось. Свет — признак зрелости. Он появился совсем недавно, всего лишь тысячу лет назад. Теперь их можно использовать. Раньше здесь росло четыре кристалла. Два из них... Впрочем, это неважно.

— Но использовать их опасно!

— Конечно, опасно! Великое всегда опасно! Мир содрогнется перед нами. Везде, куда упадут лучи этих огней, воцарится хаос и смерть.

— Почему они разные?

— Потому что все в мире имеет свою противоположность. Красный свет уменьшает размеры вещей за их левой невидимой гранью, зеленый увеличивает правую сторону. Деформированный, искаженный мир рушится. Ничто не может устоять перед этим оружием. Их лучами можно сокрушать замки и города, раскалывать планеты, как орехи, тушить солнца.

Но неужели ты хочешь подвергнуть их ужасному воздействию наш собственный мир?

— Только если меня к этому вынудят! Я думаю, у червеков хватит благоразумия отказаться от бессмысленной борьбы.

Красные и зеленые всполохи смертоносных огней попеременно освещали высокую фигуру Гагояга. Казалось, он стал выше, чешуя на его груди блестела бесчисленными радужными огнями.

— Что еще они могут?

— Разъединенные, они искривляют пространство. Их сила при-

Окончание. Начало в предыдущем номере.

тяжения друг к другу так велика, что они способны пробить туннель между нашим миром и миром червеков,

— Так вот почему Ангра...

— Молчи. Это величайшая тайна.

— Я слышал, древние архи когда-то владели огнями Кассандры.

— Не повторяй глупой лжи, изобретенной моими завистниками. Огни Кассандры посадил мой дед. Если ты повторишь еще раз подобную выдумку...

— Я молчу, великий. Я уже молчу!

Кленов включил индикатор и провел лучом вдоль всей поверхности кара. Ничего постороннего, кроме обычных подслушивающих устройств. Может быть, они не успели? В любом случае теперь этой машиной пользоваться опасно. Она слишком заметна. После разговора с Курляновым все чрезвычайно осложнилось. Он надеялся найти в нем помощника, а приобрел опасного врага. Выясняя его взгляды, пришлось пожертвовать кое-какой информацией, чтобы «вызвать огонь на себя». Ну вот он его вызвал... Теперь действовать придется с удвоенной осторожностью.

Самым разумным было бы сейчас оторваться от наблюдателей, осесть на тайной конспиративной квартире, о которой не знали местные власти, и затаиться там до прилета «Руслана». Возможно, он так бы и сделал. Если бы не Гравов. Его след может вывести на таинственных противников Федерации, умело оставшихся до сих пор в тени, прикрывшихся многочисленными подставными лицами.

Если отложить поиски Гравова до прилета «Руслана», вряд ли они что-нибудь найдут. Еще один пропавший без вести колонист его не устраивал, и именно поэтому, осторожно скользнув в густую тень деревьев, он оставил председательский кар посреди улицы, решив, что общественный транспорт для него теперь более безопасен.

Путь, который он в этот промозглый вечер собирался проделать, был недалек. Ему предстояло пересечь весь город, чтобы добраться до высокого здания из стекла и бетона, обнесенного высоченным забором с силовой защитой. Странное украшение для турнистской фирмы... Скорей всего Курлянов их уже предупредил. Однако вряд ли они ждут визита инспектора сегодня ночью...

Пересаживаясь с маршрута на маршрут, он не особенно заботился о невидимых наблюдателях. В том, что они есть, он ни на минуту не сомневался, но не сомневался также и в том, что, пока электронные передатчики типа «жучок», вделанные в его плащ во время визита к Курлянову, исправно работают, ему нечего опасаться слишком пристального внимания к своей персоне. В его плане отрыва от наблюдения этим «жучкам» отводилась важная роль.

В последний раз поменяв маршрут, он решил, что видимость «запутывания» следа соблюдена достаточно. Можно было приступить к выполнению основного плана.

Старая колымага на магнитной подушке кряхтела и постанывала

вала на поворотах, на ее обшарпанных, исцарапанных стенах сохранились автографы многочисленных пассажиров. Плохо закрепленные сиденья скрипели при каждом толчке. В этот поздний час на маршруте, идущем от центра города к рабочему поселку, пассажиров оказалось немного. Какой-то усталый человек дремал перед Кленовым. Полностью занятые друг другом молодые люди перешептывались на заднем сиденье. Четверо пассажиров только что сошли, среди оставшихся он не заметил ничего подозрительного, пора было начинать. Плащ он снял еще раньше и, скатав его в тугий сверток, держал на коленях. Им придется пожертвовать. Не было времени выискивать в его многочисленных складках маковые зернышки передатчиков, закрепленных там, в раздевалке полицейского управления.

Как только маршрутный кар подошел к очередной остановке, Кленов резко поднялся. Сойти следовало здесь, следующая будет уже «Звездокруг». «Забывтый» плащ остался лежать под сиденьем. Вряд ли его там скоро обнаружат.

Кленов спрятался от дождя под низеньким стеклянным грибом остановки. Кар ушел, вокруг не было ни души. Пронизывающий холодный ветер неприятно обдувал спину под влажной от дождя рубашкой. Минут через пять показалась маленькая полосатая машина, которую он заметил на предыдущей остановке. Его расчет оправдался. Теперь его отсутствие в маршрутном каре будет обнаружено не скоро. Агенты наверняка вели его по лучу оставленных в плаще передатчиков. Во всяком случае, у него в резерве верных полчаса, прежде чем за него возьмутся всерьез.

Чтобы сэкономить время, а заодно согреться, он сделал небольшую пробежку до следующей остановки. Перед зданием фирмы на противоположной стороне улицы Кленов остановился, подождал с минуту, изучая обстановку и внимательно всматриваясь в проходную у высоких литых ворот. Охраны не было видно. Вряд ли она здесь есть вообще. Пользоваться сторожами считалось несолидным. Фирма наверняка дорожит своей репутацией и вынуждена полностью положиться на электронику. На этом и строился его главный расчет. Во все матрицы охранных автоматов, изготовленных на Земле, вводился особый код. Это держалось в строжайшей тайне, и пользоваться кодом разрешалось лишь в самых исключительных случаях. Обнаружить же его в переплетении различных команд, ключевых слов и зашифрованных приказов практически было невозможно. Электронные матрицы из столицы рассылались во все поселения Федерации. Автоматы печатали по их образцу схемы, собирали из них блоки, и никто не знал, что благодаря секретному коду человек может остаться незамеченным, пройти сквозь самые сложные охранные устройства. Надо лишь располагать небольшим прибором, содержащим кодовый набор импульсов... Кленов отрегулировал свой наручный индикатор, включил передатчик кода и быстро перешел улицу. Перед самой проходной он остановился и с надеждой посмотрел вверх. Ничего, кроме ключевых грязного водянистого тумана, звезд, не было... Он тяжело вздохнул и окинул взглядом стылую громаду здания, словно оценивал рост и силы противника, стоящего перед ним. Он прекрасно понимал, что может не вернуться оттуда, а все его предприятие

похоже скорее на жест отчаянья, чем на хорошо подготовленную и спланированную операцию.

Если бы не Гравов, он бы никогда не решился на нее, но теперь поздно раздумывать... Он направил невидимый луч передатчика на дверь проходной.

Стоит там оказаться хоть одному устройству, изготовленному не по земным чертежам, и сейчас же завоет сирена тревоги, но все было тихо. Только тени столба скрещивались на воротах, да летел ему в лицо из мрака не прекращавшийся ни на секунду дождь.

Он решительно толкнул дверь и вошел внутрь проходной. Контрольный турникет уступил без малейшего сопротивления. Дежурный автомат недовольно заурчал, когда Кленов пересек лучи его датчиков, но послушно открыл вторую дверь. Теперь он уже был на территории фирмы. Абсолютно нелегально, если следовать букве закона. Любой охранник мог его здесь попросту пристрелить. Если у них все-таки есть охрана... Ему оставалось лишь надеяться на удачу. Двор показался огромным, здесь было еще холодней, чем на улице. Под перекрещивающимися лучами прожекторов, сверкавших с высоты контрольных вышек, он чувствовал себя абсолютно незащищенным. Стиснув зубы, Кленов заставил себя идти неторопливо. Уверенность, естественность поведения — сейчас единственное его оружие. Возможно, прежде чем стрелять, они захотят выяснить, кто проник на охраняемую территорию и почему идет по ней так, словно имеет на это право... Двор наконец остался позади, однако стеклянные вращающиеся двери здания не шелкнулись, когда он надавил на них плечом. Холодный пот струился между лопаток. Если эта проклятая дверь не откроется, автомат, который ею управляет, подаст сигнал тревоги, и он окажется в ловушке. Кленов попробовал еще раз — и только теперь вспомнил об узком луче передатчика. От его толчков тревога могла включиться в любую секунду. Он проклинал себя за глупость и одновременно водил лучом по двери, нащупывая выходные отверстия контрольных замковых датчиков.

Наконец что-то громко щелкнуло в глубине вестибюля, и бесцветный металлический голос у него над головой произнес: «Контрольная проверка закончена, данные совпадают. Вы можете открыть дверь». Это еще что за новости? Ему некогда было раздумывать. Дверь поддавалась наконец его усилиям. За спиной громко лязгнул автоматический замок. Он стоял в абсолютно темном вестибюле.

Опасность не уменьшилась, она стала конкретней и ближе. Ему уже не угрожали невидимые стволы прицельных устройств. Слабый свет пробивался из-за его спины сквозь прозрачную дверь. Глаза немного привыкли к полумраку. Впереди горой вздымалась широкая лестница, укрытая ковром, а где-то справа виднелись овальные кабинки пневматических лифтов.

Проще всего, конечно, было бы подняться на лифте на самый верхний, двадцать второй этаж, а затем, спускаясь, постепенно осматривать все здание. Но он знал, что это невозможно. Лифты могли контролироваться каким-нибудь автоматическим устройством, не попадающим под действие его луча. Подойдя ближе к лестничному пролету, он понял, что здесь есть еще и

цокольные, а может быть, и подземные этажи. Прежде всего нужно было найти картотеку. Кленов нащупал на поясе крохотный фонарик и двинулся в сторону от лестницы по коридору первого этажа.

Собственно, картотека могла находиться где угодно... Хотя скорее всего она в приемной, чтобы дать возможность чиновникам фирмы быстро и незаметно установить, с кем они имеют дело. Даже если сама картотека расположена в другом месте, все равно там должны быть соединенные с ней дисплейные пульта... Теперь, по крайней мере, он знал, что надо искать. Парадный проход, богато обставленный вестибюль — все то, что могло произвести впечатление на впервые пришедшего сюда простака. Там и тут бледным лунным светом горели под потолком небольшие ночные светильники, и это помогло ему ориентироваться в путанице переходов. Наконец он нашел самый широкий центральный коридор, заканчивающийся богато разукрашенной двустворчатой дверью. Приемная могла быть здесь. Надписи, как обычно, не было. Днем над дверью загоралось зеленое окно информационного дисплея со всеми нужными указаниями. Сейчас оно было серым и пустым.

Ему не хотелось вламываться еще в одну дверь. К счастью, она показалась попросту незапертой.

Небрежность или приманка для непрошеного ночного посетителя? Что бы там ни было, сейчас он это узнает. Одна из створок, уступая его усилиям, медленно пошла в сторону, открыв перед ним широкий овальный зал с рядами полукруглых диванов и длинной конторской стойкой. Он нашел то, что искал. За стойкой, напротив прорезанных в бронестекле окошечек, стояли столы с компьютерными терминалами. Двери из зала на ту сторону не было. К счастью, стекло шло не до самого потолка. Пододвинув диван и взобравшись на его спинку, ему удалось дотянуться до верхнего края стекла. Остальное было нетрудно. Кленов перемахнул через стойку и спрыгнул вниз. Удар подошв по пластику пола прогрохотал в затанувшем ночном помещении словно пушечный выстрел. Несколько секунд, присев у стойки, он ожидал, казалось, неминуемого теперь сигнала тревоги, но все по-прежнему было тихо.

Оставалось включить терминал и, разобравшись во входных данных и кодах, послать запрос в центральную картотеку. Рядом с дисплеем он обнаружил пластиковую табличку, значительно облегчившую его задачу. Терминал, не рассчитанный из программиста, был приспособлен к возможностям обычного среднего чиновника. Не прошло и минуты, как на дисплее вспыхнула первая страничка текста: «Гравов Роман Федорович. 28 лет. Холост. Постоянной специальности не имеет. Прибыл из Федерации, вольнонаемный, категория договора X-2». Дальше шли пункты и условия найма. Это он пропустил. В последней графе значилось: «Предварительная проверка на Мортоне». Что бы это могло значить? Не теряя времени, он набрал на клавиатуре слово «Мортон», а затем знак вопроса. Сразу же вспыхнуло сообщение: «Мортон, остров, координаты 32-48. Мерлитовый рудник, основная добыча приостановлена, опасен для жизни, старательская артель, проверка благонадежности, изоляция...

лица, направляемые на Мортон, официальной регистрации не подлежат».

Вот теперь он знал все, что нужно. Почти все...

Глава 6

Шорох, шум, скрежет, потом какой-то глухой удар донесся до слуха Романа из глубины штольни, по которой они теперь шли.

Ему казалось, что в спешке, уходя от тепловых вампиров, они потеряли ориентацию и свернули в боковой туннель. Элия с ним не согласилась.

— Понимаешь, вампиры никогда не улетают слишком далеко, их тела легко проходят сквозь пространство, для этого им даже не нужен проводник, они летают из мира в мир, куда хотят, но в наших мирах они чувствуют себя тяжело и никогда не улетают слишком далеко от двери, она должна быть совсем рядом.

— Откуда ты знаешь? Можно подумать, ты видела этих вампиров раньше.

— К нам на Ангру они залетают довольно часто и сразу же убираются обратно. Старейшины говорили, что наш мир слишком тяжел для них, наверное, там, откуда они прилетают, все выглядит по-другому.

— Меня беспокоит этот шум позади, как будто течет вода...

— Я ничего не слышу...

— Штольня все время понижается, и, если вода где-то прорвалась, это очень опасно.

— Почему ты думаешь, что вода прорвалась именно сейчас? Дверь действует не один десяток лет, и никогда раньше ничего не случалось.

— Потому что кому-то очень не хочется, чтобы мы нашли эту дверь.

— Что им до нас?..

— Помнишь, я тебе показывал тень на скале, оплавленный контур крыла...

— Конечно. Там был дейм. — С терминологией они испытывали явные затруднения, иногда одни и те же предметы, места требовалось называть по-разному несколько раз, чтобы уяснить, о чем идет речь.

— Хорошо, пусть будет дейм. Это существо обладает надомной какой-то властью. Оно сказала, что, если я не подчинюсь, мне будет очень больно, что в голове у меня есть нечто... — Он не знал, как сказать ей об этом. Роман чувствовал холодный пот на своем лице. Он понимал, что теперь уже обратного пути нет, и не знал, как продолжить... — Какая-то область, шар... — наконец набрался мужества произнести это слово. Теперь он боялся даже взглянуть в ее сторону. Он ждал ответа, презрения, насмешки. Он не знал толком, что именно, но услышал лишь недоуменный вопрос:

— Ну и что? Что ты ему ответил?

— Я ощутил нечеловеческую боль в голове, потом выстрелил из лазера несколько раз, и он ушел.

— Деймы умеют и не такое.

— Но он сказал, что я козявка, куча слизи, что мною можно управлять на расстоянии, как роботом!

— Деймы умеют многое, но им никогда нельзя верить. Если бы это была правда, разве бы ты стоял сейчас здесь?.. Почему они не начинают свои команды, если обладают такой властью? — Она стояла, гордо выпрямившись и повернувшись лицом к боковой стене. Ее голос звенел в пустой штольне, отражаясь от стен. Казалось, она бросала вызов неведомому врагу, притаившемуся внутри каменных стен, и словно в ответ ей издали донесся шум еще одного глухого удара, от которого вздрогнули стены штольни и пол завибрировал под ногами. Только потом пришел низкий, дрожащий звук, многократно раздробленный бесчисленными поворотами каменной пещеры.

— Это похоже на взрыв... Скажи мне, эти стражи, охраняющие дверь, на что они похожи, как выглядят?

Девушка отвечала глухо, не глядя ему в лицо:

— Это куклы. Грубо вылепленные куклы, едва похожие на человека. У них нет даже лица. Только волшебная сила деймов, данная на один раз. Ее хватает на день, иногда на неделю или месяц. Им дают только одно задание. Как только волшебная сила уходит, они вновь превращаются в мертвых кукол... Почему ты спросил, ты думаешь?.. Нет. Это было бы слишком просто, слишком легко. Деймы умеют красть души людей. Над таким человеком внутри незаметна, он такой же, как все, и лишь иногда... — Он не слышал ее, вернее, не слушал. Он смаковал, повторяя раз за разом только что открытую и такую, в сущности, простую истину: за роботом не нужно устраивать сложную охоту, роботу достаточно отдать приказ, а он человек, что бы там ни говорило это порождение мрака.

Шум воды за их спинами между тем нарастал.

Они бежали вдоль штольни. Теперь она пошла круто вверх. Ноги то и дело соскальзывали по поверхности камня, проваливались в какие-то рытвины. Иногда попадалась коварная мелкая осыпь, и тогда двигаться вперед было совсем трудно. Элия окончательно выбилась из сил, временами ему приходилось нести на руках постепенно слабевшую девушку. Грозный шум воды у них за спиной стал отчетливо слышен, вот-вот должна была наступить развязка. Роман понимал, что на такой глубине, на какую они опустились, у них не остается ни малейшей надежды на спасение. Напор прорвавшейся воды будет слишком мощным. Скорей всего их попросту разобьет о стены первым же валом...

Штольня выпрямилась, изогнулась, луч фонаря уперся в преграду. Это был тупик. В первые мгновения сознание, отказываясь принять очевидность, мучительно искало выход. Но его не было. Возвращаться бессмысленно, до достигавшего их потока оставались считанные десятки метров. Прямая штольня, по которой они шли уже несколько часов, закончилась теперь тупиком. Уперлась в сплошную монолитную скалу. Свет фонаря тонул в ее матовой шероховатой поверхности...

Монолит казался вплавленным в стены пещеры. Ни сверху, ни с боков не было видно ни малейшей трещины. И вдруг Элия прошептала:

— Кажется, мы дошли, мы все-таки успели!

— О чем ты?

— Это же дверь, перед нами дверь! Неужели ты не видишь?! Он не видел ничего, кроме глухого скального монолита.

— Стражей нет. Мы все-таки опоздали. Или они их увели — это уже неважно. Нет стражей — значит, нет двери. Вместо нее остается непробиваемая скала... — В голосе Элии звучало отчаяние. Шум воды нарастал, и стены пещеры вибрировали в такт с могучим, стремительно несущимся потоком.

Бывают в жизни мгновения, когда человек ощущает в себе силы, о которых не подозревал раньше... Возможно, это было одно из таких мгновений, возможно, только что сделанное открытие, независимость от чужой воли придали Роману уверенность, а может быть, причина была совсем в ином.

Реконструкция его личности, проделанная когда-то деймами, неожиданно принесла результаты, на которые они не рассчитывали. И силы, заложенные в него для других, темных дел, можно было повернуть и в обратную сторону...

Ничего этого не знал Роман, он лишь ощущал в себе крохотный огонек надежды, подсказывавший, как и что делать.

— Нам не нужны стражи... — неожиданно для себя самого вдруг сказал он Элии. — Нам не нужны стражи, — еще раз повторил Роман, будто желая лишний раз утвердиться в этой мысли.

Раскинув руки, он принял грудью к скале, прижался к ней изо всей силы, словно хотел передать ей стук собственного сердца. И скала услышала, ответила ему. В ее глухой вибрации он ощутил неизмеримую силу космических потоков. Некий огромный организм, протянувший свои артерии от звезды к звезде, на мгновение привиделся ему. Сверкнул и пропал образ бесконечных звездных дорог, и тогда он понял, как это делается, вспомнил так, как вспоминают об этом иногда во сне люди, умеющие летать.

Он отошел от стены на шаг. Что-то появилось у него в лице такое, что испугало Элию, и она отшатнулась от него. Но он властно перехватил девушку, привлек к себе.

— Нет! — крикнула она. — Я не хочу, ты не такой, ты не можешь!

— Могу, — только и сказал он. А руки уже сами собой сорвали пояс, и сзади, спина к спине, он туго притянул к себе вырывающуюся Элию.

— Да успокойся же ты! Не мешай мне! Неужели ты не понимаешь, как это трудно!

И девушка вдруг затихла, превратилась в недвижный груз у него за спиной. Тогда он вздохнул глубоко раз, другой, набрал полную грудь воздуха и шагнул вперед в скалу, как будто не видел ее, шагнул так, как шагают за порог двери.

Упругий, темный ветер ударил в лицо Роману, и настало долгое падение. Он летел в пропасть сквозь хоровод звезд, и лишь на секунду в мозгу вспыхнуло переплетение звездных путей. Одна ниточка показала ему светлее остальных, он выбрал ее. Почти сразу же в лицо ударил другой, живой ветер, и нога ощутила под собой опору.

Он сделал второй шаг. Теперь уже наружу. Он стоял на

твердой поверхности, освещенный заходящим синим солнцем. За его спиной вздымался серый параллелепипед скалы. Тень от него лежала низко, под самыми ногами.

Глава 7

Собственно, теперь можно было и уходить, Кленов узнал больше, чем рассчитывал, не следовало слишком искушать судьбу. И все-таки, когда он благополучно выбрался из приемной, миновал коридор и вновь спустился в вестибюль, туда, где лестница разъединялась на два пролета, один из которых уходил вниз в цокольные, подвальные этажи, он задержался, не зная, как поступить. Если они скрывают здесь нечто важное, то оно скорее всего находится там, внизу...

Прямо перед ним светлеет квадрат выходной двери, а за ней освещенная ртутным светом ламп пустыня двора. Ему еще предстояло преодолеть все это, а времени до рассвета оставалось совсем немного. Groш цена полученной информации, если он не сумеет вернуться. И все же он никак не мог оторвать руку от лестничных перил и сделать решающий шаг в глубь вестибюля.

Он стоял неподвижно в пустом ночном холле, в здании чужой фирмы, на счету которой немало махинаций и темных дел. Уже только поэтому, если его здесь обнаружат, ему наверняка не выпутаться. Он и так зашел слишком далеко. Анализ собранных за последние дни данных дал ему возможность почувствовать, пока только интуитивно, какие могущественные силы стояли за теми, кто саботажем, наркотиками, уралом — всеми средствами старался не дать закрепиться здесь пока еще такой слабой человеческой колонии, располагавшей несколькими городами и десятком лет истории... Видимо, немаловажные причины заставили их проявить себя в открытую... Курлянов, фирма «Звездокруг» — он чувствовал, как близка разгадка. Если он сейчас уйдет — возможно, через много лет о нем скажут: «У него был шанс один-единственный, он выпал именно этому человеку, так уж случилось по неведомому стечению обстоятельств. Но он не использовал этого шанса, и никто никогда позже уже не смог исправить последствий его минутной слабости...»

Его не станут винить. Ни у кого не возникнет на это права. И все же... Именно он, Кленов, мог бы сегодня узнать, кто они такие, черт побери, и каким образом сумели проделать совершенно необъяснимую штуку с поселенцами Гридоса.

Эликсира для этого маловато... Да и не сделаешь с помощью эликсира такого, как Курлянов, активного и умного врага. Значит, был иной способ проделать это с человеком в сообществе, в котором вот уже добрую сотню лет деньги не имели практического значения, а материальные блага могли удовлетворить любые, даже самые изощренные потребности человека... Значит, был способ привлечь члена такого сообщества на сторону. Кого? Этого он не знал. Но дорого бы дал, чтобы узнать, каким образом ныне мертвый Роман Гравов превратился в того Гравова, в котором он не заметил ничего особенного. Которого сам, своими руками, отправил на Гридос и помог тем самым в осуществлении неизвестных для землян целей их врагов.

Никто даже не упрекнул его за это, не напомнил. Теперь вот он сам себе напомнил и, медленно повернувшись, слегка сгорбившись, пошел вниз, старательно глядя под ноги, не поднимая головы, чтобы не видеть светлого квадрата двери, чтобы не пере-думать в последний момент.

Выходы двух первых подземных этажей закрывали бронированные стальные двери. Скорее всего здесь были склады. Затворы не поддались его усилиям. Наверное, кроме электроники, там использовались древние и надежные механические замки.

Не рискуя тратить на них время, он пошел еще ниже. На шестом пролете лестница кончилась странной дверью, похожей на дверь космического вакуумного шлюза. Над бронированными заклепками горел контрольный огонек дежурного охран-автомата. С ним он справился быстро, но за первой дверью оказалась вторая. В центре ее он увидел механическое устройство в виде четырех круглых стальных колес со спицами. Под ними виднелись окошки с цифрами. Механический кодовый замок, он знал об этих старинных конструкциях. Когда-то их употребляли в сейфах — стальных ящиках с ценной документацией, — но потом, из-за малой надежности, от них отказались. Даже на практических курсах по исторической механике их не знакомили с этими устройствами. Он почти физически ощущал, как уходили от него считанные и такие драгоценные секунды этой ночи. Несмотря на то, что первая дверь осталась открытой, в тамбуре все равно было душно и тесно. Он не мог даже распрямиться, все время приходилось сидеть на корточках. К замку могла быть присоединена какая-нибудь примитивная сигнализация, не поддающаяся воздействию нейтрализующего луча его радиопередатчика. Он все никак не мог решить, что ему нужно делать.

Наконец Кленов вынул из кармашка на поясе лазерный карандаш — свой любимый инструмент и одновременно, в случае крайней необходимости, не такое уж плохое оружие. Маленькая серебряная палочка почти не занимала места, но обладала одним существенным недостатком — небольшой емкостью энергонакопителя. Для грубых работ по резке металла этот инструмент не годился, однако с его помощью он определил приблизительную толщину металлической плиты, защищавшей дверь. Она равнялась почти целому дециметру, если это титанит, то ему не помог бы здесь даже стандартный лазер. Похоже, что-то очень важное прятали за этой дверью...

Наконец он взялся за одно из четырех колес, выбора все равно не было, придется попробовать открыть замок и на практике убедиться, есть ли там сигнализация. Постепенно наращивая усилия, он попытался повернуть колесо, но оно не поддавалось. Только теперь он догадался взглянуть на окошечко под ним и увидел большой, круглый ноль. В остальных окошечках темнели двойка, восьмерка, тройка, но счетчик колеса, которое он пытался повернуть, стоял на нуле. Возможно, там есть ограничитель. Он попробовал повернуть колесо в противоположную сторону и сразу же почувствовал, как оно поддалось. Громкий металлический щелчок за дверью заставил его вздрогнуть, но ничего больше не произошло, зато в окошечке, где только что виднелся ноль, появилась единица.

Теперь он довольно быстро установил, что колесо вращалось

в одну сторону до тех пор, пока в окошке не появлялась девятка или ноль. Нужную комбинацию из четырех колес при девяти цифрах в каждом он может не найти до конца жизни. Оставалась последняя надежда. Каждый из механизмов настроен на определенную цифру, и в момент ее появления должно происходить какое-то включение, скорее всего механическое. Соответствующий штифт входит в предназначенный ему зазор, и этот процесс должен сопровождаться звуком, конечно, неуловимым для простого человеческого уха, но у него был универсальный анализатор... Вряд ли через такую толщину плиты он что-нибудь различит, однако, если присоединить его непосредственно к металлу, вибрация может дойти до датчика... Сняв браслет и плотно примотав его к одной из спиц, Кленов повторил операцию поворота от нуля до девятки. Несколько секунд приборчик задумчиво гудел, словно решал невероятно сложную задачу. Наконец в окошечке появилась мигающая цифра «восемь». «Сомневаешься? Я тоже сомневаюсь... И все же придется по-пробовать».

Последовательно проделав то же самое со всеми колесами, он получил предположительный код замка: 2830 и установил все колеса в нужное положение. Ничего не произошло. Следовало еще нажать расположенную ниже защелку-ручку, и вот тогда-то, если прибор ошибся и он неправильно набрал код, наверняка включится вся охранная автоматика. Поэтому он не очень спешил с этим последним движением. Мерцание цифр в окошечке сигнализатора говорило о том, что вероятность ошибки очень велика.

Кленов снял браслет и совсем уж было решился нажать защелку, как вдруг ему в голову пришла мысль, что код может быть не цифровым, цифры могли обозначать порядок букв в алфавите, и тогда у него получится слово из четырех букв, причем не из всяких, а только из первых десяти, если ноль считать тоже. Кстати, непонятно, где его ставить, впереди или в конце алфавитного ряда? Наверное, все же впереди. Если все так, то у него получится: «Вига». Слово ему не понравилось своей неопределенностью. Если в замке действительно заложен буквенный код, он должен получиться осмысленным, легко запоминающимся, он в этом почти не сомневался, иначе буквенный набор получился бы совсем хаотичным.

Скорее всего анализатор ошибся в какой-то одной-единственной букве. Он попробовал разные варианты, заменяя последовательно каждую из букв полученного набора. Созвучия взяли на зубах, какие-то «дика», «кига», «фига» — все это было не то, совсем не то... И вдруг, как выстрел, у него в ушах прозвучало слово «виза». «Виза» — древнее слово, обозначавшее право перейти границу... Больше он не раздумывал, лишь заменил в окошке третьего слева колеса тройку на семерку и сразу же, не давая себе времени опомниться, нажал защелку. Дверь сама поехала в сторону, словно только и ждала этого простого, завершающего все его мучительные манипуляции движения. Кленов сразу же ощутил встречный ток спертого воздуха. Внутреннее давление было выше, и не зря на входе установили двойную дверь. Кленов поспешно захлопнул ее за собой.

Он стоял у входа в огромный, длинный зал, совершенно лу-

стой, если не считать небольшого стола слева от входа. Фронтальная стена, плохо освещенная, казалась непропорционально высокой, с нее спускались до самого пола серые драпировки, совершенно неуместные в этом просторном зале с высоким потолком и отсвечивающим драгоценным деревом паркетным полом, покрытым, правда, толстым слоем пыли. Из-за полного отсутствия мебели и этой вековой пыли зал производил впечатление заброшенности.

Но не станут же прятать за такими дверьми с секретным засовом никому не нужный пустой зал... Что-то здесь должно быть или было — тут же поправил он себя, стараясь сдержать разочарование.

Медленно, ни на что уже не надеясь и не заботясь о следах, таких отчетливых, словно он шел по снежному полю, Кленов пересек зал.

Его шаги гулко отдавались под сводами. Он пересек зал и остановился перед стеной, затянутой драпировками.

Их было сорок или пятьдесят. Каждая со своим отдельным шнурком, позволявшим отвести в сторону любую из штор, не трогая остальных. Что там, за ними — старые фрески? Он не интересовался живописью. И ни на что уже не надеясь, медленно потянул за первый попавшийся шнурок.

В неглубокой нише виднелась картина. Ему захотелось вернуться и уйти. Возможно, он так бы и сделал, но свет под потолком стал ярче.

Наверно, автомат, регулирующий освещение, реагировал на движение драпировок. Теперь он отчетливо видел картину.

На ней была изображена обнаженная женщина в полный рост, в натуральную величину. Картина производила неприятное, неэстетичное, совершенно не вяжущееся со стройным силуэтом женской фигуры впечатление. Он не сразу осознал, в чем причина этого, его внимание отвлекли круглые металлические заклепки, столь неуместные на светлой, почти живой коже изображения. Их было штук пятнадцать, разбросанных, казалось, без всякого порядка по всей картине, и от каждого металлического кружочка уходила в сторону тоненькая, едва заметная паутинка провода.

Вначале провода показались ему нарисованными, но, подойдя ближе, он понял, что они настоящие, и это поразило его больше всего. Заклепки тоже отсвечивали натуральным металлом. Кленов попытался дотянуться до одной из них, но картина висела слишком высоко. Изображение не имело ни рамки, ни фона, словно кто-то наклеил переводную картинку на пустую голую стену. Теперь он понял, в чем заключалась режущая глаз диспропорция в изображении. Собственно, это была не картина, а абсолютно точная геометрическая проекция человеческого тела на плоскость, передающая каждую мелочь — вот только все оказалось в непривычных местах, не там, где нарисовал бы это художник, всегда стремящийся сохранить на своей картине ощущение объема и жизни. Лицо женщины, бледное, без кровинки, с синевой под глазами и плотно сомкнутыми веками, еще больше усиливало жуткое, мертвящее впечатление. Кленов протянул руку и задернул штору. Несколько минут он

стоял неподвижно, тупо уставившись на ее серые, похожие на саван складки.

Ему потребовалась изрядная доля мужества, чтобы решиться отдернуть следующую штору.

За ней оказалась точно такая же проекция, на этот раз мужского тела. Он наконец справился со своими чувствами и сумел детально рассмотреть картину. С первого взгляда лицо показалось ему знакомым. Затем он решил, что это просто обман зрения. Плоскую маску невозможно было узнать, она не походила ни на одно человеческое лицо, и все же... Эти усики, этот маленький зигзаг шрама под левой скулой... Если бы он не был инспектором службы безопасности, то, возможно, он не обратил бы внимания на почти незаметный шрам. Но в школе его зрительную память специально тренировали на подобные незначительные на первый взгляд мелочи. Он помнил шрам, он даже помнил, что у Курлянова он был справа, а не слева. Возможно, поэтому в первый момент он его не узнал. Кому понадобилось снимать подобные изображения с живых людей, для чего? Что за паноптикум здесь собран?

Кленов подошел вплотную к картине и, подсвечивая себе фонариком, стал рассматривать ее под разными углами. Изображение казалось слегка утопленным в материал стены и вместе с ней покрыто блестящим лаком или какой-то защитной пленкой. Местами сквозь него просвечивала фактура стены. Кленов переключил свой портативный анализатор на видеозапись и провел открывшимся кристаллом крошечной видеокамеры вдоль картины. Его очень интересовали металлические нашлепки, похожие на какие-то датчики, но с этим он решил разобраться позже. Сначала нужно было закончить съемку всех картин. Их оказалось сорок. Среди них два женских изображения и шесть знакомых ему мужских лиц, но зато каких! Здесь был председатель совета гридской колонии, два его заместителя, начальник отдела снабжения, начальник отдела переселенцев и комиссар сил безопасности, или, как его упорно здесь именовали, комиссар местной полиции Курлянов.

Каждая картина находилась в отдельной нише, и еще двадцать таких ниш пустовало. Кленов почти полностью заполнил кристалл памяти своего прибора, но зато теперь в любой момент мог воспроизвести всю эту кунсткамеру до мельчайших деталей.

Наконец можно было заняться датчиками. Чтобы добраться до них, пришлось воспользоваться столом, стоявшим у стены при входе. Стол оказался необычным. С двух сторон напротив друг друга к нему намертво были прикреплены два сиденья, и вся эта конструкция легко передвигалась на небольших колесах.

На столе стоял неизвестный ему прибор, чем-то напоминавший уменьшенный компьютерный терминал, только без дисплея и с толстым пучком проводов, заканчивающихся небольшими острыми наконечниками.

На пульте прибора он насчитал тринадцать клавиш, помеченных греческими буквами алфавита. Кроме аппарата, на столе не было ничего, что могло бы объяснить назначение этого странного устройства. Решив, что прибор подождет, он покатиł стол

к изображению Курлянова. Этот человек интересовал его больше всего, даже больше, чем председатель совета Гридоса Лии Адамов.

Как только он влез на стол, его лицо оказалось примерно на одном уровне с лицом Курлянова. К голове изображения в разных местах крепились восемь из двенадцати металлических бляшек. Идущие от них полоски проводов на краю картины исчезали, возможно, просто огибая плоскость изображения. В самих бляшках, величиной с небольшую пуговицу, он рассмотрел теперь маленькие отверстия. По одному в центре каждой. Казалось, бляшки не имели к картине непосредственного отношения. Он потрогал их выпуклую поверхность и ощутил легкое покалывание электрических разрядов. Это уж было совсем странно. Кленов включил анализатор и обвел им вокруг бляшки. В стене не было ничего постороннего. Никакой краски, никакой синтетики. Получалось, что сама картина неведомым образом либо соткана из материала стены, либо вообще не существовала как материальное тело. Анализатор определил вес бляшки и ее состав. Сталь, около пяти граммов. Дальше во все стороны простиралась однородная стена. Скорее всего загадки изображений ему одному не решить, здесь надо подключать специалистов. И все же он медлил, понимая, что случай может не повториться...

В конце концов он попробовал основательно ковырнуть стену в нижней части картины, чтобы отделить для анализа хотя бы маленький кусочек того странного материала, из которого были сделаны картины. Но и тут его ждало разочарование. Штукатурка уступила его усилиям, и изрядный ее кусок оказался у него в руках. Вот только никакой краски на ней не было. Не было даже следов изображения — ровная и чистая поверхность...

На самом же изображении, в том месте, где он отколол штукатурку, ровным счетом ничего не изменилось. Правда, инструмент теперь словно бы прокалывал изображение, погружаясь в образовавшуюся небольшую выемку в стене и не оставляя на самом изображении никакого видимого следа. Получалось, что к стене изображение попросту не имело отношения и существовало само по себе. Скорее всего это была какая-то проекция... Но с помощью какой аппаратуры создавалось изображение? Ведь в зале не было ничего, кроме стола, на котором он стоял. И странного ящика с клавиатурой — тут же поправил он себя. Он сел за стол и, обхватив голову руками, уставился на стоящий перед ним прибор.

«Что же у меня получилось? — спросил он себя, пытаясь подвести хоть какой-то итог сделанным наблюдениям. — Изображение, похожее на проекцию неведомо чего и неведомо откуда идущую. Изнутри стены они ее проецируют, что ли? Но если бы в стене были скрыты какие-то устройства, анализатор немедленно бы их обнаружил. Ерунда какая-то получается, полная ерунда, и ни одной конструктивной мысли. Разве что... Разве что все дело в этом приборе...» Он пододвинул к себе маленький пластмассовый ящик с выступающей из него клавиатурой, и по поверхности стола протянулся длинный жгут проводов. Проводов, которые заканчивались небольшими острыми на-

конечниками, похожими на миниатюрные соединительные вилки... А что, если металлические кружочки с отверстиями, расположенные на картинах, как раз и служат приемными устройствами для этих вилок?

Он вскочил, взял один из проводов, отделил его от остального пучка, подошел к картине и убедился в верности своего предположения. На кончике даже был выдавлен значок греческого алфавита, в данном случае это была гамма. Такую же гамму он заметил на одном из металлических кружочков. Это уже было кое-что. Вилка плотно вошла в приемное гнездо и осталась там, прочно удерживаемая скрытой в металлической пуговице пружиной. Теперь не составило особого труда разобратся и в остальных проводах. Вскоре все они оказались присоединены к своим гнездам. Изображение оказалось как бы связанным с настольным пультом тринадцатью разными проводами. Все это было прекрасно, вот только по-прежнему оставалось совершенно непонятным, для чего все это нужно.

Он пошел сейчас на пловца, в темноте пытавшегося определить дорогу в подводном гроте, и так же, как этот пловец, ощущал на себе глухое темное сопротивление водяной массы, не желавшей пропустить его к заветной цели. Если прибор каким-то образом осуществлял проекцию всех этих изображений без подключения проводов, то для чего нужны были тогда сами провода? Опять вопросов получалось больше, чем ответов.

Работа инспектора приучила Кленова к максимальной осторожности. Один опрометчивый шаг в неясных обстоятельствах зачастую приходилось оплачивать слишком дорого. Поэтому, прежде чем без всякой системы, наудачу, давить на клавиши прибора, он еще раз внимательно осмотрел аппарат со всех сторон и неожиданно обнаружил на поверхности панели возле каждой клавиши какие-то надписи на неизвестном ему языке. Переписав их все, он затребовал от центрального информатория перевод, и вскоре перед ним уже лежала начерченная его рукой «говорящая панель» прибора. Над центральной красной клавишей красовалось слово: «энергия». Ну это более-менее понятно. А вот следующая надпись над синей клавишей выглядела более загадочно: «овеществление». Дальше шли «зрение», «слух», «осязание», «обоняние», «двигательные рефлексy», «речь», «вкусовые ощущения», затем были еще и «зоны». «Зона солнечного сплетения», «зона копчика», и где-то в самом углу желтая клавиша с надписью «болевоy шок». Оставалось все это попробовать.

После нажатия клавиши «энергия» прибор загудел, а на панели зажегся зеленый светодиод. Кленов нажал на следующую клавишу с самой загадочной надписью: «овеществление» и уставился на картину. Там было на что посмотреть. Изображение налилось красками, приобрело фактуру живой кожи. Тогда он надавил клавишу с надписью «двигательные рефлексy» и замер. Зрелище оказалось не для слабонервных, изображение на стене слегка заколебалось и вдруг, сделав шаг вперед, остановилось перед краем ниши. А затем, неуверенно нащупывая перед собой дорогу, словно спускаясь по невидимой лестнице, изображение Курдянова двинулось вниз. Когда оно подошло к самому столу, Кленов попытался отодвинуться вместе со стулом, но стул

не сдвинулся с места. Через минуту плоская тень человека в жутком молчании уже сидела перед ним. Скорее для того, чтобы разрушить ватную мертвящую тишину зала, Кленов спросил:

— Кто ты? — Тишина оставалась такой же полной. Тогда он ошупью нашел на пульте клавишу с надписью «речь», надавил на нее и повторил вопрос: — Кто ты такой?

Ему ответил динамик, скрытый в пластмассовом ящике с клавишами.

— Вонялрук.

Он не понял, что означает это сочетание звуков, и повторил вопрос еще раз.

— Вонялрук. Так есть мое ями — имя. Трудно довереп — перевод. Изнанка. Зеркало. Обратное время. Обратное аволе — слова. Другая материя. Итна. Анти.

— Антимир... Параллельный мир, проекция из параллельного мира... — прошептал Кленов, но собеседник услышал и понял.

— Это есть правильно, лелларап.

— Что вы хотите от нас? Зачем вы здесь?

— Заставляют. Межом ен виторп итди.

— Ты можешь влиять на поступки своего двойника из нашего мира?

— Я есть он. Он есть я. Мы одно.

— Значит, можешь... Кто вас заставляет? Кто они, какие, как выглядят?

— Кто есть ты мас? — Он не успел ответить. Скрипнула дверь, и голос, усиленный мегафоном, прогремел в пустом зале как гром.

— Сдавайтесь, Кленов! Сопротивление бесполезно!

Он обернулся, у шлюзовой двери стояли четверо на расстоянии не более десяти метров с лазерными автоматами в руках. Сопротивление бесполезно. Они правы. Вот только информация... Слишком ценная для Земли информация находилась в его руках. Он бросился на пол, повернувшись спиной к тем четверым. Он слышал уже глухие хлопки лазерных выстрелов, видел летящие у него над головой брызги расплавленного металла, и за эти оставшиеся у него ничтожные доли секунды ему надо было успеть незаметно вырвать из анализатора видеокристалл...

— Прекратить огонь! — прогремел микрофон, но они уже задели прибор на столе. Изображение двойника померкло, растворилось на глазах. Кленов глянул в пустую нишу и, прежде чем рядом с его головой взорвалась петарда с усыпляющим газом, успел разглядеть сквозь наползающий на сознание туман, как медленно появился на старом месте двойник Курлянова, готовый к новым экспериментам.

Глава 8

Очнулся Кленов в каюте катера. Оглушительно ревел водометный магнитный двигатель, суденышко нещадно швыряло на крутой волне. Кленов лежал, накрепко притянутый ремнями к подвесной койке. Действие усыпляющего газа еще сказывалось, мысли текли заторможенно, отрешенно. Он никак не мог вспо-

мнить — успел ли проглотить видеокристалл, Инфора с анализатором на руке, естественно, не было. Ну это им мало что даст. Электроника, лишенная его биотоков, через полчаса превратится в серый порошок.

Раз он жив до сих пор, избавиться от него в ближайшее время, очевидно, не собираются. У них другие планы. Интересно бы узнать какие?.. Натянув ремни на запястьях, он с трудом дотянулся рукой до лица и растер лоб. Голова гудела, но мысли постепенно прояснились. Этот катер... Его, наверно, решили упрятать подальше от столицы. «Ну, это мы еще посмотрим», — вряд ли они верно оценивают все его возможности. Служба безопасности не зря тратила долгие годы на тренировку своих людей. Перед глазами все еще стояло видение плоского человека, перекинутого через сиденье стула, словно кусок холста... Он не успел задать ни одного толкового вопроса, не успел почти ничего понять в его ответах, петарда с газом взорвалась слишком быстро. Параллельные миры... Что о них знает современная наука? Правило Лоренца? Симметрия пространства? Но это же чистая теория... И все же... Он напряг память.

СРТ-теорема утверждает, что любые процессы в природе не изменятся, если одновременно провести три преобразования: перейти от частиц к античастицам, Вонялрук говорил об антимире... И если считать, что это условие выполнено, то следующим будет пространственная инверсия... Иначе говоря, правое должно стать левым. Зеркальное отражение нашего мира. Шрам на подбородке Вонялрука он обнаружил с правой стороны и долго думал, как он туда попал, но тогда ничего так и не понял, решил, что ему изменила память. Последнее, третье условие СРТ-теоремы требует замены обычного времени на обратное. По мнению теоретиков, соблюдение этих трех условий характеризует параллельный мир. Есть в этой теории лишь одна заковыка. Одна сложность. Если время в параллельном мире течет обратно нашему, такие миры не могут пересекаться. Вернее, могут, но один-единственный раз, в одной-единственной точке — настоящего. А если это так, то, значит, их может быть бесконечное множество, миров, следующих друг мимо друга на перекрестках времени... Сквозь прищуренные веки он видел длинные ряды миров. В каком-то из них существует Вонялрук, пригвожденный к стене, играющий роль механической куклы, являющийся скорее всего лишь средством для управления живым человеком из другого мира...

Если действительно они сумели это проделать, значит, в определенной точке пространства им удалось остановить время... Нулевое время. Время без времени. Пожалуй, это единственный способ контакта параллельных миров, и если он кем-то осуществлен... У него кружилась голова от сделанного открытия, потому что, если оно верно, вся их Вселенная, вся окружающая Галактика превращалась в крошечный шарик, в ничтожную точку, частицу в бесконечном потоке параллельных миров... А если кому-то удастся связать их между собой? Пройти между ними каналы? Могушество цивилизации, которая это сделает, станет поистине беспредельным...

Кленов чувствовал себя не лучшим образом в этой железной, душевой коробке, вдали от дома и от друзей, увозящей его в

неизвестность, из которой проглядывало нечто такое, что ему совсем не нравилось.

Если возможна директивная связь через управляющий аппарат из зала «Звездокруга» с двойниками параллельного мира, то это имеет смысл лишь в том случае, если воздействие на психику управляемого двойника немедленно и полно отразится на человеке нашего мира, на нужном им человеке... Ведь психическое поле этих полных двойников должно быть единым, и воздействие на одну его половину немедленно отразится на другой... возможно, это как-то связано с уравилом. Человек из нашего мира вполне может не догадываться, какому грубому воздействию подвергается его психика... Ведь ему наверняка передаются не конкретные мысли и ощущения двойника, а лишь общий настрой. Деталей он может не знать. Хотя Курлянов, похоже, знает... Очевидно, такое приобщение к делам и планам врагов землян возможно позже, когда объект полностью подчинит воле его хозяев... Картина получалась хоть и страшной, но вполне правдоподобной. Курлянов говорил, что время теряет всякое значение...

Катер дернулся, и почти сразу по трапу застучали подошвы тяжелых ботинок. Двигатель уже работал на холостом ходу. Куда-то они, кажется, приехали...

Вошли двое угрюмых матросов в униформе, один из них снял браслеты с ног Кленова. Второй, не скрывая, держал в согнутой руке лазерный пистолет.

Судя по их замкнутым, ничего не выражавшим лицам, Кленов понял, что эти люди способны выполнить любой полученный ими приказ, и потому беспрекословно подчинился требованию подняться на палубу. Катер стоял у причальной стенке небольшого острова. На палубе в накидке из темного серовила и в форменной фуражке Кленов увидел Курлянова. Проходя мимо, он спросил:

— Как называется место, куда вы меня привезли?

— Остров Мортон.

Не оборачиваясь, Кленов пошел к трапу.

Глава 9

Полицейский ранкер стремительно несся над морем. Он шел так низко, что издали казался плоским камешком, прыгающим по вершинам морских валов. Иногда шапка тяжелой пены от очередной волны полностью заливала прозрачный колпак кабины, и тогда машину приходилось вести по обзорному локатору, ежесекундно рискуя врезаться в воду.

— Какого черта ты не поднимаешься выше? — недовольно спросил у Кленова Кжан, плотнее затягивая пряжку ремня.

— Не хочу искушать судьбу. Все прошло слишком гладко, а в таких случаях весь комплект неприятностей выдается в конце операции.

— Никогда не думал, что инспектора УВИВБа страдают предрассудками.

— Это не предрассудки — это статистика.

— У них здесь нет никаких локаторов, километров сто сплошная водная поверхность, без единого острова!

— Я знаю. Могут быть патрульные суда, воздушные наблюдатели. Как только они сообщат о похищении ранкера, тревога поднимется по всему сектору.

— Думаешь, у них есть еще рации, кроме этой? — Он кивнул на мигающий зеленый огонек на пульте управления.

— Наверняка. Для нас сейчас самое главное — сохранить внезапность при подходе к космодрому. Не дать им засечь направление, по которому мы движемся. — Кленов искусно обошел очередной гребень и бросил машину вниз в промежуток между двумя валами.

— На космодром они в любом случае сообщат о нашем побеге в первую очередь.

— Этим тоже можно воспользоваться. Важно, чтобы у них не было непосредственных данных о маршруте ранкера. Ты не представляешь, до какой степени охрана может быть заигнотизирована полнцейской формой нашей машины. На ней есть автоматический радиопароль для всех охранных систем. Пока они разберутся, что к чему, мы уже будем на взлетном поле.

— Ну да, и там нас ждет заправленный топливом корабль...

— Он ждет не нас. Он зарезервирован для каких-то тайных целей местного совета и всегда готов к полетам.

— Откуда ты это знаешь?

— Гридос привлекает внимание всех служб нашего управления уже не первый год. Здесь творятся странные вещи, и, кстати, именно поэтому нам так важно благополучно отсюда выбраться.

— А если они сменяют радиопароли в охранных системах?

— Вряд ли успеют, но в любом случае нам в этом придется убедиться.

— Хорошенькая перспектива... Охранные автоматы не станут раздумывать или задавать вопросы. Они сразу открывают огонь, если пароль не совпадает. Ты об этом знаешь?

— Конечно.

— Поднимись все же немного, иначе мы не доберемся даже до вышек космопорта.

Они летели уже минут сорок над серым от низких туч морем. Наконец впереди из тумана выглянула изломанная кромка берега.

— Это Стидос?

— Судя по карте, похоже...

— Ты, кажется, говорил, что ты штурман?

— Да, но мне не приходилось прокладывать курс для этих наземных калаш. Звездные карты выглядят несколько иначе... Осторожней, там впереди должна быть возвышенность, ты все еще летишь слишком низко!

— Внезапность — наш единственный шанс.

— Метров через пятьсот будет линия охраны космопорта, не лучше ли нам открыть предупредительный огонь? В ранкере есть неплохие ультразвуковые пушки...

— Нет, Кжан. Если мы себя выдадим раньше времени, корабля нам не видать как своих ушей... Внимание, я вижу вышки!

Внизу под ними мелькнули ребристые щиты энергозащиты, и почти сразу впереди открылось ровное бетонированное поле с одиноко торчащей сигарой небольшого корабля.

— Если это он, если ты не ошибся...

— Я не ошибся.

В стороне завывала наконец сирена тревоги.

— Слишком поздно. Ручное включение. Автоматику заблокировали наши сигнал-пароли. Люди в отличие от автоматов в большинстве случаев не могут действовать немедленно. Сначала они должны разобраться в обстановке, запросить инструкции...

Они уже садились. Кленов заложил крутой вираж вокруг корабля, стараясь с одного захода поймать всю окружающую местность на экраны своих локаторов. Нужно было оценить все, что им угрожало, и уточнить оставшееся время.

— Если люк закрыт, мы ничего не сможем сделать.

— Он наверняка закрыт. — Кленов приземлился у самой посадочной треноги корабля и сразу же включил рацию. Одновременно с радиопередачей над космодромом поплыл голос, усиленный мегафоном:

— Говорит полицейский патруль, два дробь один. Немедленно откройте аварийный люк корабля. Злоумышленники, организовавшие побег с Мортонна, проникли внутрь корабля, немедленно откройте люк!

От будок охраны через поле к ним мчался кар.

— Все-таки придется воспользоваться эхопушками... С такого расстояния они не поймут, откуда стреляют.

— Дай заградительный залп и смотри не попади в машину! — Невидимый заряд ультразвука в нескольких метрах впереди машины выбил густое облако пыли. Машину подбросило на ухабе, и, круто развернувшись, кар остановился.

— Немедленно откройте люк, не приближайтесь к кораблю, вы рискуете жизнью... — повторил Кленов в мегафон.

Кжан не верил своим глазам, стальной зев люка в двадцати метрах над их головами распахнулся, и кабина лифта медленно поехала вниз.

— Почему они подчинились?

— Потому что нас пропустили охранные автоматы. Потому что всегда проще переложить ответственность на кого-то другого и не принимать собственных опасных решений. Теперь быстрее вперед. Попасть внутрь корабля — это еще не все. Главное — суметь отключить диспетчерскую автоматику запуска. Они уверены, что сделать это невозможно, но тут у меня для них есть сюрприз...

Они уже вскочили в кабину и медленно, неторопливо тронулись по стальному направляющим вверх к кораблю. В прозрачной, незащищенной кабине лифта оба чувствовали себя совершенно беззащитными, но охрана так и не открыла огонь.

Только когда за ними захлопнулось стальное полукружье люка, они наконец перевели дыхание. Корабль изнутри оказался совсем крохотным. Сразу же за шлюзовым коридором находилась штурманская управляющая рубка с двумя сиденьями для пилотов. Не было даже кают для членов экипажа... Кораблю исполнилось никак не меньше сорока лет, и Кленов сомневался, сумеет ли он разобраться в его управлении устаревшего типа.

Пока он лихорадочно возился с автоматикой старта, Кжан с философским спокойствием разглядывал навигационные приборы так, словно видел их впервые.

— Почему они так и не стали стрелять?

— Они получают слишком маленькую зарплату, и им глубоко наплевать и на дела совета, и на этот корабль, — пробормотал Кленов, залезая шупом экспресс-тестера в святая святых — логический блок команд центрального управляющего компьютера.

— Ты готов? — спросил он, не поднимая головы от развернутых в обе стороны стоек, раскрывавших внутренности компьютера.

— К чему?

— К вводу маршрутных карт, черт побери!

— Ну с этим успеется. Пока ты наберешь скорость, я успею освоиться с навигационной техникой.

— Так осваивайся побыстрее и не забывай, что здесь есть второй корабль. В конце концов они могут опомниться.

«Теперь можно попробовать, — пробормотал Кленов. — Ручной пуск. Компьютер отключен почти полностью, работает только исполнительный блок. Позже, когда мы выйдем из зоны радиоконтакта, я включу его вновь. Начинаем. Стартовые — иоль».

Он подал команду сам себе, но над полем космодрома прокатились раскаты глухого грома, и из диезовых жерл вырвалось пламя. Вначале оно было красноватым и почти незаметным в свете дня, но почти сразу же стало наливаться голубишной, удлиняться. В землю ударили два голубых кинжала, приподнявших на своих остриях вибрирующую громаду корабля.

Только теперь вдоль стартового поля ударили энерголушки, и огненные мячики разрывов, уже совершенно нестрашные на такой высоте, заплясали там, где минуту назад стоял корабль.

Высотомер отсчитывал третью тысячу метров. Они разрежали атмосферу планеты наискось от взлетного поля, и впереди над ними впервые показался свет солнца, пробившийся наконец сквозь насыщенный водяной мглой воздух.

— Куда мы летим?

— Мне нужен твой бывший напарник — Роман Гравов, и я найду его, где бы он ни скрывался.

ЧАСТЬ III

ЛЕВРАН

Глава 1

Элия оперлась на руку Романа, приподнялась и осмотрела двор. С ее лица все еще не сходило недоумение.

— Это Ангра... Кажется, так земляне называют наш мир?

— Почему ты думаешь, что это Ангра?

— Я родилась под этим солнцем, — Она замолчала, присталь-

но вглядываясь в лицо Романа. — Человек не может совершить того, что ты сделал. Ты дейм или великий колдун?

— Я сам не понимаю, как это случилось. Деймы что-то сделали с моей головой... Я не чувствую себя ни колдуном, ни деймом, я чувствую себя человеком!

Они находились в круглом дворе с высокими стенами, сложенными из неотесанных валунов. Посреди двора, словно памятник, возвышался серый параллелепипед скалы, из которой они только что вышли. Роман все никак не мог поверить в полет среди звезд, похожий скорее на сон. Но над головой полыхало невиданное фиолетовое солнце...

— Станный двор... Ты знаешь, куда мы попали?

— Это башня стражей. — Элия все еще не отрывала взгляда от его побледневшего, взволнованного лица. — Стражи заключили с нами договор, и раз в год мы можем пользоваться дверью, чтобы доставлять с Гридоса нужные товары. Все остальное время к башне нельзя приближаться. Если нас увидят, мы погибнем, и я не знаю, как отсюда выйти...

— Тогда давай поспешим. Ты можешь встать?

— Я попробую... — Она была все еще слаба и не отпустила его руки. Роман подумал, что, если бы ему пришлось выбирать между возвращением на Землю одному и звездной дорогой вдвоем с этой девушкой, он выбрал бы звезды... В стене не было ни ворот, ни дверей. Она вздымалась на высоту десятиэтажного дома, и лишь кое-где в ней виднелись узкие отверстия бойниц. Заглянув в одну из них, они увидели, что к башне, стоящей на вершине довольно крутого холма, во весь опор неслись всадники в стальных шлемах, с вытянутыми щитами и копьями. Навстречу им от башни медленно шли цепочкой какие-то странные неуклюжие существа с короткими пиками в руках. На концах их пик вместо наконечников алым огнем полыхали прозрачные светящиеся камни. Элия гордо вскинула голову:

— Видишь всадников? Это россы. Мой народ решил отомстить стражам за обман, за гибель наших людей. Пока стражи заняты боем, мы должны выбраться отсюда.

— Хотел бы я знать как... — задумчиво проговорил Роман, всматриваясь в отвесную стену. Он вынул лазерный пистолет и взглянул на индикатор — зарядов осталось совсем немного, если их израсходовать на вырубание ступеней, они окажутся совсем безоружными в этом чужом и не очень-то гостеприимном мире.

Он убрал пистолет и достал из рюкзака небольшой моток силовой веревки. После нескольких неудачных попыток камень, закрепленный на ее конце, все-таки зацепился за выступ стены, и, ежесекундно рискуя сорваться, Роман полез вверх. К его удивлению, подъем оказался не таким уж трудным. Гравитация на этой планете была немного слабее, чем на Гридосе.

Элия вскарабкалась вслед за ним как кошка, почти без всякой помощи. Теперь оба они стояли на гребне стены. С этой стороны, укрытые высокой скалой, они могли не бояться, что их обнаружат.

Спуск по веревке уже не представлял особых трудностей. Через несколько минут они очутились среди невысоких кустов, с

наружной стороны башни. Снизу из долины сюда долетали крики и шум схватки.

Через несколько сотен метров Романа и Элию полностью скрыли склоны узкой долины, круто идущей вниз, к подножию холма. Им предстояло пройти около километра, чтобы обогнуть холм и выйти в тыл атакующим всадникам.

Каким бы ни был результат сражения, им не придется принимать в нем участия. Элия шла медленно, спотыкаясь, то и дело останавливаясь. Девушка мужественно держалась в подземельях, но сейчас, когда непосредственная опасность миновала, силы оставили ее.

— Нужно передохнуть, — произнес Роман.

— Там сражается мой народ!

— Ты не сможешь им помочь. Мы не успеем. Прошу тебя, отдохни хоть несколько минут!

Наконец она уступила его настойчивым просьбам.

Местность вокруг была угрюма и сурова. Фиолетовое солнце придавало окружающему неестественный, неживой оттенок. Груды выветренных серых гранитов, раздробленных тектоническими подвижками на мелкие обломки, устилали все вокруг. Почвы практически не было, и оставалось непонятным, откуда черпают жизненные соки многочисленные кусты высоких, в пол человеческого роста, растений неестественного желтоватого оттенка. Верхушки их стеблей, закрученные в толстые фигурные почки, вблизи казались розовыми из-за прожилок, похожих на венозные сосуды. Кусты производили отталкивающее впечатление, словно были некой анатомической частью, органом какого-то животного.

— Здесь у вас везде так красиво?

— Я люблю наш мир. Хотя его красота заметна не сразу. К Ангре нужно привыкнуть. Она могучая и очень древняя. За многие тысячелетия до того, как сюда пришли люди, здесь уже росли эти растения, ходили странные животные и еще более странные существа появлялись и исчезали на ее равнинах. Сегодня мы находим только обломки от тех прежних, чуждых нам, и все же величественных городов.

Станный и резкий звук, похожий на свист, донесся откуда-то сверху. Элия вздрогнула и побледнела. Впервые за все их долгое путешествие он заметил испуг на ее лице. Стены ущелья казались все также пустынными. Ни малейшего движения вокруг, даже ветер стих.

— Что это было?

— Скорее! В заросли! Это летуны, люди-птицы... Если мы не успеем... — Она уже бежала вниз, увлекая его за собой, сверху над стенами ущелья мелькнули и пропали какие-то тени. Над их головами пронеслось что-то темное и большое, что-то стремительное, молниеносно ускользящее, вновь раздался, теперь уже ближе, знакомый свист.

Роман споткнулся и, падая, рванул Элию за руку, прикрывая ее сверху своим телом и выхватывая из-за пояса лазерный пистолет.

Стремительная черная тень на секунду остановилась, зависла над ними, и этого оказалось достаточно, чтобы поймать ее в перекрестье прицела. Шипенье лазерного разряда было значи-

тельно тише обычного, но он не промахнулся. Крик боли, какой-то тоскливый вой ударил им в уши. Еще пару раз хлопнули огромные крылья, и в нескольких метрах в стороне что-то с треском рухнуло в кусты. Почти сразу же туда метнулись от верха ущелья еще две темные тени. Роман вновь дважды нажал на гашетку пистолета, но выстрелов не последовало. Батарея отдала свой последний заряд, они были полностью безоружны.

Несущиеся сверху черные треугольники стремительно увеличивались в размерах, свист их крыльев становился пронзительным, закладывал уши. Роман лихорадочно шарил вокруг, пытаясь нащупать какой-нибудь камень, и только теперь понял, что траектории этих летящих тел направлены в сторону от них. К кустам, куда только что упал их раненый собрат. Они выхватили его из кустов и, оглушительно хлопая крыльями, стали медленно подниматься, держа на вытянутых руках бессильно обвисшее тело. Только теперь Роман смог их рассмотреть и ужаснулся тому, что сделал. Набедренные повязки охватывали мощные, покрытые короткой курчавой шерстью торсы, по своим очертаниям не отличимые от человеческих тел. На широких кожаных поясах болтались короткие кривые мечи, а за плечами каждого равномерно двигались темные крылья. Лишь у третьего эти кожистые, покрытые такой же шерстью, как и все остальное тело, крылья бессильно свисали вниз. Роман понял, что стрелял по разумным существам...

Странная эта троица была уже на высоте стен ущелья, и, прежде чем они совсем скрылись из глаз, вниз полетел крик, полный ярости и боли, полный угрозы и обещания возмездия.

Все произошло так стремительно, что за время схватки он не успел сказать Элии ни единого слова. Сейчас ничто уже не нарушало тишину и покой окружающих зарослей, и если бы не темное пятно на противоположной стене, куда ударил остаток лазерного разряда, если бы не обломанные вершины кустов на дне ущелья, он бы мог подумать, что вся схватка мелькнула в его сознании как некое видение, мгновенный кошмарный сон.

— Кто эти существа, почему они напали на нас?

— Им нужна была я. Их предводитель Каро охотится за мной не первый год. Сегодня ты спас мне не только жизнь... — Он все еще придерживал Элию за плечи, и лицо девушки, ее сияющие благодарностью огромные глаза были от него совсем рядом. Он еле сдержался, чтобы снова не поцеловать ее в такие близкие, такие доступные губы — и потом долго жалел об этом.

Что-то с ним произошло в этом мире. Словно время изменило направление своего течения. Словно лишь здесь, лишь сейчас с неожиданной силой проснулось в нем древнее чувство ответственности мужчины за каждый свой поступок перед слабым, доверившимся ему существом.

Без дальнейших приключений они спустились к подножию холма. Тут проходила довольно широкая дорога, и почти сразу из-за поворота им навстречу показалась группа всадников, возвращавшаяся после схватки у башни.

Всадники ехали медленно мрачной плотной колонной по четыре в ряд, держа в руках опущенное к земле оружие. Лиц невозможно было рассмотреть, их скрывали решетчатые стальные забрала шлемов. Одинаковые кожаные доспехи с нашитыми

стальными пластинами прикрывали тела людей. Элия узнала своих и, несмотря на попытку Романа остановить ее, выбежала на дорогу. Всадник, ехавший впереди колонны, несколько секунд стоял как вкопанный. Потом понесся галопом навстречу девушке.

Они обнялись, кавалькада смешалась, люди столпились вокруг, но крайние всадники, развернувшись, зорко следили за окружающей местностью. Роман отметил про себя, что все они опытные воины. Уже не таясь, он вышел из зарослей на дорогу. Элия что-то возбужденно говорила спешившемуся мужчине.

Несколько человек медленно двинулись навстречу Роману.

Роману выделили лошадь из тех, что остались после боя с пустыми седлами.

Почти два часа они ехали в суровом молчании, только Элия, державшаяся впереди, рядом с командиром отряда, время от времени что-то громко говорила, но до Романа долетал лишь звук ее мелодичного голоса, о нем она словно забыла...

Заросли странных желто-фиолетовых, почти живых кустов кончились. Среди высокой, по пояс, травы там и тут стали попадаться обычные земные растения, привезенные переселенцами с собой. Судя по ним, цель их пути была близка. И действительно, из-за холма на фоне зеленых зарослей как-то неожиданно появился город, словно вынырнул из тумана... Маковки теремов, покрытые красивой резной черепицей, возвышались над высокой деревянной стеной, но даже в этой массивной стене, созданной прежде всего для обороны, чувствовалась рука мастеров, понимавших законы гармонии и точных пропорций. На Романа никто не обращал внимания, словно они каждый день подбирали на дороге спутников, прибывавших из чужих миров...

Лишь позже он узнал, что гордые россы считали невежливым выказывать к гостю излишний интерес, они держались с ним как с равным...

Командир отряда остановился вместе с Элией перед воротами и протрубил в рог. Ворота из огромных, в два обхвата, бревен со скрипом поползли вверх, открывая въезд в город. Отряд миновал двойную стену. Роман оценил ее толщину и высоту. Чтобы воздвигнуть такое сооружение из тысячи стволов, понадобился труд не одного поколения. И должны были быть серьезные причины, побудившие россов предпринять такое строительство. Роман начинал понимать, какую суровую, полную опасностей и борьбы жизнь ведут на этой планете родичи Элии. Сторожевые башни над воротами остались позади. Больше всего Романа поражал материал, из которого были сложены стены домов и ограды. Дерево, драгоценное натуральное дерево, идущее на Земле лишь на ювелирные украшения, здесь лежало даже под копытами коней... Надолго ли приютит его этот город мастеров и воинов?

Иллюзия равенства рассеется, как только они узнают о нем всю правду и он снова почувствует себя изгоем. Но пока что он оценил по достоинству суровую сдержанность, верность и прямоту этих людей. Как в призме собранные в Элии, эти качества открылись ему в короткие часы их совместного пути, казавшегося теперь почти неправдоподобным.

Задумавшись, он не заметил, как отряд остановился, Рядом

с Романом стоял командир отряда. Он вытер со смуглого бородатого лица пот и проговорил, обращаясь к Роману и указывая на высокий светлый терем.

— Этот дом будет теперь твоим. Ты сохранил жизнь моей дочери, и по обычаям нашего народа все, что принадлежит моей семье, принадлежит и тебе.

— Как давно живет твой народ в этом мире? — спросил Роман, неловко выпрыгивая из седла.

— Около двух веков.

Кфилонг — как звали отца Элии — уже открыл ворота. Отряд скрылся за поворотом. Элия даже не попрощалась, словно не знала его, словно все, что было между ними в катакомбах Гридоса, всего лишь иллюзия, сон. Стараясь не показать обиды, Роман спросил Кфилонга:

— В доме никто не живет?

— Это старый дом, дом моих предков. По нашим обычаям, новый член семьи всегда живет в старом доме до тех пор, пока не построит собственного. Мы все будем рады помочь тебе его построить, если ты решишь остаться с нами.

Они поднялись по ступеням крыльца, вошли в сени, вокруг стоял густой, терпкий аромат древесины и каких-то трав, пучками развешанных на бревенчатых стенах. Широкая горница, простой деревянный стол у окна, незамысловатый очаг в углу — все как тысячу лет назад.

Наверно, так и должен выглядеть дом, в котором однажды, после долгих странствий, человеку захочется остановиться.

— Если с тех пор, как вы живете в этом мире, прошло всего два века, вы должны помнить корабль, на котором прилетели ваши предки.

— Мы помним все.

— Тогда я не понимаю... Не слишком ли быстро наступил для вас семнадцатый век?

— Мы сами решили отказаться от машин. Наши отцы летели сюда на старом корабле, они хотели жить независимо от цивилизованных миров и нашли здесь то, что искали. Их потомкам поздно было что-нибудь изменять. В обратную сторону время течет быстрее, чем вперед.

— А вы сами разве вы не хотели вернуться?

— Для большинства из нас чужие миры всего лишь красивая сказка, легенда. Сюда не ходят рейсовые корабли, а дорога, которой ты пришел... Мы еще поговорим об этом подробнее. Эти дороги закрыты для всех, кроме деймов. Так что особого выбора у нас не было, да и не так уж плох этот мир. Здесь много опасностей, часто бывают схватки. Приходится отстаивать свое место под солнцем и право жить. Но к этому быстро привыкаешь, в ином месте мне было бы скучно. Многие думают так, как я, а те, кто считает иначе, все равно ничего не могут поделать.

— С кем же вы сражаетесь?

— Здесь живет много народов, много племен, не все уживаются друг с другом.

— Ты хочешь сказать — были и другие корабли, кроме вашего?

— Когда-то дороги между мирами были открыты и не принад-

лежали одной расе. Разумные существа из разных миров встречались в этом месте для торговли и обмена. Многие основывали здесь временные поселения, а когда дороги закрыли, остались тут навсегда.

Кфилонг достал с полки две большие глиняные кружки, зачерпнул ковшом из деревянной кадучки какого-то крепкого ароматного напитка и, пододвинув одну из кружек Роману, продолжил:

— На севере, в болотах, живут люди-лягушки. Они миролюбивы и мудры. Они обменивают корни водяных растений и жемчуга на яйца терминусов и других местных насекомых, которые наши женщины для них собирают.

На западе, у отрогов снеговых гор, живут люди-птицы. Они пришли из мира, где тяжесть меньше, чем здесь, и летать им на Ангре не так-то просто. И все же они построили город на неприступной скале. Туда нет ни одной дороги. Нам приходится сражаться с ними иногда, но с ними трудно бороться. Их город неприступен. Они нападают сверху, когда хотят, и, когда хотят, покидают схватку. Для них не существует законов чести, и потому мы презираем их.

В лесах живут и другие племена, о которых мы мало что знаем. Один раз в году, в день великого торга, все они выходят из своих гнезд и приходят к подножию башни стражей для обмена. Этот день празднуют все племена. Во время великого торга, который длится целую неделю, все племена заключают между собой перемирие, и даже деймы присылают иногда своих рабов для торговли с нами. Ангра очень древняя планета, на ней скрыто немало тайн. Когда-то здесь жил могучий народ, управлявший всеми звездными путями. Но время безжалостно. От их столицы не осталось даже пыли, а звездные дороги захватили деймы... Элия сказала, что ты сумел пройти через дверь без помощи волшебной силы деймов. Мне трудно поверить в это.

— Я сам верю с трудом. Не знаю, получится ли у меня это когда-нибудь снова. В момент смертельной опасности что-то произошло, но сейчас мне кажется, что это было не со мной... — Роман обхватил голову руками, внутри пульсировал стальной шар боли. — Во мне живут словно два человека. Я не знаю. Я не могу объяснить.

Старый вождь долго молчал. За окном медленно остывал фиолетовый день. Облака у дальних гор закрыли солнце своими пуховыми одеждами. Но город продолжал жить, отовсюду доносились голоса, звон инструментов, мычание домашних животных.

— У нас нет механических слуг, — вновь заговорил старый воин. — И один человек у нас не служит другому — помогают, конечно, если нужно, помогают все, но не служат. Возможно, ты привык к другой жизни, тогда тебе будет трудно у нас.

Роман усмехнулся:

— Боюсь, эти проблемы будут для меня не самыми сложными. Я справлюсь. Мне нравятся ваши законы.

Кфилонг говорил так, словно ему все уже было ясно в судьбе Романа. Слово она навсегда теперь связана с этим миром, с деревянным городом, с домом, наполненным запахом трав, с

простоволосой девушкой Элией, о которой не было сказано ни слова и которая уехала, не попрощавшись и даже не взглянув в его сторону. И впервые в жизни ему не хотелось ничего изменять, может быть, оттого, что здесь никто его не спросит о настоящем имени, и он сам волен выбрать любое...

Кфилонг поднялся. Но у порога вдруг задержался и произнес фразу, над которой Роман размышлял долгие часы, оставшись один: «В нашем мире многое становится яснее и проще. Не мучай себя, все образуется само собой. Здесь тебе искренне рады». И вышел, не попрощавшись, как Элия. Роман долго слушал тишину пустого дома, вдыхал его аромат и думал обо всем сразу и ни о чем конкретном. Потом встал, вышел на крыльцо. Двор был чистый, ухоженный, в хлеву ворочались домашние животные. Впервые в жизни кто-то в нем нуждался. Впервые в жизни ему принадлежал собственный дом. И это было очень странное, давно забытое людьми его расы чувство...

Далеко в темном небе мелькнула какая-то быстрая тень. Роман проводил ее глазами до ближайших холмов и подумал о том, что надо будет спросить Кфилонга, летают ли по ночам люди-птицы. Что-то ему не понравилось в этой тени. Птица летела слишком странным зигзагом, упорно стараясь скрыться за крышами высоких строений. Но стражи на башнях не подняли тревоги, а он знал еще об этом мире слишком мало, чтобы беспокоиться всерьез.

Глава 2

Дом принял Романа как своего, и он спал крепко, без сновидений. Но, возможно, ему снились добрые сны, те самые, которые так трудно бывает вспомнить утром, когда ослепительно яркое солнце, не затененное ни единым облаком, заглянет в окно.

Он проснулся от его нежарких лучей и долго лежал бездумно, пока крики голодных животных во дворе не вывели его из полусонного оцепенения. Пора было вставать и начинать новую жизнь фермера. За стенами бревенчатого дома его, человека двадцать второго столетия, ожидал семнадцатый век. А он все еще не знал, радоваться этому или огорчаться.

В хорошо налаженном хозяйстве хлопоты по уходу за скотом и домом не показались ему слишком обременительными. Раздражала лишь новизна обстановки. Некоторые нужные предметы приходилось искать по полчаса. И он ворчал на местные порядки, на то, что здесь довольно странно обращаются с гостями, и особенно хороша Элия, забывшая о нем, едва только они встретились с россами. К обеду, закончив хлопоты по дому, он решил выбраться на улицу и разобраться в своем не очень-то определенном положении. У ворот он встретил Кфилонга, который торжественно сообщил, что старшие родов ждут Романа в доме собраний.

Дом собраний стоял посреди центральной площади городка. В зале за большим овальным столом сидели восемь пожилых мужчин. В повседневной домотканой одежде они казались крестьянами, сошедшими с музейной картины.

Серьезная причина заставила этих людей бросить все дела и собраться здесь. Им предстояло решить судьбу пришельца из чужого мира.

Если община отказывала человеку в гостеприимстве, он должен был в течение часа покинуть пределы города, и все хорошо понимали, что это означает в мире, полном опасностей и врагов.

Кфилонг и Роман сели рядом, напротив остальных старейшин. Кфилонг выступал поручителем чужака, и многие поглядывали в его сторону неодобрительно.

Заседание начал сухонький и седой старикан с пронзительными голубыми глазами.

— Друзья, — начал он. — Здесь не принято тратить время на пустые слова, поэтому перейдем к делу. Этот человек спас жизнь дочери Кфилонга, что дает ему право претендовать на наше гостеприимство. Кто возражает против этого?

— Я прошу для него не права гостя, — сразу же вмешался Кфилонг. — Он получил от меня усадьбу предков и по старинному обычаю является теперь членом моего рода. Кто откажет члену рода Кфилонга в праве войти в общину нашего города?

— Ты слишком торопишься, Кфилонг, — заговорил мужчина могучего сложения. Даже сидя, он на две головы возвышался над всеми остальными, — и ставишь телегу впереди коня. Усадьбу предков можно дарить лишь члену общины. А пришельников община наша доселе не привечала.

— Жизнь нашим дочерям пришельники не спасали, оттого и не привечали мы их, а этот человек спас мою дочь! Теперь он член моего рода! — Кфилонг грохнул по столу своим огромным кулаком и вскочил, его глаза сверкали, а рука напрасно искала на поясе рукоять меча, оставленного за порогом дома собраний.

— Сядь, Кфилонг! — требовательно произнес старейшина, открывший собрание, и Кфилонг подчинился. — Нам нужно во всем разобраться.

— Пусть чужеземец расскажет, как попал в наши земли, — настойчиво потребовало сразу несколько голосов, и Роман, путаясь, сбиваясь, понимая, как нелепо и неправдоподобно звучит его рассказ, попытался изложить хотя бы самую суть. Слушали его внимательно и молча. В этих людях чувствовалось природное достоинство и сдержанность, они ничем не выдали своего удивления или недоверия невероятным событиям, которые он вынужден был описывать. По мере возможности Роман упрощал ситуации, кое-что пропуская, но в основном передал суть самого главного: знакомство с учителем, специальные тренировки, вербовку на Гридос, схватку с деймом и переход на Ангру.

Умолчал лишь о том, в чем признался одной Элли. О том, что в его сознании рядом живут два человека. Этого он не мог объяснить даже самому себе.

Когда он закончил рассказ, старейшины попросили его выйти и подождать решения. Они совещались не меньше часа. Наконец в дверях показался мрачный Кфилонг. Роман понял, что его дела плохи.

— Жди! — бросил он на ходу, вскакивая на лошадь, и ум-

чался в туче поднятой пыли. Роман вновь остался один. Он сидел на «скамье ожидания» возле дома старейшин и думал о том, что судьба его не балует, видно, ему суждено быть вечным странником. Но это не могло объяснить горечь, которую он сейчас испытывал. В конце концов, за пределами города могли найтись более гостеприимные общины, вот только Элию он больше не увидит.

В подземных пещерах, в башне стражей ему казалось, что девушка чувствует не только благодарность к нему... Теперь Роман в этом сомневался. Вначале он пытался объяснить ее замкнутость и отчужденность, с момента появления родичей, неизвестными ему правилами поведения, обязательными для женщин общины, однако сейчас он уже так не думал. Ни она сама, ни Кфилонг не обмолвились ни словом о тех древних обрядах, на которые она намекала в подземных штольнях, когда их жизнь висела на волоске.

Все оказалось миражем, пустыми мечтами. Она здесь дома, а он — изгой. Да и кто захочет связывать свою судьбу с человеком после рассказа о стальном шаре?! С человеком, который сам не знает, кто он есть на самом деле. Неопределенность положения, в котором он теперь очутился, лишь усугубляла его мучения. То ему хотелось, не дождавись решения старейшин и не попросившись, уйти из города только для того, чтобы Элия, узнав о его безрассудном поступке, пожалела о своей черствости. То, вопреки всему, хотелось разыскать дом Кфилонга, вернуться туда, объяснитьсь наконец с Элией и покончить с мучительной неопределенностью.

Он бросался из одной крайности в другую и все еще не знал, как поступить, когда в конце улицы послышался звук копыт. По звонкому перестуку он понял, что всадников двое, а по тому, как вздрогнуло и учащенно забилося сердце, еще издали понял, чей изящный силуэт виднеется над крупом второй лошади... Когда всадники подъехали ближе, он первый раз увидел Элию в ее родной национальной одежде. Раньше он не представлял себе, как может выглядеть такая женщина, как Элия, в седле боевого коня, с обнаженными до бедер длинными ногами, прикрытыми лишь кожаной плетеной специальных верховых сапог, в облегающей куртке с широким воротником, украшенной блестящими металлическими пластинами. За плечами ее виднелся длинный лук, волосы, лишь слегка скрепленные обручем, летели вслед за всадницей широкой тугой волной.

Элия и в этот раз не произнесла ни слова, только глаза ее сверкнули голубым огнем, и, гордо откинув голову, девушка вошла в дом собраний.

Кфилонг остался с Романом и, устало усмехнувшись, произнес:

— Ей придется сказать им все. Мне они не поверили. Не было еще случая, чтобы наши женщины выбирали себе мужей среди инородцев. Если старейшины признают ее выбор законным, ты будешь участвовать в испытании.

Минуту назад Роман был полон отчаяния, а теперь его сердце готово было выпрыгнуть из груди от радости. Что ему испытание, если все было правдой! Значит, она его любит? Зна-

чит, он все-таки не ошибся, и там, в гроте, правдой было каждое ее слово?

Кфилонг, дождавшись, пока Роман вновь обретет способность соображать, продолжил:

— Элии, как и каждой женщине знатного рода, жениха назначает совет старейшин сразу же после рождения. Но потом, когда девушка достигает совершеннолетия, она получает право выбора, и, если он не совпадает с мнением старейшин, назначается испытание.

— Выходит, выбор женщины не может быть полностью свободным?

— Женщина не останется в проигрыше. Она получит в мужья мужчину, который лучше сможет обеспечить ее детей защитой, а дом пищей. Здесь у нас это не так уж мало.

И неожиданно для себя Роман вдруг понял, что не имеет права судить этих людей по законам и правилам, которым до сих пор следовала его жизнь в спокойном и благоустроенном мире. Наконец на крыльце показался все тот же старец с пронзительным взглядом и объявил решение старейшин:

— Твоя дочь представила совету убедительные доказательства силы своего чувства и своего разума. Совет назначает испытание на завтра. Пусть чужой отдохнет. Если он выдержит испытание, никто здесь больше не станет его так называть.

Когда Кфилонг, закончив свои длинные наставления, наконец ушел и Роман остался один, на серебристом небе Ангры появилась уже третья луна.

Ночь полновластно вступала в свои права. Роман лежал один в пустом доме.

За окном мягко бился ветер, ночные жуки размером с летучую мышь время от времени возились на чердаке. Сон не шел к нему в эту серебряную ночь. Он чувствовал, как соки, запахи и звуки чужого мира постепенно входят в него, становятся частью его самого, и от этого он сам становился неотъемлемой частью нового мира. Роман уже знал, что завтра, как бы ни повернулась к нему судьба, он не сможет уйти отсюда и будет бороться до конца за право обрести свой очаг, свое место под здешним солнцем, которое уже не казалось ему чужим.

Тень, такая же серебряная и легкая, как свет третьей луны, мелькнула за окном. Роман не видел ее, но, почувствовав необъяснимое волнение, поднялся со своего грубого ложа, укрытого пушистыми шкурами неизвестных ему животных.

Свист и шелест ночных насекомых, едва уловимое движение ветвей незведомых растений манили его, и он не стал противиться зову ночи.

Свет луны запутался в ветвях деревьев, а может быть, в прядях волос любимой женщины? Это была ночь, в которую могли осуществиться любые несбыточные желания... Он услышал звук легких шагов у себя за спиной, и, когда две маленькие руки обвили его шею, он не удивился, не вздрогнул, лишь замер, каждой клеточкой впитывая это неожиданное счастье.

— Прости, милый, — шепнула Элия, — я не могла прийти раньше. Чтобы тебя увидеть, я нарушила все наши законы.

Я пришла сказать, что, если завтра судьба не будет к нам благосклонна, я оставлю свой род и уйду с тобой. Я все уже решила. Что бы ни случилось, мы будем вместе.

Ничего не ответив, он привлек ее к себе, и две тени слились в одну в эту ночь осуществленных желаний.

Как только первые лучи солнца коснулись солнечных часов перед домом совета, в высокой деревянной башне ударил колокол, возвещая о начале народного сбора.

Было ли то старинное «вече» или повод для праздника? Никто здесь не заботился о формальностях, зато любили собраться всем миром, отдать должное трапезе и шипучим хмельным напиткам.

На площадь уже выкатили бочки с брагой и установили длинные столы, ломящиеся от яств и плодов. Заинтересованный в положительном решении народного собрания род поставлял для праздника продовольствие и напитки. Сегодня это делали люди Кфилонга.

Едва смолк протяжный звук колокола, на помост поднялся один из старейшин. Он трижды ударил посохом, и шум постепенно стих.

— Друзья, родичи, гости от отделившихся, но дружественных нам семейств! Сегодня у нас необычный день испытаний. Впервые за всю памятную историю нашего народа для участия в нем допущен человек из чужого племени, не связанного с нами узами крови. Все вы знаете, что он сделал для рода Кфилонга и почему ему предоставлено такое исключительное право.

К нему обращаюсь я со словами мудрости, взращенной нашим народом, а также к вам, братья, дабы напомнить о главном. Мы живем между собой в согласии много лет среди опасностей и вражды чуждых нам существ. За эти годы познали мы и горечь поражений, и горе многих утрат. Радость дружбы и сладость побед. За всем этим десятилетиями копилась мудрость. Постепенно мы поняли, что в нашем суровом мире не всякий мужчина может быть наделен высоким правом зачинателя нового рода, а лишь тот, кто способен обеспечить безопасность своим будущим детям и своим близким, наделить их пищей. Тот, чьи руки искусно трудятся и умело владеют оружием. Пусть же отец деревьев просветит нас сегодня, в день своего полнолетия, достоин ли чужеземец дочери Кфилонга!

Одобрительные крики пронеслись из конца в конец по всей площади, в них потонули редкие голоса недовольных. Народное собрание подтвердило свое согласие с решением старейшин, и сразу же двое оруженосцев в расшитых серебряным орнаментом кафтанах подошли к Роману и вежливо, но настойчиво увлекли его за собой.

На краю города у самой стены стояло изолированное строение, обнесенное высокой оградой.

— Здесь ты будешь ждать полночи. Потом за тобой придут люди отца деревьев. Не выходи из дома, чужеземец, никто не должен тебя видеть, пока не наступит полночь.

Оруженосцы ушли. Роман остался один. Таинственный обряд испытания начался.

Глава 3

Казалось, этому дню не будет конца, как никогда не будет конца ожиданию. Но рано или поздно час все же приходит. В полночь небольшой отряд всадников, сопровождавший Романа, покинул город.

Вновь на горизонте Ангры плыла третья луна, заливавшая все вокруг своим колдовским серебряным светом, только теперь рядом не было Элии...

Они ехали по тропе, постепенно уходящей к темной громаде ночного леса. Издали лес воспринимался безликой, смутной массой, но, как только он поглотил их, Роман понял, что и ночью здесь бурлит жизнь.

Третья луна светила так ярко, что даже под пологом деревьев можно было различать дорогу. В кустах возлились и ухали ночные существа, то и дело они выпрыгивали прямо под копыта коней, и всадники натягивали поводья или резко сворачивали в сторону, чтобы не причинить им вреда.

Часа через два отряд остановился посреди большой поляны, со всех сторон окруженной темно-фиолетовой стеной леса. Растительность на Ангре выглядела столь же разнообразно, как и населявшие планету существа. Словно все племена из разных миров привезли с собой кусочки родной природы. В лесу, рядом с деревьями, напоминавшими Роману дубы и сосны Земли, стояли ни на что не похожие пробковые бочки с пучком листьев на самой вершине.

В неподвижности прошло не меньше часа. Никто из спутников Романа не разговаривал, на его вопросы попросту не отвечали. Лишь лошади всхрапывали, да время от времени перебирали копытами или испуганно шарахались в сторону, почувствовав невидимое для человека движение ночных обитателей леса. Тогда всадники умело и ласково успокаивали коней.

Наконец издали послышался стук копыт. Отряд спешился, коней отвели в сторону, и почти сразу на поляну выехала новая группа всадников. В седлах сидели одни женщины. Роман не сразу узнал среди них ту, которую так хотел увидеть... Только когда Элия спрыгнула с коня и бросила на его круп широкий темный плащ, он сделал шаг ей навстречу и остановился, заметив предостерегающий жест одного из своих спутников.

Жеищины спешились, увели коней и смешались с мужчинами, на краю поляны они с Элией остались вдвоем. И стояли молча в нескольких шагах друг от друга.

Роману начал надоедать затянувшийся, непонятный ритуал, как вдруг пропел охотничий рожок. Все россы вскочили в седла и умчались. Молодые люди остались одни в ночном лесу. Элия взяла Романа за руку и повела за собой в глубь леса.

Заросли становились все глуше, ветви то и дело преграждали дорогу, а огромные толстые корни деревьев превращали тропу в подобие горной дороги.

— Куда мы идем? — не выдержал наконец Роман, решительно останавливаясь.

— Сегодня в лесу безопасно.

— Но я хочу знать! Мне надоели непонятные действия, смысла которых я не понимаю.

— У нас существует обряд — те, кто любит друг друга, приходят в ночь полнолетия к отцу деревьев, чтобы он благословил их. Эта ночь священна для всех, живущих на нашей земле.

— А испытание?

— Если отец не дает благословения, люди не могут жить вместе.

Большой Роман ни о чем не спрашивал. Религиозный обряд? Возможно. Наверняка не только это — в лесу была какая-то тайна, и он ощущал ее каждой клеточкой своего существа.

Станный, терпкий, волнующий аромат долетел из зарослей, с той стороны, куда они шли, и Элия счастливо засмеялась.

Возможно, в пьянящем запахе была разгадка той ликующей бурной жизни, которая переполняла лес в эту волшебную ночь? Он не знал, но ему уже передалось от спутницы ощущение счастья и радостного ожидания. Дикая колония? Чуждое ему племя с непонятными обычаями, верованиями, устоями? Да, все это так. Жить здесь наверняка непросто. Но Роман понял, что в отличие от холодных, заполненных механистическим прогрессом миров, облегчающих человеку существование, здесь люди бывают счастливы, а за прогресс порой приходится платить слишком высокую цену.

В конце концов, в своих бесконечных скитаниях он нашел то, что искал. Ему нужна была эта женщина, этот ночной лес, этот пронизывающий все его существо пряный аромат. Лесные заросли раздвинулись, пропуская их на берег озера. Тропа уперлась в обрывистый берег. Кое-где из травы выпирали серые замшевые валуны. Вода, отражая свет луны, казалось, светилась сама, озаряя прибрежные кусты нереальным голубоватым светом. От озера веяло прохладой. Справа и слева от них заросли исчезали в полосе тумана.

Не доходя до прибрежного обрыва нескольких метров, Элия остановилась. Обрамленный уходящими в воду полосами тумана, перед ними возвышался лесной исполин. Во время своих странствий Роман рассмотрел на разнообразную растительность и не предполагал, что его может поразить вид дерева. Но это дерево превосходило все, что способно было представить себе изощренное человеческое воображение.

Мягкий лунный свет высвечивал каждый листочек, каждую складку коры этого титана среди деревьев. Поражали не сами размеры дерева, хотя оно, несомненно, было огромным, поражала его величественность. Нечто такое, что сразу же говорило тому, кто сюда приходил: «Перед вами самое великое дерево мира...»

— Это отец деревьев. В нем обитает дух моего народа. Он наказывает виновных и дарит удачу тем, кто не нарушает заветов предков. — Элия сложила руки у груди и шагнула вперед, собираясь опуститься на колени.

— Не надо этого делать, — сказал Роман, осторожно придерживая девушку за локоть. — Настоящие боги не требуют поклонения и никогда не грозят карой. Если я и вынес из своих странствий какую-то мудрость, то она именно в этом.

— А они есть? Ты их видел?

— Кого? — не понял Роман.

— Настоящих богов?

— Они всегда ускользают. Но они есть, потому что они с нами. Вместе с надеждой, вместе с тем чувством, которое соединило нас. Люди разошлись далеко по разным мирам. Они раздвинули горизонты своей Вселенной, но от этого, в сущности, ничего не изменилось. Потому что каждый раз, когда нам казалось, что последняя дверь открыта, вспыхивала там, за далекой, недостижимой линией горизонта, новая радуга, возникла новая тайна, за которой почти всегда прятались новые боги, — и, возможно, все они лишь отражение одного и того же.

— Я не понимаю тебя... Дух этого дерева покровительствует всему живому, что существует в нашем мире. Мы не считаем его богом, скорее это наш друг.

— Я знаю. Тем более он не нуждается в твоём поклонении.

— Откуда ты это знаешь? Ты чувствуешь его? Слышишь голос?

— Я не могу объяснить, но, по-моему, это так.

Элия прижалась к нему, и в прохладе ночи Роман ощутил теплоту ее тела и понял истинную цену этой мимолетной ласки.

— Пусть будет так, как ты хочешь. Отец говорил мне, что в этом месте устами людей говорят иногда сами боги... — Она замолчала. И только сейчас, отрешившись от своей странной задумчивости, Роман неторопливо снизу доверху осмотрел дерево. Теперь оно не показалось ему таким огромным, как с первого взгляда.

Ствол невысокий, скрученный в множество узлов, скрывал в себе странные лица невиданных существ. Роману почудилось в них некое движение, словно дерево, увидев его, усмехнулось. Возможно, то была всего лишь игра лунного света и глубоких черных теней, прятавшихся меж складок коры лесного великана. Его корни, раздробив прибрежные скалы, углубились своими концами в воду озера. Казалось, какое-то гигантское существо прилегло отдохнуть на берегу, опустив в воду усталые лапы.

Но самым удивительным была корона дерева. Невысокая, с тонкой, прозрачной листвой, с первого взгляда она ничем не отличалась от кроны обычных деревьев, но теперь он разглядел в ней несколько уплотнений, похожих на гнезда больших птиц. Птиц не было в этих зеленых чашах. Там таились лепестки огромных цветов. Снаружи они выглядели зелеными, но сторона, обращенная внутрь, полыхала царственным пурпуром. Формой они напомнили ему цветы лотоса его родной планеты.

Лишь сейчас он понял, где был источник опьяняющего аромата, заполнившего весь лес.

Он стоял уже рядом со стволом. Лица дерева обрели вдруг четкость и определенность. Их было несколько, обращенных в разные стороны. А внизу, между корней, среди травы и камней, улыбались толстые губы лесного царя.

Над ними расположился огромный бородавчатый нарост в форме носа, а еще выше наплывы надбровных дуг скрывали непроглядный мрак. Были ли в его глубинах живые глаза? Этого он не знал. Зато не приходилось сомневаться в реальности цветения тысячелетнего великана. Несмотря на почтенный возраст, в нем все еще бурлили юные соки жизни.

— Слышишь ли ты меня, человек? — едва различимый шелест листьев. Или то был шорох трав, а возможно, реальный голос какого-то существа из числа тех, чьи мысли с трудом пробиваются в сознание человека? Тот, кто научился различать внутренние голоса разумных существ, время от времени улавливает смутные отголоски, похожие на шум древесных соков. Был ли это такой голос? Он не знал. Замерев в почтительном молчании, Роман слушал тишину леса...

Чтобы не чувствовать стесившийся вокруг него ледяной холод, он нащупал в полумраке горячую ладонь женщины. Глаза Элии были закрыты. Запрокинутое вверх лицо казалось безжизненным. Какие грезы витали вокруг нее? Роман тоже чувствовал дурманящее действие цветочного аромата, но над ним он не был властен до такой степени, или он ошибался?

Странная ночь длилась вокруг. Ночь, похожая на туман, наступавший от озера на сушу. Ночь неопределенных ответов, смутных прозрений, вопросов, чередой идущих друг за другом. Ослепительных, как вспышка далекой зарницы, догадок, тут же вновь закрываемых наползавшим туманом сомнений...

«Сотни тысяч лет в недрах этого мира ждет своего открывателя древняя тайна, ключ беспредельных звездных дорог...» Был ли то голос дерева или отголоски его собственных мыслей? Но почему тогда так отчетливо вспомнился ему именно сейчас ни с чем не сравнимый миг полета сквозь бездну, когда на краткую долю мгновения он почувствовал в себе силы управлять этим полетом, когда в мозгу вспыхнула звездная схема — паутина трасс, и он смог выбрать один-единственный из миллиардов путей...

Было ли это на самом деле? Ночь сомнений и вопросов все еще длилась. А туман вокруг дерева между тем начинал уплотняться, вытягиваться, превращаясь в некоторое подобие стеклянных стен. В образовавшейся зеркальной клетке в конце концов остались лишь они вдвоем, наедине с деревом. И самым странным, самым невероятным было то, что в бесчисленном ряду взаимных отражений, между двумя зеркальными плоскостями, он видел куски берега, бесконечный ряд старых деревьев, но не видел ни себя, ни Элии...

Зато в глубинах этих открывшихся ему фрагментов неведомых и бесконечно чуждых пространств начиналось какое-то с трудом различимое движение. Появлялись и исчезали смутные тени. Два великана в черных плащах перепончатых крыльев рубились светящимися мечами. Вспышки красного и зеленого света сменяли друг друга, сыпались алые искры, казалось, битве титанов не будет конца. То один, то другой захватывал сцену. Чередой сменяли друг друга поколения, а битва все длилась... Все не стихало... Мелькнул и исчез под вспышками алого пламени город. Появилась вдали и медленно приблизилась гигантская пирамида цветных шаров, на самом верху которой притаился металлический шар, и крошечная фигурка человека ползла к нему, преодолевая бесчисленные препятствия и не подозревая, что ждет ее в конце пути...

Воспоминания, ломая искусственно созданные в его мозгу преграды, хлынули в сознание. Соединились разорванные цепочки памяти, восстанавливались утраченные времена. Он видел сухую

степь, лица давно забытых друзей, оставшихся в далеком прошлом, он видел всю свою жизнь, нелепую, неустроенную, прошедшую в бессмысленных метаниях и поисках. Чего он искал? Нашел ли?

Он крепче сжал ладошку первого в его жизни по-настоящему родного существа, и волна горячей нежности явилась как ответ на его последние сомнения. Как мало, в сущности, надо человеку для счастья и как непросто это понять!

От озера потянул прохладный ветерок, унося прочь остатки видений вместе с туманом и ароматом цветов. Элия глубоко вздохнула и открыла глаза.

Далеко за лесом, должно быть на одной из городских башен, вновь затрубил рожок, и его нежный мелодичный голос осторожно пробрался к ним через заросли.

Ночь грез кончилась, пора было возвращаться. Но, прежде чем уйти, Элия подошла к самому берегу озера и заглянула в его прозрачную глубину.

— Что ты там ищешь?

— Иногда отец деревьев на прощанье показывает людям их судьбу. Подойди. Может быть, мы вместе что-нибудь увидим?

Но в озере не было ничего, кроме обычных отражений прибрежных кустов, да в глубине кругами плавала какая-то мохнатая рыба. Через секунду он понял, что это не рыба. Тень, стремительно приближаясь к поверхности озера, увеличивалась в размерах. Мелькнула и пропала хохочущая наглая рожа, обрамленная колечками рыжей шерсти. Шевельнулась в глубинах озера безобразная гнусная тварь, с оскаленной пастью и шестью мощными когтистыми лапами.

— Это остатки дурмана. В цветах дерева есть какой-то наркотик. Сейчас опьянение проходит, и сознание рождает эти искаженные, причудливые образы, не надо их бояться. Пойдем.

Элия послушно уступила его просьбе. Рассвет уже окрасил верхушки деревьев. Лес затихал после бурной ночной жизни. Они медленно, задумчиво шли по тропинке, каждый погруженный в свои мысли. Вдруг Элия сказала:

— По-моему, в озере мы видели Каро. Предводителя летунгов. Того самого, которого ты ранил. Неужели нас ждет такая жестокая судьба?

Он успокаивал ее снова и снова, объясняя дурманящее действие цветов, и лишь сам себе ничего не мог объяснить. Лишь сам себя не мог успокоить. Потому что вдруг понял: не может быть двух абсолютно одинаковых видений, и следовательно, там было все что угодно, кроме дурмана...

Глава 4

Весь род Кфилонга с головой ушел в приготовление свадьбы Романа и Элии, назначенной через неделю после больших осенних торгов.

Свадьбы россов всегда назначались после этого осеннего праздника, и Роману, несмотря на все его негерпение, снова пришлось ждать, впрочем, за хлопотами неделя должна была пролететь быстро.

Огорчал лишь запрет видаться с невестой, но в чужой монастырь со своими законами не ходят.

Больше никто не сторонился его на улицах города, не отворачивался, не называл чужаком. Теперь он мог зайти в любой дом и везде, кроме дома Кфилонга, считался самым желанным гостем.

«Жених приносит в наши дома счастье», — так говорили эти люди, стоило ему переступить порог.

Кфилонг, понимая, как огорчает молодого человека новая отсрочка со свадьбой, старался не оставлять его одного, ввести за эти дни в разнообразную общественную жизнь города, сделать из него полноправного члена общины. Они виделись почти каждый день, а вечером, за бочонком хмельного напитка, Кфилонг рассказывал множество любопытных историй об окружающих их племенах, о различных этапах в жизни Ангры, о взаимоотношениях россов с другими народами.

В один из таких вечеров Кфилонг завел разговор о предстоящем дне «великого торга».

— Не удивляет тебя его название? — спросил он Романа. — Когда-то день торгов действительно был великим днем. На Ангру в те далекие времена приходили существа из отдаленных миров, им для этого не нужно было кораблей. Но мало что сохранилось в памяти о тех днях. Внутри башни стражей существа из разных миров обменивали плоды своего труда, умения или разума. Теперь все изменилось. Осталась лишь сама традиция. Народы не приносят больше на торг хитроумных машин или неведомых товаров из дальних миров. Лишь жалкие следы былого величия, лишь остатки могущества. Безделушки, назначение которых никто не может объяснить, старые книги, которые никто не может прочесть. Детали неведомых аппаратов, предметы непонятных культов.

Все это не имеет никакой цены, и все же каждый раз племена из дальних поселений приносят на ярмарку бесполезный хлам, надеясь на него выменять семена или сок арии, ядовитого растения, промысел которого сопряжен со смертельной опасностью.

Роман слушал Кфилонга не очень внимательно. В последние дни он все чаще ловил себя на мысли, что тревога Элии по поводу предсказания, сделанного у озера, может быть не такой уж беспочвенной.

Следовало подумать о том, как обезопасить себя и ее от лунгов. Оружие россов не казалось ему для этого достаточно надежным, и потому он спросил Кфилонга:

— Ты говоришь, на этих торгах бывают разные народы?..

— Да, это так.

— И они приносят детали старых механизмов?

— И это правда.

— Я хотел бы участвовать в торгах. Когда они начнутся?

— Через пять дней, неужели ты забыл?

— У меня здесь нет ничего ценного для обмена, ничего такого, что принадлежало бы лично мне...

— Вот теперь ты заговорил как настоящий мужчина! Перед свадьбой стоит подумать о благополучии будущей семьи. Я одолжу тебе любые товары для обмена. У меня их много. Разумный.

человек может выменять во время торгов хороший инструмент, посуду для приема гостей, украшенную старинными мастерами, подарки невесте, да мало ли что подвернется! Каждый хочет испытать свою судьбу на торге! Там бывает такое!.. Бакон на прошлых торгах выменял у головачей странную игрушку. Не то шар, не то кубик. Ее отдельные части можно было вертеть во все стороны. Головачи сказали, что если ему удастся постронуть из этой кучи мусора знакомую вещь, — он ее получит. Головачи никогда не обманывают, это знает каждый, они просто не говорят всей правды. Поэтому Бакон очень старался...

Кфилонг молчал с минуту, разглядывал полунустой бочонок. Прежде чем он зачерпнул новый ковш, Роман спросил:

— Так что же случилось с Баконом?

— А ничего, — Кфилонг махнул рукой. — Он собрал себе игрушечный гроб. Получил его в натуре и через два дня умер.

— Веселые игрушки продаются на вашей ярмарке... Придется все же в ней участвовать. Мне может понадобится настоящее оружие, и, по-моему, очень скоро...

— Я об этом позабочусь! Можешь на меня положиться.

Не обращая внимания на слова Кфилонга, Роман встал и прошел в кладовую, где беспорядочной грудой валялись его вещи, те самые, в которых он явился в этот город.

Сейчас на нем красовался расшитый серебром кафтан горожанина россов, но где-то в карманах старой куртки завалялась тряпица с несколькими кристаллами мерлита, добытыми на каторжных рудниках Гридоса. Последнюю добычу перед побегом он так и не успел сдать и сейчас не знал, сохранились кристаллы или были потеряны по дороге. Но рука нашупала несколько твердых, ребристых крупинок, завернутых в тряпку. И на его ладонь легли льдистые огоньки неизвестного минерала, стоившего на Гридосе не одну человеческую жизнь... Имеют ли они цену в этом мире?

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал Роман, критически разглядывая Кфилонга, успевшего-таки осушить свой последний ковш. В ответ Кфилонг промывал что-то нечленораздельное. Но едва увидел перед собой ладонь Романа с лежащими на ней голубыми, полными огня камнями, как сразу же пришел в себя.

— Ты спрашиваешь, годится ли этот товар для торга? На половину такого камня у нас можно купить имущество целого рода... Оказывается, мой родственник богаче меня. Извини, что предлагал тебе в долг свои товары. Этим я не хотел обидеть тебя. — Он говорил, с трудом подбирая выражения, и по тщательности, с которой это делалось, Роман понял, как сильно взволнован старый вождь.

— Возьми их себе. Для торгов мне хватит одного.

— Не говори так. Ты скоро станешь основателем нового рода. Береги свое имущество и не оскорбляй меня.

— Кфилонг, ты не должен забывать, что я еще не знаю многих ваших обычаев и правил. Я предложил тебе эти камни от чистого сердца. В конце концов, ты лучше меня знаешь, как нужно позаботиться о благополучии собственной дочери, да и о моем тоже. Я буду следовать твоим советам, а камни пусть

останутся у тебя. Считай, что я отдал их тебе на хранение, как наше с Элией совместное имущество.

— Ну коли так... Тебе скоро понадобится хороший конь, оружие. Я позабочусь об этом...

Едва Кфилонг ушел, как Роман вновь отправился в кладовую. На полке под грудой старой одежды лежал его лазерный пистолет, последним выстрелом своей разряженной батареи не так уж давно отразивший нападение летунгов... Чтобы заставить работать его вновь, надо было найти напряжение в четыреста вольт, линию или батарею аккумуляторов, способных подавать на его клеммы ток силой в несколько десятков ампер, причем достаточно долго... Оставалось совсем немного. Найти такую батарею в мире, не знающем иного освещения, кроме коптящего фитиля жировых фонарей...

С утра, в день начала великого торгового каравана, караваны страшных существ начали стекаться к башне стражей. Под ее неприступными стенами выросли холмы, похожие на селения гигантских термитов. Отдельными группами поблескивали какие-то стеклянные пузыри. Кое-где виднелись стены временных строений, сплетенные из сухих трав. Строения были столь же разнообразны, как и облик существ, ведущих свои торговые караваны мимо города россов.

С галереи, расположенной на верхнем ярусе стены, были видны мельчайшие детали. Роман и Кфилонг стояли рядом, наблюдая приготовления к открытию торгов и проход караванов, неторопливо подтягивавшихся к огромной площади, заваленной громадами разнообразных товаров.

На медленно ползущих гигантских вьючных червях прошли существа, серые, как скалы, и такие же неповоротливые.

— Это камноиды, — пояснил Кфилонг. — Круг их жизни растянут на тысячи лет.

На ящероподобных рептилиях с востока показался караван головачей, о которых Кфилонг рассказывал ему раньше, и Роман сразу же узнал этих карликов с огромными головами — хитроумный народец, умеющий не упускать собственной выгоды ни в какой ситуации.

Прыжками пронеслись существа, совсем уж ни на что не похожие, не то стеклянные пузыри на ножках, не то воздушные шары, а возможно, это были разумные растения, умеющие располагать свои ветви и корни так, чтобы ветер нес их в нужную сторону.

Мир разумных обитателей Ангры был столь же разнообразен и пестр, как толпа на перекрестке большого города. Роман пожалел, что ему не пришлось здесь бывать во времена былого величия, когда народы различных миров свободно встречались друг с другом на этой планете для торговли и общения.

Злая воля деймов многое изменила на звездных путях. Каким образом овладели они тайной дорог? Как сумели перекрыть бесчисленные вокзалы и перекрестки? Этого не знал никто.

Роман стоял на галерее, пока не стемнело, а с восходом солнца был уже в торговых рядах. Оказалось, что его способность слышать чужие мысли не позволяет ему понимать все языки.

Многие существа обменивались каскадом зрительных образов с такой скоростью, что в этом водопаде красочных, пестрых вспышек он ничего не успевал разобрать. К счастью, для торга хватало и жестов.

Товар лежал прямо на земле или на подстилках из листьев растений. Каждый был волен выбирать все, что ему угодно, никто здесь никого не торопил, не навязывал ненужных покупок, и покупатели и продавцы вели себя степенно и неторопливо.

Ничего похожего на деньги не было, да и не могло быть в системе небольших изолированных поселений с различными структурами. Оторванные от родных цивилизаций многие столетия назад общины были вынуждены вести натуральное хозяйство.

Остатки механизмов, привезенных когда-то из невероятных далей пространства, постепенно изнашивались, и теперь, если условия не изменятся, технические цивилизации на Ангре появятся лишь через многие тысячи лет.

Надежда Романа найти какие-то устройства, способные зарядить лазерную батарею, развеялась в первые же минуты торга. И хотя Кфилонг оказался прав, тут и там встречались части непонятных механизмов, сложные устройства неизвестного назначения, но все это выглядело слишком запущенным и старым.

Извлечь энергию из этих груд заржавленного хлама нечего было и думать.

Некоторые продавцы, чтобы не отпугивать покупателей своим видом, носили так называемые «торговые маски» — наброшенный на голову мешок с прорезями. Покупателей в рядах толпилося немного, да и те старались держаться на почтительном расстоянии друг от друга, избегая взаимных прикосновений. Некоторые существа казались слишком горячими, другие, наоборот, слишком холодными и скользкими — даже мимолетное прикосновение могло вызвать взаимную брезгливость, и потому все старались поддерживать выработанный веками кодекс торговой вежливости.

Груды плодов, неведомые кушанья и произведения местных ремесел не привлекали внимания Романа. Он искал оружие, способное отразить нападение летунгов. Встречались дротики, стальные колеса, режущие пропеллеры, запускаемые специальной катапультной, тяжелые и острые, как бритвы. Ключицы шары на цепях — все это уже было на Земле в позднем средневековье. Но повторялись условия существования — повторялись и предметы, которыми вынуждены пользоваться люди, чтобы посеять и собрать пищу, вырастить детей, защитить свой дом...

Против летунгов, стремительно нападающих сверху, средневековое оружие казалось Роману малоэффективным. Разочарованный, он собрался уходить, когда заметил человека в торговой маске, упорно следующего за ним по пятам. Роман ускорил шаг, несколько раз переходя из ряда в ряд, но неизвестный согладалтай не отставал. Роману надоело бегство, и, неожиданно повернувшись, он схватил своего преследователя за плечо:

— Что тебе надо? Почему ты за мной ходишь?

— Ты есть человек Земли? — коверкая слова русского языка, спросило существо, скрывающееся под маской. Роман ощутил

под своей рукой стальные мускулы и понял, что, несмотря на малый рост, перед ним серьезный противник.

— Да, я землянин, что ты хочешь?

— Я продавать — ты покупать. Вижу, оружие много смотришь.

— Ты продаешь оружие?

— Оружия нет. Есть сила. Большая сила.

— Любопытно. Покажи. — Они разговаривали короткими отрывистыми фразами, тщательно подбирая слова. Незнакомец все время оглядывался, словно высматривал кого-то в толпе.

— Здесь не можно. Походи за мной. — И, резко повернувшись, существо быстро пошло прочь. Роман колебался, предложение показалось ему не таким уж безобидным. Зачем понадобилось выяснять, землянин он или нет? Откуда вообще торговец знает о землянах? Раздумывать было некогда, каждую секунду незнакомец мог затеряться в толпе, и заинтригованный Роман двинулся следом. Теперь они поменялись ролями. Незнакомец то и дело исчезал в толпе. Пользуясь своим малым ростом, он легко проныривал сквозь заторы, стремительно перебираясь из ряда в ряд.

Наконец торговая площадь кончилась, они шли через занятую временными постройками складскую и жилую часть ярмарки. Роман отставал шагов на десять, и ему никак не удавалось приблизиться. Теперь он пожалел, что послушался Кфилонга и не взял с собой даже ножа. Ситуация могла стать опасной, но отступить он не собирался.

Наконец его проводник остановился около небольшой куполообразной хижины, как циновка сплетенной из широкой, похожей на длинные ремни травы. Отдернув занавеску, незнакомец подождал Романа у входа. И, подчинившись его жесту, не успев даже осмотреться, Роман шагнул внутрь, решившись до конца разгадать эту загадку.

Сквозь неплотно сплетенные решетчатые стены пробивался свет. Окон не было, вообще ничего не было, если не считать какого-то подобия топчана. Хижина выглядела совершенно пустой. «Торги только начались, где же товары этого странного продавца?» — подумал Роман.

— У меня нет товаров. Я торгую мудростью прошлых веков, а она не занимает много места. — Теперь его речь звучала размеренно, певуче. Незнакомец больше не подбирал слов и хорошо слышал мысли Романа.

— А сила? — спросил Роман. — Мы, кажется, договаривались о силе.

— Будет тебе сила, не торопись...

Незнакомец извлек из складок плаща прозрачный флакон чуть больше ладони, сразу же засверкавший на солнце фейерверком разноцветных огней. «Скорее всего горный хрусталь, возможно, даже вырезанный из целого кристалла, — решил Роман. — Плохая работа...» Он залюбовался игрой красок в многочисленных узорах и гранях флакона.

— Ты можешь посмотреть. Взять в руки. Это не опасно, пока пробка закрыта. — Роман взял флакон. И едва не уронил его. Сосуд оказался довольно тяжелым и приятно тяготил руку. Внутри, под массивной пробкой, виднелась совсем неболь-

шая полость, заполненная изумрудно-зеленой жидкостью. Ее было там, наверно, с наперсток, не больше. Флакон удобно лежал в ладони, с ним не хотелось расставаться.

— Сколько это стоит? — машинально спросил Роман, понимая всю бессмысленность подобного вопроса. Взамен понравившегося товара покупатель на этих торгах всегда предлагал свой собственный. К своему величайшему изумлению, он услышал ответ:

— Один кристалл мерлита. Всего лишь один.

Откуда этот человек мог знать, что у него есть этот единственный кристалл? Откуда он вообще мог знать о мерлите?

— Кто ты? — охрипшим от волнения голосом спросил Роман.

— Если повернешь флакон другой стороной, увидишь древний знак моего народа.

Пробка флакона оказалась запечатанной, в специальном углублении, на залитом туда горном воске, Роман заметил оттиск. В полумраке трудно было разобрать в деталях, что там изображено, какие-то фантастические животные стояли на задних лапах, упершись передними в разделяющую их преграду.

— Я не знаю этого знака.

— Немудрено. Когда его отлили на свет, еще только родился твой далекий предок. Но уже тогда мы знали, что через несколько веков ты расплатишься за этот флакон кристаллом своего камня.

— Это невозможно.

— Возможно. Есть миры, в которых время течет в обратную сторону. Их прошлое — наше будущее, они его помнят. Когда-то очень давно мы общались с этими мирами, и потому предсказания моего народа всегда сбываются.

— Что же ждет меня в будущем?

— Этого я не могу сказать. Есть знание, способное разрушить будущее. Но флакон тебе пригодится.

— Что в нем, что там за жидкость?

— Эликсир абсолютной силы. Когда возникнут соответствующие обстоятельства, ты узнаешь, что с ним надо делать. Так берешь ты флакон или нет?

— Значит, я могу выбрать? Как же тогда твое предсказание?

— Почти всегда у будущего есть два пути. Предсказание все равно сбывается. Берешь ты флакон?

— Не слишком ли дорого ты просишь? — сам не зная отчего, Роман решил поторговаться.

— Ничто не стоит дороже необходимого. — В голосе незнакомца Роману послышалась усмешка. Не раздумывая более, он достал камень. В конце концов, он собирался выменять его на любую безделушку. Слишком неприятные воспоминания достались ему вместе с ним, и сейчас он словно подводил последнюю черту, навсегда прощаясь с Гридосом.

Даже не взглянув на кристалл мерлита, моментально исчезнувший в его цепкой маленькой ладони, таинственный продавец повернулся и, не попрощавшись, вышел.

Роман остался один посреди пустой хижины, сжимая в руках резной хрустальный сосуд.

Всю дорогу до города россос он не мог понять, не сделал

ли той же ошибки, которую, если верить рассказу Кфилонга, совершил в свое время Бакон, купивший на ярмарке миров всего лишь детскую игрушку...

Глава 5

Отряд всадников шел всю ночь. Роман на подаренном Кфилонгом коне в полном боевом снаряжении чувствовал себя актером какой-то красочной постановки. Его театральный наряд сильно смахивал на одежду воина, но это был всего лишь обрядовый костюм.

Третий час они взбирались на высокую гору по узкой тропе, где лошади шли в один ряд одна за другой. На вершине горы находилось святилище солнца, и лишь там, где лучи светила в первые мгновения рассвета касаются земли, мог быть совершен древний обряд бракосочетания полноправного члена племени россов.

В предрассветном тумане далеко на западе желтели огоньки деревянного города, а на севере виднелась темная громада лесов, распростершаяся на тысячи километров до самого северного моря.

Когда отряд, постепенно поднимаясь по тропе, серпангином взбирающейся к вершине, поворачивал к югу, взору открывалась величественная река, к берегам которой не смело приблизиться ни одно живое существо. Там начинались заповедные земли летунгов. Во мраке смутно угадывалась громада неприступной скалы, торчавшей посреди реки, на вершине которой располагился их мрачный город.

Впереди замелькали огни костров, горевших в святилище солнца. Элия жила там уже несколько дней и была главным действующим лицом какого-то сложного обряда, готовящего ее к предстоящей свадьбе.

Роман невольно подумал о том, как много их разделяет. Целая пропасть времени, культуры, истории. Сумеют ли они преодолеть ее в долгой совместной жизни? Племя россов не знало разводов...

Наконец, после очередного поворота, перед ними открылась площадка, где совершались все обряды племени, посвященные солнцу. Она оказалась гораздо просторней, чем ожидал Роман.

С запада ее ограничивала отвесная скальная стена, в которой виднелся вход в небольшую пещеру. Со всех остальных сторон между пропастью и краем площадки не было никакой преграды, лишь на востоке, там где должно было взойти солнце, возвышался каменный постамент.

Их уже ждали. На площади образовалась плотная возбужденная толпа россов, но шум сразу же стих, как только на середину площади вышел высокий седой старик с деревянной клюкой в руке. Судя по ниспадающему до самой земли белому хитону с вышитыми на нем знаками солнца, луны и звезд, это был жрец солнца.

— Где Каралуни, богиня света?! — громовым голосом спросил жрец, и никто ему не ответил, толпа затаила дыхание.

— Она идет. Она уже близко, — провозгласил жрец. — По-

тушите костры. — Костры сразу же залили водой, и на площадке наступила тьма. Виднелись лишь светлые пятна жреческого плаща да его седой борода.

— Пусть тот, кто ждет ее сегодня больше всех нас, подойдет ко мне! — сказал из темноты жрец. Кто-то легонько подтолкнул Романа, и он понял, что слова жреца обращены к нему.

Едва он очутился рядом со стариком, как жрец взял его за руку и медленно, торжественно повел к возвышению, уже освещенному первыми проблесками надвигающейся зари. Вместе они поднялись на постамент и с минуту стояли неподвижно, глядя на восток, туда, откуда из-за горизонта властно лился золотистый свет рассвета. За их спинами родилась странная величественная песня без слов. Хор пел гимн солнцу слаженно и торжественно. Роман чувствовал, как звуки песни зовут его за собой и уносят в сторону зари. Земля, заботы, опасения, мелочи жизни остались далеко внизу, а где-то рядом ощущалась та великая правда, которую каждый из нас ищет всю жизнь и находит так редко.

Жрец, возвращая его на землю, тронул за плечи и тихо сказал:

— Сегодня твоя Каралуни там. — Он повернул его лицом к скале, находившейся на противоположном конце площади, и затем медленно и величественно спустился вниз к толпе. Роман остался на возвышении один. Гимн все еще продолжался. И потому что песня не имела слов, а уста поющих оставались сомкнуты, казалось, пело само наполняющееся пурпуром зари пространство. Незаметно текли минуты, и вдруг вершина утеса, на которую смотрел Роман, ослепительно вспыхнула под первыми солнечными лучами. Гимн сразу же оборвался. Черта света и мрака стремительно опускалась вниз, к стоящим на площадке людям. Едва она достигла входа в пещеру, как в ее глубине у черной поверхности камня словно засветилось обнаженное тело прекрасной женщины. Она стояла, гордо выпрямившись, подставив солнцу свое лицо. На ней была накинута лишь прозрачная золотая сеть, тонкие нити которой символизировали солнечные лучи.

Сейчас эти золотые нити пылали в лучах солнца, и тело женщины казалось обнятым огнем. Бриллиантовые капли росы, сверкая всеми цветами радуги, медленно стекали сверху с прохладной поверхности камня и касались живого человеческого тела.

Только один Роман мог видеть с возвышения, на котором стоял, внутреннюю часть пещеры. Люди на площади все вскинули руки навстречу солнцу, приветствуя его новое рождение. Их лица были обращены к Роману, к встающему за его спиной светилу.

«Приди, приди, приди, Дажьбог!» — пели люди. Но на их призыв неожиданно метнулись темные тени, словно остатки тьмы, только что отброшенной солнцем. Они летели снизу, от границ пропасти, и одновременно сверху из-за скалы, в которой зияло отверстие пещеры. Прежде чем Роман успел понять, что происходит, зазвенели тетивы луков, протяжно запели стрелы, и несколько комков тьмы рухнуло вниз в пропасть. Но нападавших было слишком много, а стражей, не потерявших бдительность в эти торжественные минуты, слишком мало...

В несколько прыжков Роман преодолел расстояние, отделявшее его от пещеры, но было уже поздно. В двух шагах от него две черные тени, распростершие перепончатые крылья, рвались вверх, а между ними билось светлое, беспомощное тело женщины... У него не было никакого оружия, кроме ритуального щита с изображением солнца.

И все же он бы, возможно, еще успел остановить их, задержав, но третья тень, отрезав ему путь, упала сверху.

Летунг, загоразивая дорогу, взмахнул коротким кривым мечом. Роман принял удар щитом и, нырнув под него, вложил в выброшенную вперед руку всю силу, приобретенную во время долгих тренировок, всю свою ярость и все отчаянье. Противник, не выдержав удара, повалился назад. Сверху на помощь поверженному врагу бросился еще один, Роман успел схватить конец темного крыла, вывернул его, ломая, и в то же мгновение сзади на его незащищенную голову обрушился удар, и он упал, теряя сознание.

Солнце стояло высоко, когда Роман очнулся. На площадке никого не было, у его изголовья сидел лишь старый жрец, прикладывая к ране на голове листья какого-то растения.

— Где она? — спросил Роман, открыв глаза.

Жрец беспомощно пожал плечами, и этот его жест сказал больше любых слов.

Роман попытался приподняться, но резкая боль в затылке сковала движения.

— Где воины?

— Они осаждают скалу летунгов. Многие погибнут. С ними пошли кафры и сирины. Мир не простит летунгам такого кощунства.

— Мир прощает все. Ему нет до нас никакого дела. — Жрец молчал. Роман видел в его глазах печаль и сострадание, и это привело его в ярость. — Если бы не ваши дурацкие обряды, если бы вы не лазали ночью по скалам, она была бы сейчас с нами! Где оно, ваше солнце? Почему оно не испекло тех, кто посягнул на его святилище?

— Солнце рождается в каждом из нас и в каждом из нас умирает. Те, кто нарушает основные законы жизни, рано или поздно расплачиваются за это.

— Скажите это летунгам!

Жрец опять промолчал, и отчаяние Романа постепенно перешло в тупое безразличие. Он медленно поднялся, не обращая внимание на боль, побрел к краю площадки.

— Можно хоть что-то сделать? Кому-нибудь удавалось добраться до них?

Жрец снова ничего не ответил.

— Я уйду от вас. Уйду навсегда. — Роман повернулся и медленно пошел к тому месту, где тропа начинала долгий спуск.

— Я хочу спросить того, кто все это предвидел, есть ли хоть какая-то справедливость в этом мире, и в чем состоит ее вина?

Жрец смотрел ему вслед долго, пока Роман не исчез за поворотом тропы, и лишь тогда его старые губы, сложившись в горькую складку, прошептали:

— Ты получишь ответ, сын мой, обязательно получишь...

До леса Роман добрался глубокой ночью. Ни одно живое существо не попало ему по дороге. Может быть, потому, что он был бы рад встрече с любым врагом или хищником, чтобы закончить свой горестный путь.

Он боялся не найти нужной тропинки, которую видел один только раз, но тропа нашлась сразу, и едва взошла третья луна, как из зарослей выглянула крона огромного дерева.

Он был у цели. В этот раз священный дуб показался ему еще больше. Хотя дерево не было дубом, россы упорно называли его именно так.

Из-под корней, изнутри пещеры, вытекали три ручья, незамеченные им в прошлый раз. Не было на этот раз запаха огромных цветов, не было таинственных видений и не было с ним Элии... Вообще ничего не было, кроме сырого мрака и одиночества. Он сел на корень, прислонился к стволу и стал ждать, сам не зная чего. Ночь тихо шла мимо него. Под утро, устав от бессмысленного ожидания, он поднялся и проклял дерево за его предсказание, и лишь тогда вспомнил о хрустальном флаконе, купленном на ярмарке миров. Достав флакон, Роман подумал, что он содержит как раз то, что ему нужно. Он кое-что знал о метаболизме и об инопланетной органике. Эликсир силы? Это можно проверить. Терять ему нечего, и претензий к продавцу скорей всего никто уже не предъявит. Роман, не торопясь, сломал печать и разорвал шелковую нить, соединяющую пробку с флаконом. Присохшая к горлышку пробка далеко не сразу уступила его усилиям. Наконец она хрустнула и открылась. Резкий, ни на что не похожий запах заставил его поморщиться, он поднял флакон к глазам и посмотрел на свет луны зеленоватую жидкость. На какой организм рассчитана доза? Хватит ли здесь для него? Впрочем, это он сейчас узнает...

— Понимаешь ли, что собираешься сделать? — спросил его голос, идущий от дерева. Роман повернулся. Седой как лунь, согбенный старец выбрался из пещеры под корнями дерева на свет луны. Но его голос оставался глубоким и чистым, как у юноши, и такими же молодыми были прозрачные синие глаза.

— Ваше предсказание сбылось. Ее больше нет со мной.

— Я знаю.

— Вы довольны?

— То, что ты держишь в руках, — не эликсир силы и не яд, как ты надеешься. Злая судьба ждет того, кто выпьет это страшное зелье.

— Злей той, что выпала ей? Это я ранил предводителя летунгов! Отчего же пострадала она? Почему всегда страдают невинные и добрые? Почему они в первую очередь? Молчишь? Или ты умеешь только предсказывать несчастья?

— Ты ожесточился, сын мой, а между тем у тебя в руках сила, способная изменить судьбу.

— Вот этот пузырек? — усмехнувшись, он поднес его к губам.

— Если ты его сейчас выпьешь, он убьет тебя. Я знаю, ты этого хочешь, но тогда уже никто не сможет помочь твоей Каларуни.

— Ты хочешь сказать, я смогу это сделать?

— Сможешь, если я научу тебя. — Роман отстранил пузырек и повернулся к старцу, несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Почему же ты медлишь?

— Закрой зелье пробкой. Оно будет нужно тебе. И не спеши. Такое дело не терпит торопливости. Сыны твоего племени слишком спешат и оттого часто выбирают неверную дорогу.

— Можешь ты мне помочь?! — почти прокричал Роман, теряя остатки терпения.

— Я могу помочь тебе, но не знаю, согласишься ли ты? Придется заплатить слишком высокую цену.

— Это я уже понял. В этом мире любые услуги стоят недешево.

— Я имел в виду другое. Судьбу можно изменить, все зависит от цены, которую ты согласен заплатить.

— Я не понимаю тебя. Без нее мне ничего не нужно.

— Тогда слушай. Слушай внимательно и не перебивай. Для того чтобы зелье подействовало, ты должен сначала подготовить себя. Семь дней ты будешь жить здесь в пещере. Есть нельзя ничего. Пить можно только воду из этих источников. По глотку из каждого, один раз в день. Через семь дней можешь проглотить свой эликсир. Сразу весь. Потом ты уснешь, а проснувшись, перестанешь быть человеком. Это и есть цена, о которой я говорил. Не повторяй лживые слова деймов, они сконструировали только твое тело. Душу человека сконструировать невозможно. Именно поэтому их власть над тобой продолжалась так недолго. То, о чем я тебя предупреждаю, гораздо страшнее... Ты можешь превратиться в животное не только внешне, и вот тогда... А впрочем, все будет зависеть от тебя самого. От того, добрый ты или злой, от того, для чего хотел ты в своих тайных мыслях использовать силу эликсира... — много причин, много условий — результат не может предсказать никто.

Одно могу обещать: если сумеешь справиться с черными силами, заложенными в каждом из вас, то сможешь победить легунов и вернуть свободу своей девушке. Оставайся здесь и подумай. Подумай хорошенько, у тебя будет целых семь дней для того, чтобы переменить решение. Если ты выпьешь эликсир, Элия никогда не узнает ни тебя, ни того, что ты для нее сделал. Весь свой привычный мир, все, что ты знал, все, что помнил, все, что связывало тебя с этим миром, — все это ты потеряешь. А взамен приобретешь силу и возможность помочь своей Каларуни. Теперь прощай.

Никого уже не было в том месте, где только что сидел старец. Легкое облачко пара. Но его уносил набегавший ветер.

Глава 6

Под корнями дерева, в глубине тесноватой пещерки, лежал пласт сухой травы. Здесь оказалось тепло, тихо. Здесь Роману снились странные сны. Есть хотелось лишь днем, а ночью в своих снах он был сыт. И старался заснуть поскорее, чтобы быстрее прошли семь дней невыносимого ожидания. Нужно было выйти из пещеры, умыться, пройтись до озера и обратно. На третий день чувство голода совершенно исчезло,

появились необычная легкость во всем теле и ясность мысли. Вода в ключах, вытекавших с противоположной от пещеры стороны дерева, почти ледяная, казалась ему самым вкусным напитком в мире. Он смаковал свои глотки так, словно совершал некое священнодействие. Возможно, так оно и было. Покончив с этим, шел к озеру. Озера — глаза земли. В них иногда отражается будущее... Правда, здесь это бывало лишь ночью. Ночами Роман спал. Он спал и большую часть дня. Им овладела необычайная сонливость, а мир за пределами пещеры сплосковывался этому. Он притих, затаился. Не было слышно ни ветра, ни шагов зверей, ни голосов птиц, природа словно ждала чего-то... Подойдя к озеру, он всегда ощущал токи энергии, идущие от воды к дереву. Он купался в их невидимых лучах, они пропитывали каждую клеточку его существа с необычной силой.

Чтобы не думать об Элии, чтобы поскорей прошло время и подошел срок, он старался заснуть пораньше. Когда настала последняя, шестая, ночь ему приснился вещий сон. В обычных снах человек никогда не осознает, что он спит. Но в этом сне у Романа появилась удивительная ясность памяти, позволявшая ему связывать многие события из своей жизни и, основываясь на этом, в какой-то мере управлять самим сном — правда, это он понял не сразу...

Впереди простиралась степь, и лишь у самого горизонта смутно угадывалось некое странное сооружение, похожее на пирамиду, сложенную из разноцветных шаров. На самой вершине поблескивал в лучах солнца небольшой мегаллический шар, взглянув на него, Роман ощутил знакомую боль в голове и одновременно гнев. Руки его лихорадочно шарили по поясу в поисках оружия и нащупали то, что ему было нужно, — рукоятку меча. Он обнажил меч и услышал странное шипение... Лезвие не было сделано из обычной стали. Вместо него сверкал зеленый кристалл, испускавший испепеляющий свет. Там, куда падали лучи этого света, камни начинали разрушаться, превращаясь в пыль. Роман, осознав страшную силу своего оружия, спрятал его в ножны и подошел к пирамиде. Она стала как будто меньше.

Из верхнего металлического шара доносился шелест и шорох, похожий на шум насекомых. Роман оттолкнулся от земли носком ботинка и легко взмыл вверх, тело оказалось таким легким, каким он пожелал его увидеть. Тяготение более не властвовало над ним, он лишь слегка касался время от времени поверхности шаров, и этих легких толчков оказывалось достаточно, чтобы через несколько секунд оказаться рядом со стальным шаром. Он снова ощутил укус боли в своей голове — словно напоминание прозвучало: «Я здесь, я жду, я тот самый, что мучил тебя столько лет...» Из глубин шара донеслись до него теперь уже легко различимые голоса:

— Он совершенно выходит из-под контроля!

Кто-то другой, судя по голосу, хриловатый и маленький, испуганно спросил:

— Это опасно?

— Не понимаю, в чем дело... — мрачно ответил первый голос.

— Раньше никогда такого не было. Я совсем не могу к нему пробиться. Какая-то непреодолимая защита. Ни одно живое су-

щество в известных нам мирах не способно создать такую защиту.

— Что же тогда? Что же там такое?

— Похоже, его прикрывают силы древней планеты.

— Она всегда подчинялась нам!

— Она не подчинялась. Ты не понимаешь. Эту планету невозможно подчинить даже нам. Какое-то время мы сотрудничали, но теперь что-то изменилось. В этом главная опасность.

— Что же нам делать?

— Вся надежда на летунгов, землянина необходимо уничтожить до того, как он поймет, что находится в узловой точке времени и от его действий зависит путь, по которому пойдет в будущее развитие его цивилизации. Сейчас с ним еще можно справиться. Чем позже, тем трудней это будет сделать. Свяжись с ним, пробуй снова и снова, я помогу тебе, если...

Голоса стихли, остался лишь шелест, и Роману послышались внутри шара шепот, стон, свист перепончатых крыльев. Он схватил меч и трижды стукнул его рукояткой в ответившую звонким гулом металлическую поверхность шара. Память подсказала, как он должен поступить: не наносить первого удара из-за угла, а вызвать на бой своего врага так, как это делали древние витязи его страны.

И шар ответил не только звоном. Его поверхность дрогнула, раздалась в стороны, и в образовавшемся отверстии показалось существо из подземелий Гридоса. Перепончатые крылья облегли его мрачную темную фигуру наподобие плаща. Их края, увешанные драгоценными камнями, поблескивали в лучах красного угла, а вызвать на бой своего врага так, как это делали древние витязи его страны.

— Кто дал тебе власть проникнуть сюда? Как мог ты осмелиться, козявка?! — От голоса мрачного великана основание пирамиды зашаталось, шары заходили ходуном, и, прежде чем Роман успел ответить, из-под складок плаща сверкнуло ослепительным алым светом лезвие меча. Не успев еще понять, что происходит, совершенно инстинктивно прикрываясь от удара, Роман выбросил вперед сжимавшую рукоятку меча правую руку, и два луча, зеленый и красный, скрестились в воздухе.

Что-то произошло от их соединения. Что-то такое, что потрясло мир, в котором он находился. Мир размазывался, искажался, свертывался, как свиток пергамента или кусок огромного пепла. Вращаясь, Роман падал в пустоту сквозь вой и грохот. Был ли то взрыв? Он не знал, он уже ничего не видел, кроме тьмы, он уже просыпался.

В пещере под корнями священного дуба по-прежнему было тепло и тихо. Но что-то все-таки изменилось. Роман не сразу понял, что именно. Тишина стала другой. Исчезла сонная неподвижность воздуха. Вдруг он вспомнил: сегодня начинается седьмой день. Сегодня вечером он сможет выпить эликсир.

Роман выбрался из пещеры, проверил свои зарубки на скале. Все правильно. Их оказалось ровно шесть. Он старательно выцарапал седьмую и впервые за все это время позволил себе подумать об Элии. Если бы он сделал это раньше, у него не хватило бы мужества на бездейтельное ожидание.

Шесть дней прошло с тех пор, как ее похитили. Она еще жива. Наверняка жива. Она будет жить ровно месяц, если жрец

не ошибся, если не произойдет чего-нибудь непредвиденного. В ушах стоял ее последний крик: «Ро-о-ман!» В минуту страшной опасности она именно его позвала на помощь. А он не сумел ей помочь. Хотя сделал все, что мог, все, что было в человеческих силах. Теперь он старается сделать то, что превышает эти силы... Лишь бы не опоздать, лишь бы она смогла дождаться...

Что-то наверняка изменилось в окружающей природе после его последнего сна. Вернулся свист ветра. В листве деревьев завопили живые существа. Долгий семидневный сон леса кончился, как кончился и его вещий сон. Совершив утренний ритуал омовения, напившись из ключей, он вновь вернулся в пещеру, сам не зная зачем. День еще только начинался и обещал быть бесконечно долгим. Если бы Роман смог заснуть, но сон бежал от его прояснившихся глаз. Все стало другим. Появились острые запахи древесины, плесени, каких-то трав и грибов — он не замечал их раньше. Подстилка казалась теперь жесткой и неудобной, что-то все время кололо спину. Повернувшись на бок, он пошарил рукой в пласте сухой травы и нащупал острый и тяжелый предмет. Выбравшись с ним наружу к свету, он с удивлением увидел узорчатую, резную рукоятку и не сразу сообразил, что держит в руках рукоятку меча. Меча, у которого было выжжено лезвие... Бронзовая рукоятка в том месте, где оно когда-то начиналось, оплавилась.

Он помнил каждую мелочь из своего сна и теперь начинал догадываться почему. Какая-то часть сна могла оказаться такой же реальной, как окружающая его действительность.

Миры смещаются во времени и пространстве. Их великое множество вокруг и, если смотреть уголками глаз, миры начинают течь, превращаться в дымку воспоминаний, во что-то эфемерное — возможно, он побывал в одном из таких эфемерных миров — он не мог объяснить происходящие с ним странные вещи.

Но рукоятка меча холодила его ладонь. В ее узорах бежали какие-то неведомые, ни на что не похожие животные, возможно, это были львы того — другого мира.

Вдруг он понял, что знает этих животных, видел их однажды... Он достал флакон с эликсиром и сравнил их с теми, что были изображены на печати... Последние сомнения исчезли. На рукоятке меча звери изображались в движении, потому он и не узнал их сразу. Это открытие укрепило его в принятом решении.

Роман с трудом дождался вечера.

Как только над горизонтом появилась первая луна, Роман направился к озеру, сжимая в руках флакон с эликсиром.

Он выполнил все условия и тем не менее понимал, что превращение может не удалиться, что эликсир, рассчитанный на иных существ, может вообще не подействовать на человека или скорее всего подействует как отравы.

Сомнения овладели Романом с новой силой. И хотя за эти семь дней ожиданий и снов ничего, в сущности, не изменилось, он по-прежнему не боялся смерти, но знал, что если сейчас погибнет, то никто уже не сможет помочь Элии. Лишь вещий сон, лишь одинаковые изображения на рукоятке меча и печати

флакона помогли ему сделать последний шаг. Озеро молчало, как молчало все эти дни. В отражениях, которые он часами рассматривал, свесившись с крутого берега, ничего нельзя было угадать заранее. Там то возникали старинные замки и виднелись стены неведомых городов, то какие-то непонятные существа занимались своими непонятными делами — озеро было глазом в иные миры. Иногда изображения сминались, уходили в темную глубину, и им на смену всплывали новые картины. Иногда озеро показывало только искаженную картину собственного берега. Так было и на этот раз. Роман видел высокую корягу, которой на самом деле на берегу не было. И не видел камня, у которого стоял. Не было и его собственного отражения.

Дождавшись выхода второй луны, он решил, что можно начинать. Время подошло. Семь полных суток остались позади. На этот раз пробка флакона открылась легко, и резкий нездешний запах поплыл над водой озера. Запах был так силен и резок, что Роману понадобилось несколько минут, чтобы к нему привыкнуть. Наконец он поднес флакон к губам, только тогда, на том месте, где он сам должен был стоять, в отражении появился лик старца.

— Я все помню, — сказал ему Роман. — Я помню все условия и последствия. — Но старец молчал, как молчали все отражения этого озера, и лишь внимательно смотрел в глаза Роману, словно сомневаясь, хватит ли у него мужества сделать последний шаг в мрачную бездну, без возврата. Роман усмехнулся и одним глотком выпил эликсир.

Жидкое пламя пробежало по всем его членам. Он пошатнулся, выронил флакон, и тот без всплеска, с коротким бульканьем ушел на дно.

Роман осел на землю, погружаясь в мертвый сон без сновидений, в котором была только боль и мука неизвестности.

Поверхность озера замутилась, и глухо заревел ветер в вершинах деревьев. Это был последний звук, который он слышал.

Глава 7

Элия очнулась в огромном сводчатом зале. Она лежала, плотно завернутая в серый плащ, на высоком ложе с балдахинами.

Гнев и боль вернулись вместе с сознанием, она еще ощущала когтистые лапы, грубо впившиеся в ее плечи, глубокие синие отметины оставались в этих местах до сих пор.

Спрыгнув со своего ложа и волоча по полу огромный, нелепый плащ, она бросилась к окну, отдернула толстую, пыльную штору и выглянула наружу. Перед ней простирался невиданный каменный град.

Крыши строений напоминали резное кружево и заканчивались у монолитной стены, такой же серой, как стены домов и пролеты города.

Большого не требовалось, чтобы понять — она находилась в граде летунгов, в граде, из которого не было выхода живым.

Она знала о том, что ее ждет здесь, и готова была бороться до самого конца, до последнего момента, когда ее бездыханное, мертвое тело полетит вниз с огромной высоты и разобьется о камни.

Но даже эта картина, ярко вспыхнувшая в ее сознании, не смогла сломить волю к сопротивлению и пригасить безудержный гнев за нанесенное ей оскорбление. Элия была дочерью гордого народа. Похищение в день праздника солнца не может быть прощено или забыто. Все ее родичи, как один человек, будут мстить, пока не погибнут или не уничтожат летунгов. Все они наверняка здесь, внизу, под стенами этого города. Она не знала, какой высоты стены и что собой представляет скала, на вершине которой расположился город, зато знала наверняка, тот, кого она любит, не остановится. Он скорее погибнет в неравной схватке с летунгами, а значит, она должна поступить так же — отомстить или погибнуть, иного пути у нее не было.

Она оглядела зал в поисках оружия или хотя бы более подходящей одежды, под плащом, кроме золотой сети, на ней ничего не было.

Зал выглядел огромным и пустым. Старые облезлые гобелены местами поседели от плесени, огромные окна, закрытые плотными шторами, почти не пропускали свет, и потому здесь царил полумрак.

Зал производил впечатление заброшенности, запустения и несметного богатства его хозяев. Пол, вымощенный полированной перламутровой плиткой, все еще отсвечивал всеми цветами радуги, с трудом пробивавшимися из-под слоя грязи. Покрытая пылью паутина свешивалась с гобеленов, расшитых жемчугом и золотыми нитями. Лепные каменные украшения стен и потолка говорили об утраченном искусстве каких-то древних художников.

Вряд ли всю эту красоту могли создать похитившие ее дикари, здесь что-то не так. Она продолжала искать необходимые ей предметы, но чья-то рука предусмотрительно сняла со стен зала когда-то развешенное здесь оружие. Элия заметила несколько выцветших отметин на гобеленах, оставшихся на месте висевших здесь мечей и кинжалов. Вряд ли они помогли бы ей... Какое другое оружие может она противопоставить грубому насилию? Нужно найти способ хотя бы выиграть время... Сейчас это главное для тех, кто штурмует стены... Она услышала чьи-то шаги, гулко отдающиеся под высокими сводами зала, и, стремительно вернувшись к ложу, приняла прежнюю позу — ее враги не должны знать, что силы вернулись к ней. Она заранее сжалась от отвращения, ожидая вновь увидеть перед собой лицо Каро, но вошла женщина... Не в силах сдержать изумления, Элия приподнялась на локте.

— Ты росска? Здесь? Почему я тебя не знаю?

— Я не росска. Я из племени нувов. Мне поручили объяснить тебе кое-что. Внизу мало знают о племени летунгов. Пугают ими детей, рассказывают всякие ужасы.

— Не говори мне о летунгах! Летунги должны погибнуть! — Элия не смогла сдержаться и сразу же пожалела о своем порыве. Опасно в ее положении высказывать вслух все, что она думает. Нувка усмехнулась.

— Может быть, они и погибнут. Их осталось не так уж много и с каждым годом становится все меньше. Остатки древней могущественной расы, они знали немало тайн и владели несметными богатствами, кое-что у них еще осталось, ты в этом скоро убедишься.

— Зачем мне их богатства?

— Не спеши отвергать их даров и не показывай так открыто своих чувств, иначе тебе не прожить здесь и месяца. Я покажу тебе комнаты. Вообще-то в этом дворце никто не живет, так что можешь считать его своим.

— Спасибо за подарок!

— Побереги черную иронию для летунгов и не теряй времени. Ты должна одеться, привести себя в порядок. Каро ждет нас.

— Для него я не стану одеваться! — слишком поспешно заявила Элия.

— Тогда пойдем так. Думаю, ему это понравится, особенно если ты оставишь здесь этот мужской плащ.

Элия вспыхнула.

— Говори, где одежда!

— Она наверху, в твоих комнатах.

Странный город ждал их снаружи. Он состоял из нескольких ярусов. Дворец, из которого они вышли, находился в самой верхней части города. На улицах не встречались ни прохожие, ни экипажи. Лишь над их головами время от времени проносились черные тени летунгов. Но их казалось слишком мало для такого огромного города.

— В нижней части уже никто не живет. Старые здания постепенно разваливаются, только наружную стену время от времени ремонтируют.

Элия молчала, стараясь опрометчивым замечанием не прервать рассказ своей спутницы. Она дала себе слово впредь быть осторожней, накапливать сведения и искать выход. Искать возможность спастись или хотя бы выиграть время. С тоской она окинула взглядом массивные каменные стены, словно высеченные из единого камня. Ни трещин, ни проемов. Их высота не меньше четырех человеческих ростов. Осаждающим нелегко будет проваться...

Словно угадав ее мысли, нувка сказала:

— Там, внизу, за стенами пропасть. Без крыльев сюда не добраться. Не жди помощи оттуда, надейся только на себя. — Элия с удивлением посмотрела на свою спутницу, она все никак не могла понять, кто перед ней — друг или враг?

— Ты сама здесь давно ли?

— Давно.

— Зачем я понадобилась Каро? — не удержалась Элия от вопроса, в который уж раз выдававшего ее волнение и страх. Нувка искоса посмотрела на нее и недобро усмехнулась.

— Он тебе скажет. И соглашайся, соглашайся со всем, что он предложит. Он полон ярости на твое племя. Много летунгов погибло во время последнего налета. Они слишком дорожат своими драгоценными жизнями. Некоторые из них помнят времена, когда здесь царствовали архи, и звездными дорогами могли пользоваться все племена.

— Но это же было несколько тысяч кругов назад!

— Да. Для нас они бессмертны. Понимаешь теперь, что значит, с их точки зрения, смерть одного летунга? Детей-то у них не бывает...

— Зачем тогда им нужны женщины?

— Вовсе не затем, о чем ты думаешь. Только то, что тебе предложат, не лучше. Каро все объяснит. Мы уже пришли. Это его дворец.

Здание ничем не отличалось от остальных. Разве что лестницы выглядели почище.

Они прошли два пустых зала. Ни слуг, ни стражи. Только оружие на стенах да пышные ковры на полу отличали этот дворец от того, в котором находилась Элия.

— У них нет слуг. А стража им не нужна. Отсюда некуда бежать, врагу сюда не пробраться. Все они живут одиноко. Каждый в своем замке, и сами заботятся о себе. — Нувка в который уж раз ответила на ее мысли, словно умела их читать.

Они прошли последний коридор, высокая створчатая дверь распахнулась, и в глубине зала на высоком кресле Элия увидела наконец своего врага, существо из мрачных предсказаний, разрушившее все надежды на счастье в самый радостный день ее жизни...

Каро сидел, угрюмо насупившись и завернувшись в свои огромные крылья, заменявшие в обыденной жизни летунгам почти всю одежду. Кроме этих крыльев и набедренных повязок, они вообще ничего не носили, если не считать перевязи с оружием на поясе.

Когда предводитель летунгов повернулся, Элия заметила у него на груди необычное украшение, какой-то талисман или медальон на тяжелой золотой цепи. Цепь сразу же бросилась в глаза, но было видно, что к самой вещице, прикрепленной к ней, она не имела никакого отношения.

Странные животные сцепились в яростной схватке на поверхности медальона, а внизу, у их лап, сверкала зеленая звезда и лучи от нее, разбегаясь по всей поверхности медальона, каким-то непостижимым образом продолжали свой путь за его пределами, придавая окружающим предметам и самому лицу летунга странный зеленоватый оттенок.

Лишь подойдя ближе, она поняла, что перед ней лицо глубоко-го старца. Седая белая шерсть на щеках и висках придавали ему выражение какого-то странного благообразия, а глубокий шрам, перечеркнувший правое крыло и изуродовавший плечо, напомнил ей о той первой схватке, когда Роман воспользовался оружием, принесенным из другого мира.

Глаза летунга были полуприкрыты. Казалось, он дремал, а когда веки наконец поднялись, Элия прочла в его серых, отрешенных глазах лишь бесконечную усталость и скуку.

— Сядь, женщина, — проговорил летунг грубым, хрипловатым голосом, привыкшим отдавать команды. Нувка пододвинула небольшой стул, и Элия опустилась на него. Молчание затягивалось, оно длилось минуту, другую. Казалось, летунг заснул. Но вот наконец он вновь открыл глаза и заговорил, глядя куда-то в сторону.

— Я становлюсь слишком стар, моему народу нужен новый молодой вождь. Тебе придется вырастить его под своим сердцем. Будь проклят мир, заставивший нас просить об этом женщин ничтожного племени россов! — неожиданно воскликнул летунг, и глаза его гневно сверкнули. Видно, под внешностью

благообразного старца не угас еще огонь злобы и презрения к иным существам.

Элия сдержалась и промолчала, решив выслушать его до конца. Летунг, возможно устыженный ее сдержанностью, продолжил уже спокойно:

— Я не требую от тебя слишком многого. Только старания и подчинения тем немногим правилам, о которых тебе расскажут. К счастью, мне не понадобится для этого близость с тобой. Не понимаю, как существа твоего племени выносят эту отвратительную процедуру. Зародыш будущей жизни, моего сына, просто вложат в твое лоно, и ты должна будешь согреть его своей любовью и заботой. Это не так уж много, небольшая цена за тех, кто погиб, не правда ли?! — вновь прокричал Каро, вскакивая со своего кресла и становясь перед ней во весь свой огромный рост,

— Разве люди моего племени ворвались в твой город и убили твоих соотечественников? Разве это они подкрались, как ночные воры, в день моей свадьбы с человеком, которого я люблю, и для детей которого я готовилась стать матерью? О какой же цене ты говоришь, предводитель ночных бандитов?

— Смелые речи — глупые речи, — проговорил летунг, неожиданно остывая и теряя к разговору всякий интерес. — К сожалению, я не могу тебя принудить. В твоей власти уничтожить единственный зародыш будущей жизни, который дается каждому из нас при рождении. Конечно, тебя потом убьют, но мне от этого не станет легче. Поэтому необходимо твое согласие. Я могу заплатить за услугу хорошую цену. Мое племя богато. Затем, когда мой сын родится, тебя вернут обратно в город россос. Ты можешь определить свой выбор сама. Но женщины твоего племени глупы и нелогичны. Если ты мне откажешь, стены города к твоим услугам. Ты также можешь оставаться здесь навсегда, как это сделала нувка. Нам нужны слуги и рабы. Но уже никогда ты не вернешься к своим, и еще одно в этом случае я тебе обещаю. Один небольшой подарок, голову твоего бесценного супруга. А теперь иди и подумай хорошенько. Через пять дней мы встретимся в последний раз, если ты не изменишь решения.

И вновь шли они вдвоем по пустынным улицам города. Элию была мелкая дрожь, и она зябко куталась в плащ, все ее силы ушли на этот разговор, и она мечтала лишь об одном — поскорей остаться одной. Отдохнуть, хоть немного прийти в себя. Нувка искоса поглядывала на нее и, очевидно, хорошо понимала ее состояние.

Лишь в замке, после того как нувка, укутав Элию теплым одеялом, принесла ей ужин и собралась уходить, Элия заметила одну поразившую ее странность — правая рука этой женщины была точной копией левой... Палец был обращен вниз, словно кто-то вывернул ей кисть левой руки, но и в этом случае большой палец не мог оказаться сверху... Никогда раньше Элия не приходилось сталкиваться с подобным уродством. Она хорошо знала племя нувов, все люди там были с нормальными руками... Не в силах преодолеть любопытство, она спросила:

— Что это? Что случилось с твоей рукой?

— Это долгая история...

— Мне теперь некуда спешить... Расскажи, — попросила Элия.

— Ну что же... Слушай, если тебе интересно. Меня похитили восемь лет назад. Летунги выбирают свои жертвы сразу после свадьбы... Им кажется, что так у них больше шансов приобрести над нами дополнительную власть, навязать свою волю. Они не глупы, но плохо понимают психологию людей. За долгие годы, проведенные здесь, я хорошо усвоила одну истину — летунги всегда выполняют свои обещания, если только у них есть хоть какая-то возможность это сделать. Но тогда, восемь лет назад, я этого не знала и отказалась от предложения их бывшего сотника Крава — выносить его ребенка. Теперь Крава уже нет в живых, он погиб в одной из схваток с россами. Однако после того, как меня сделали прислугой или рабой — называй как хочешь, — он уже не имел надо мной особой власти. Каждый из них мог мне отдать любое приказание, и я обязана была выполнять... Но это уже потом, когда я поняла, что у меня недостаточно мужества выбрать стену...

— Какую стену?

— Ту самую, которую предлагал тебе Каро. Стену этого города. Здесь нигде нет охраны, ты можешь ходить по всему городу, где тебе заблагорассудится. Ты можешь завтра же забраться на стену и посмотреть, как это будет легко...

— Что легко? — все еще не понимала Элия.

— Падать вниз до самого дна этой страшной пропасти, предать, как твое тело, раздираемое камнями, превратится в кровавое крошево. Кости многих белеют теперь у подножия скалы, но у меня не хватило мужества, и я стала рабой.

Нувка надолго замолчала. Молчала и Элия, не решаясь мешать ее воспоминаниям и понимая уже, что не ей быть судьей этой женщине. Каждый сам выбирает свой путь... Выберет и она...

— Три дня спустя, после того как я отказалась от предложения Крава, он принес мне голову мужа... В тот день я сидела на стене до самого вечера и ничего не могла с собой поделать. По нашей вере, человек, убивший себя сам, попадает после смерти в плохое место. Туда, где не растет трава. Страх перед самоубийством сидит во мне с раннего детства. Возможно, я предвидела еще ребенком, что когда-нибудь мне придется решать, как поступить... Потом потянулись долгие годы унижений и жалкой рабской жизни впроголодь. Когда каждый кусок хлеба тебе бросают как собаке и обращаются с тобой как с презренным существом самого низшего сорта... Да ладно, не об этом я собиралась тебе рассказать. Когда Крав был еще жив, в те первые дни, отпущенные мне на раздумье, он старался делать все, чтобы убедить меня согласиться. Для них возможность иметь наследника — это вопрос жизни и смерти. Они считают, что их драгоценная бессмертная душа переселяется в тело собственного младенца. Может, так оно и есть, я не знаю. За все восемь лет, что я здесь, не нашлась ни одной — слышишь, ни одной! — нашей женщины, которая бы согласилась! — Глаза нувки гордо сверкнули. — Почти все они мертвы. Только я да еще трое влачим здесь жалкое существование. Так вот, этот Крав, чтобы доказать, как могущественно его племя и как много я потеряю,

отказавшись стать матерью одного из них, рассказал мне странную историю.

Он говорил, что их племя тысячи лет назад было связано с архами тесной дружбой. Архи якобы построили для них этот неприступный город на скале и передали часть своих древних тайн. Вообще-то я не знаю ни одного случая, чтобы летунги лгали, так что скорей всего все это чистая правда. Тем более мне пришлось вскоре убедиться в истине его слов.

— Кто они такие на самом деле? Я столько слышала про архов разных историй...

— Они владели нашей планетой и многими другими. Говорят, это было справедливое и мудрое племя, никогда не навязывавшее свою волю другим народам. При них Ангра процветала. Сюда стекались народы разных миров. Каждый имел право пользоваться дорогами, которые построили архи между звездами... Крав рассказывал мне, что далеко на севере в долине Серых скал есть заповедное место, откуда они управляли путями, соединявшими миры. Сейчас оно закрыто. Ни одно живое существо не может туда проникнуть. Нужен особый ключ... Потом началась война между архами и деймами. Архи проиграли войну, а может, просто устали от долгих сражений и ушли куда-то в иные миры. Здесь всем завладели деймы. И хотя их племя не может жить в наших мирах, они ухитряются управлять нами.

Звездные дороги закрылись для всех, только деймы научились пользоваться ими, не знаю, как им это удалось, но место, откуда архи управляли путями миров, существует и поныне.

Дороги закрылись неожиданно, сразу после ухода архов, и летунги остались на неприступной скале, отрезанными от своего родного мира. С ними не было ни одной их женщины, и через какое-то время они начали похищать чужих... Ничего хорошего из этого не вышло. Тогда они попробовали проникнуть в заповедное место, чтобы восстановить дорогу в родной мир. Не знаю, что там произошло, но ничего у них не получилось. С тех пор никто не пытался проникнуть в долину Серых скал, это слишком опасно. Но ключ существует и поныне. Ты видела его — это тот талисман на шее у их нынешнего предводителя Каро. Его передают теперь как знак власти. В колдовской силе талисмана мне пришлось однажды убедиться...

Я часто убирала в доме Каро, там не было от меня секретов. Они вообще никогда не запирают своих домов и ничего не прячут. Каро предупредил меня, чтобы я никогда не прикасалась к этой вещи. Наверно, любопытство заложено в нас от рождения. Улучив момент, я хотела взять талисман, только чтобы рассмотреть его получше... — Нувка протянула ей руку. — Даже боли не было. Кисть просто стала другой. Когда Каро заметил, он сказал, что в следующий раз меня всю вывернет наизнанку. Больше мне нечего рассказывать.

Теперь спи. Тебе надо хорошо отдохнуть. Желаю тебе вещих снов и счастья, хотя это пожелание здесь звучит глупо. Завтра утром я приду снова, принесу воду и пищу.

Она ушла. Элия осталась одна. На город летунгов напоздали сумерки, такие же серые и непроглядные, как и то, что творилось у нее на душе. Она уже знала, какое решение примет завтра...

Глава 8

В мертвом сне, сковавшем душу Романа, появился какой-то просвет. Сознание вернулось к нему еще не полностью, и он холодно и отстраненно наблюдал себя как бы со стороны. Он лежал внутри пещеры. Сквозь неплотно закрытые веки Роман видел ее свод, сплетенный из корней, почти рядом со своим лицом. Он не помнил, как добрался сюда от берега озера.

Раньше свод был значительно выше.

Из омертвевшего тела поступали странные, едва различимые сигналы. Значит, оно жило. Эликсир не убил его. Во всяком случае, не убил до конца. Пора набраться мужества и принять свою новую судьбу. Но нет. Не сразу. Пусть пройдут минуты, часы, дни... Он еще слишком слаб, его новое тело не вынесет слишком резких перегрузок, слишком очевидных переходов от сна к яви...

Сильно чешется шестая лопатка на спине, но шевельнуться он боится, чтобы не вернуть неосторожным движением медленно уходящую вместе с туманом небытия боль.

Отчего так близок стал потолок пещеры? Может, он втиснулся в чье-то чужое логово? Или мир вокруг него уменьшился в несколько раз? Или он сам увеличился настолько, что... Не надо додумывать эту мысль. Не надо. Спокойно расслабиться, вот так, полностью закрыть глаза. Просыпаться не обязательно. Он может лежать здесь сколько угодно, снаружи его никто не ждет. И сразу же, как протест против этого утверждения, на него волной хлынуло былое отчаяние, притупленное недавней болью.

«Хватит, — сказал он себе, — хватит обманывать себя, этим все равно ничего не изменишь». Он поднес к лицу правую руку. Она с трудом втиснулась между потолком пещеры и его лицом. Это была не рука. Это была лапа с пятью полуметровыми изогнутыми и острыми как лезвия ятаганов когтями, покрытая отвратительной желтоватой чешуей.

Тогда он тихо заплакал без слез и медленно выполз из пещеры. Все еще светила третья луна, только теперь он не знал, какой ночи она принадлежит. Медленно, прихрамывая на все шесть лап, он пополз к озеру, волоча за собой обрывки корней, приросшие к телу. Он старался смотреть только вперед, чтобы не видеть частей своего нового тела, но все равно чувствовал, как за ним волочится тонкий, голый хвост, извивавшийся по поверхности земли как тело змеи.

Через его истонченную кожу он ощущал малейшую неровность почвы, запахи травы и камней. Возможно, теперь нос у него находится в хвосте.

Он перестал удивляться чему бы то ни было, в конце концов есть предел, который способна выдержать его психика.

Он его перешел. Ради чего? Этого вспоминать не нужно. Если не вспоминать, то, напившись воды, можно будет опять вернуться в пещеру, чтобы спать, чтобы не помнить, чтобы забыть... «Зачем же тогда начинал?» — спросил его голос укрытого за толстыми складками кожи сознания. «Я не знал, что это будет так страшно», — ответил он голосу. И голос замолк, отсут-

пился на время, оставив его один на один с новой жестокой судьбой.

Вода в озере, как всегда, выглядела совершенно прозрачной и, как всегда, отражала какой-то другой, не существующий на самом деле берег. Он молил, чтобы она оставалась такой, пока он не напьется. И озеро вняло его мольбам. В нем не отразилось ничего, когда его морда с трехметровой высоты обрывая слепо ткнулась в поверхность воды. Роман лакал жадно, захлебываясь и повизгивая от наслаждения. Ему хотелось выпить все озеро. Напившись, он ощупал голову передней парой своих шести лап, голова показалась ему почти нормальной. «У меня должно остаться хотя бы лицо», — сказал он кому-то незримо присутствующему рядом с каждым из нас, оценивающему наши возможности и предел, на который мы способны.

Очевидно, этот невидимый судья так не считал, потому что носа Роман не обнаружил вообще, а узкая трубчатая пасть с мелкими треугольными зубьями, похожими на полотно пилы, вряд ли принадлежала человеческому лицу...

Отвалившись от воды, он ощутил чудовищный голод. Роман уже осознал, что стал чудовищем, и понял теперь, каким бывает голод чудовищ. Он представил себе горы мяса, груды трепетной добычи, пробиравшейся сквозь лес, и его чуть не вырвало от отвращения.

Тогда он подумал о соках, струящихся в жилах растений, и это было уже гораздо лучше.

Он нащупал кончиком хвоста великолепно пахнущие, сочные стебли каких-то растений и набросился на них с неописуемой жадностью.

Роман пасся на лугу весь остаток ночи, стараясь думать лишь о том, какое неизведанное ранее наслаждение может доставлять чудовищу его пища. Он обнаружил, что его трубчатая пасть великолепно приспособлена для перемалывания растительных стеблей, в глубине гортани и на языке оказались нужные для перетирания травы костяные наросты. Его организм устроен не так неразумно, как показалось вначале. К утру, когда чувство голода значительно поутихло, ему стало легче мириться со своей новой судьбой.

Наевшись, он завалился спать прямо на лугу, возле озера, немало не забывая об окружающих опасностях. Его бронированная шкура должна была служить неплохой защитой, к тому же он чувствовал в своих мышцах силу, способную сокрушить любого врага. Его желания и ощущения чрезвычайно упростились, а человеческих воспоминаний он тщательно избегал, поскольку они мешали пищеварению. Сон также упростился, стал теплым, бездумным и приятным. Растений на лугу было много, о чем еще беспокоиться? Остальное его не касалось.

Чудовище обязано вести простую инстинктивную жизнь. Этим он, по крайней мере, отомстит тем, кто проделал с ним такую мерзкую штуку. Впрочем, неизвестно еще, так ли уж плохо с ним поступили. Человеку гораздо трудней добывать себе пищу. Одежда и прочие блага цивилизации, по-видимому, не имеют теперь к нему ни малейшего отношения.

Перед тем, как заснуть, он восхитился глубиной собственных мыслей.

Перед закатом, когда жара спала, Роман проснулся и отправился на водопой.

У дерева он нашел ключ, вода оказалась горькой, как слезы, и все же, не в силах преодолеть лень, он напился из него. Ничего больше не болело, ничего его не тревожило. Вот только вода напоминала о чем-то неприятном.

Что-то в нем тем временем зрело. Что-то происходило в глубинах его огромного существа. Кровь чуть быстрее струилась по жилам, чуть осмысленней и трагичней стал взгляд огромных воловьих глаз, так хорошо приспособленных для того, чтобы отыскивать ночью кустики вкусной травы и видеть то, что творится за лугом, в соседнем лесу... «Если ты перестал быть человеком — это еще не значит, что мир изменился. Могла измениться лишь твоя точка зрения на него», — сказал в глубине Романа знакомый голос. В первый момент мысль показалась ему красивой, но слишком сложной для восприятия, и тогда он спросил у голоса, позволяя вовлечь себя в беседу, последствия которой было трудно предвидеть.

«Ну и что ты хочешь этим сказать?»

«Только то, что если ты стал равнодушной, тупой и неторопливой скотиной, это вовсе не означает, что она перестала надеяться. Перестала ждать от тебя помощи!»

«Меня для нее больше нет, понимаете, нет!»

«А кроме себя самого, ты уже ничего больше не можешь воспринимать?»

«Оставь меня в покое. Помолчи», — попросил Роман устало.

«Хорошо. Я помолчу, — согласился голос. — Жри свою траву».

Это Романа задело, он надеялся, что его долго будут убеждать, и он сможет блеснуть недавно приобретенным остроумием. Обиженный, он улегся среди мокрой травы, но сон впервые не коснулся его глаз. Сознание оставалось кристально ясным, и где-то вне его, над всем этим полем, над старым деревом, над озером, над всем миром, родился необычный, едва слышный для него звук — словно огромные часы тикали, отсчитывая секунды, те самые, что никогда потом не возвращаются обратно.

Роман тяжело вздохнул, встал и прошелся по лугу без всякой цели. Остановился под деревом. У его корней поблескивал знакомый предмет. Рукоятка меча без лезвия. Он попытался поднять ее. Лапа загребла целый ворох земли и травы, словно ковш экскаватора. Тогда он тщательно просеял землю между когтей, и рукоятка, отделенная от мусора, осталась лежать в его негибкой лапе, снабженной круглыми кожными наростами. Внутри такого «блюда», в центре его лапы и лежала теперь рукоятка. Она показалась ему совсем крошечной, обломком детского меча. Но что-то, поразившее его в самое сердце, заставило повернуть рукоятку к солнцу и отодвинуть от морды на такое расстояние, чтобы оба его новых зорких глаза смогли рассмотреть на ней каждую трещинку, каждую деталь рисунка... Невиданные бронзовые животные переплелись в едином порыве схватки, наверно, это были львы чужого мира... У них было по шести могучих когтистых лап, шишковатая голова с вытянутой мордой, покры-

тая мелкой чешуей кожа, а длинные, гибкие хвосты сжимали рукоятки мечей...

— Львы не жрут траву, — растерянно пробормотал Роман, не веря уже ни одному слову своего нового утробного голоса.

— Велика должна быть слава тех, чьи изображения вырезают на рукоятках оружия.

Словно какая-то глухая преграда лопнула в голове Романа, и в нее вползли вздохи и шорохи леса, шепот воды в озере, отчаянный крик жертвы, настаигаемой в лесу неизвестным хищником, удары оружия и свист стрел, вот уже вторую неделю бьющихся в неравном бою россос, истекающих кровью у подножия скалы летунгов, предпочитающих умереть, чтобы кровью смыть нанесенное их племени оскорбление.

Конечно, он может продолжать жевать траву, но оскорбление нанесено не только племени россос. Оно нанесено тому, чье изображение рисуют на рукоятках оружия...

Он не знал, откуда вползают в него эти слова и мысли, разжигающие его ярость и забытую боль. Он лишь открыл глаза и слушал, и узнавал, как много несправедливости в мире, где он бездумно жевал свою жвачку и где часы отсчитывали секунды, быть может, последние секунды надежды для той, что ждала от него помощи так долго...

Их стрелки подошли к заповедной черте, но удар еще не прогремел, только все вокруг напряглось в его ожидании, Роман почувствовал, как все его шесть лап наливаются силой. Они были созданы не для того, чтобы ползать по лугу, они предназначались для стремительного бега сквозь заросли, для лазания по скалам, для того, чтобы враги хрипели в их стальных, беспощадных объятиях.

И тогда он понесся вперед. Понесся, как направленная к цели торпеда, все сокрушая на своем пути. Земля вздрагивала от его прыжков, и на ее поверхности оставались глубокие рваные царапины, а Роман все наращивал скорость, не зная еще предельных возможностей своего нового тела. Стена леса постепенно превратилась в серую ленту, ветер засвистел в ушах льва нездешнего, чужого мира...

Пробивая головой сплошные, непроходимые заросли, переламывая, как спички, деревья, Роман несся вперед. Но даже теперь, в этом стремительном беге, он не мог оставить процесс, набравший разгон в его сознании. Процесс понимания. Процесс поиска истины. Ибо слишком уж простая картина складывалась из внешних факторов — картина, которая не могла объяснить всего.

Элию похитили, но эликсир он купил еще раньше, именно он и никто другой... И вот теперь он превращен в зверя, обладающего чудовищной силой. Для чего и кем? Сам по себе эликсир мог разве что отравить его. Но вмешались какие-то могущественные силы. Что они от него хотели? Что им было нужно? Освобождение Элии? Наверняка существовали для этого более простые способы. Вряд ли вообще их может интересовать подобная мелочь. Значит, за его превращением скрыт иной, непонятный пока смысл.

Кто они, эти силы? Старец у дерева? Само дерево? Веще озеро? Скала солнца? Или все это разом? Вся планета целиком

со всеми ее озерами, реками, деревьями, духами гор... Тогда цель должна быть такой же огромной, как и усилия, затраченные на ее достижения.

И Элия, и сам он, со своим новым телом, всего лишь эпизод в борьбе неведомых титанических сил. Игрушка в их руках. А его страдания? Его сомнения? Его разум и воля? Учили ли они их или тоже сбросили со счетов, как не имеющие значения мелочи?

Что если он решит не подчиниться? Но как можно не подчиниться, если нет никакого приказа? Если их цели совпадают с его желаниями? Чего же они хотят? Уничтожения летунгов? Он тут же отбросил это предположение. У тех, кто сделал его зверем, наверняка существовали для этого более простые и действенные способы. Отравленные плоды, неведомая болезнь, землетрясение, наконец. Но если даже уничтожение целого народа для них мелочь, не стоящая серьезных усилий, — цель, для которой он предназначен, может стать для него непостижимой.

Возможно, он лишь крохотное звено в огромной цепи причин и следствий, протянутой сквозь века. Тогда тем более невозможно понять смысл тому, кто видит лишь маленькую частицу истины. И все же он пытался...

С его сознанием что-то сделали, что-то такое, чего он не может понять до сих пор. Часть его личности как бы изъяли из обращения, а взамен вложили нечто другое. Маленький механический человек, составленный из двух особей. Особи идеально подходили друг другу в этой сложной конструкции. Иначе они просто не смогли бы взаимодействовать... Где можно взять такую особь? Такого двойника или близнеца? Этого он не знал. Его превратили в другого человека, Романа Гравова, восставшего против воли тех, кто его создавал. Окончательный вызов им он бросил в подземелье. Сейчас во всей этой фантазмагории лишь память об Элии представлялась ему чем-то реальным и надежным, прочным островом в туманном океане, затопившем его сознание, из которого проглядывали лишь химеры и ужасы, сбывшиеся мечты и бесцельное бегство от себя самого, от своей раздвоенности, которая казалась ему неполноценностью, а была на самом деле искусственно созданным уродством.

Им пытались управлять с помощью подселенного в сознание двойника как простой механической куклой. Но у них не вышло. Может быть, виноват двойник, не пожелавший выполнить свою роль, а возможно, сознание донора оказалось не совсем таким, как они ожидали... Как бы там ни было, он стал этим несущимся сквозь заросли зверем, однако в этом виноваты уже совсем другие силы...

Его словно заклинило между двух титанических стихий, его швыряли из одной зоны поля в другую в непонятной для него игре.

И, пожалуй, единственное, что он может сделать в своем положении, пока не поймет смысла хотя бы ближайшего хода — это извлечь выгоду из тех сил и возможностей, которые ему подчинили в ходе игры.

Нет, не для себя... О себе он сейчас не думал. Он вспоминал ее улыбку потерянной девочки там, у подземного озера, беспомощный, но полный сочувствия взгляд. Он появился в ее судьбе как игрушечный заяц, надетый на чью-то веду-

щую его к неизвестной цели руку.. Заяц влюбился — какая глупость!

У механической игрушки, составленной из двух сущностей и превращенной в зверя, не может быть никаких чувств! Но они были...

Глава 9

По шершавым холодным от утреннего ветра ступеням Элия поднялась на городскую стену. Никто ей не препятствовал, и теперь она стояла лицом к пропасти на широком, не меньше метра, верхнем ребре стены.

Далеко внизу, куда едва достигал ее взгляд, река плавно изгибалась в предутреннем тумане, скрытая щетиной лесов.

Она подумала, что позже, когда ее не станет, река все так же будет равнодушно биться о берега.

Если пристально всмотреться, даже с такой высоты можно рассмотреть под скалой нагромождение обломков, остатки оружия и трупы людей, которые так и не смогли унести ее соотечественники.

Осада окончена, россы отброшены, разбиты... Она не знала, жив ли еще Роман. Она этого так и не узнает.

Ее никто не торопил, никто не вынуждал к исполнению решения. Она сама выбрала это утро и теперь хотела дожидаться восхода, чтобы в последний раз увидеть свет солнца. Человек, не увидевший его в последний день своей жизни, опускается в серый мир теней.

Солнце, словно понимая, что в это утро не следует торопиться, спряталось за грядой темных облаков. Время шло. На стене становилось холодно, усиливался предрассветный ветер. Оглянувшись, Элия видела позади себя ненавистный город летунгов. Время от времени силуэт человека-птицы появлялся над его крышами, но никто не обратил на нее внимания. «Каждый здесь полностью предоставлен своей судьбе», — подумала она словами нувки. Никто не сложит для нее погребального костра, ее кости смешаются с костями воинов, погибших под скалой. По крайней мере, в смерти она не останется одинока. Возможно, там уже лежит тело Романа, и тогда они все-таки будут вместе. Хорошо, если это так. Говорят, последнее желание всегда сбывается. Пусть это ее желание сбудется...

Солнце, проломив наконец хребет туч, вышло из-за красного горизонта. Элия почувствовала на лице прикосновение его лучей, сделала свой предпоследний шаг к краю стены.

Теперь между ней и пропастью не было даже узкой полоски камня. Она старалась не думать о предстоящем долгом падении. Хотя знала, что мужество ей не изменит в последний момент. Ей хотелось запомнить этот мир тихим и неподвижным, каким он был в эту минуту. Лишь у далекого изгиба реки кто-то скакал на белой лошади. Этот всадник нарушал общую картину покоя. Обычно лишь вестники скачут на белых конях, какую весть он несет и кому?

Всадник между тем миновал последний перевал, отделявший его от поворота перед скалой летунгов. Его движение завоора-

живало, приковывало внимание, мешало подготовиться к последнему шагу, и Элия решила подождать, пока он, закончив свой путь вдоль реки, скроется из глаз.

Но как только всадник показался из-за поворота, она поняла, что это левран. Животное, которого на самом деле не существует. Лишь в древних сказаниях его мифический силуэт иногда вырезали на рукоятках мечей тех, кто заслужил своей безудержной храбростью эту великую честь...

Но вот теперь живой левран мчался по берегу реки. Он повернул к ней. Пораженная Элия не могла понять, что происходит, неужели его прислали из далекого края, в котором живет солнце? Неужели левран пришел специально, чтобы забрать ее душу?

Левран между тем, не задерживаясь на берегу, повернул к скале летунгов. Казалось, он не плыл по поверхности воды, а несясь по ней гигантскими скачками, столь стремительным и бурным было его продвижение к цели. Едва выбравшись на узкую полоску берега перед скалой, он бросился вперед, словно не заметив препятствия. Секунду назад он перемещался вдоль поверхности земли, а теперь с такой же скоростью поднимался по отвесной скале... Элия не понимала, как у него это получилось, но он несясь к ней навстречу по отвесной скале, он приближался... Человек в безвыходной ситуации, готовясь к самому последнему шагу, всегда надеется на чудо, и если его надежда сильна, чудо иногда приходит...

Левран спешил, и клочья речной пены, слетая с влажной шкуры, оставляли на поверхности камня темные, четкие следы.

Стражи на стене наконец заметили его, и предупредительный крик тревоги понесся над городом. Дежурные летунги взмыли в воздух и бросились навстречу леврану.

Первый удар Роман почувствовал, когда был уже на середине скалы. «Теперь они не успеют», — подумал он.

Внизу, у подножия, он не потерял ни секунды, хотя до сих пор не понимал, почему, не задумываясь, бросился на отвесную стену.

Его тело само знало, что и как нужно делать. Круглые подушки на лапах оказались мощными присосками, а когти входили в твердый камень, как в масло, словно были сделаны из алмаза.

Роман поднимался по стене без всяких усилий, словно шел по ровной поверхности. Даже скорость почти не замедлилась, и потому его противники опоздали.

Два летунга кружились недалеко от его головы, не представляя, какая опасность им угрожает.

Укрепив в скале заднюю пару лап и освободив две пары передних, он неожиданным рывком выбросил вперед все четыре свободные лапы. Оба летунга, разодранные в клочья ударами кинжалов его когтей, беспомощно рухнули в пропасть.

Путь наверх был свободен. Где-то в стороне запоздало трубили тревогу. Они уже упустили возможность остановить его на отвесной плоскости.

Еще рывок, еще — край стены уже близок. Что-то его притягивало, звало к себе. Какое-то белое пятно на краю стены. Рассмотреть, что там было, — не оставалось времени.

Когда дежурная стража наконец опомнилась, Роман был уже у подножия городской стены. Сверху на его бронированную шкуру обрушился град стрел и камней. Они отскакивали, не причиняя ни малейшего вреда. Под кожей переливалась могучая мускулатура, и, напрягая мышцы спины, он легко выдерживал удары самых крупных камней, однако движение сильно замедлилось. Пора было что-то предпринять, пока враги не опомнились и не поднесли настоящее оружие.

Размахнувшись, изо всех сил Роман ударил лапой в основание городской стены. Стена дрогнула, в месте удара образовалась глубокая вмятина, во все стороны от которой побежали змеистые трещины.

Тогда он дважды повторил удар, и стена не выдержала. В нижней ее части образовался пролом, целый пролет накренился и рухнул в пропасть, обдав Романа градом камней и увлекая за собой летунгов, стоявших между ее зубцов. Большинство из них взмыли в воздух и, как стая испуганных ворон, закружились над образовавшимся проломом.

Последним броском Роман преодолел отделявшие его от края пролома метры и стоял теперь внутри города. Летунги упустили свой единственный шанс — сбить его со скалы во время подъема.

Разгоряченный схваткой, он не думал о белом пятне на стене, но все время помнил о нем и наносил свои удары так, чтобы не повредить участок стены, где виднелся силуэт женщины... Теперь женщина оказалась у него за спиной. Парализованные стремительностью атаки, летунги пока не представляли опасности, и наконец он смог обернуться... Он увидел ее огромные серые глаза совсем близко, так, как видел каждую травинку в соседнем лесу за рекой... В них был восторг, радость, надежда, непонимание — все, что угодно, в них было, кроме страха перед его чудовищной внешностью.

— Ты пришел за мной? — спросила девушка.

— Как ты догадалась?

— Левраны приходят из страны солнца за теми, чей срок подошел... Но разве я достойна такой чести?

Значит, он ошибся. Ничего она не поняла, спутала его с каким-то легендарным животным и потому не испугалась. Так даже лучше. Сейчас некогда объясняться...

— Я пришел за тобой. Жди меня в этой башне, запри дверь изнутри и никого не пускай. Я найду тебя здесь и сам открою засов. Еще нужно разобраться с этими... — Он понимал — отступление сейчас невозможно. Летунги уже опомнились, их первые вооруженные отряды выстраивались в воздухе для атаки. Даже если его не собьют во время спуска, Элия наверняка не уцелеет.

Поэтому он не спешил. Едва за ней закрылась дверь наблюдательной башни, едва скрипнул засов, как на Романа обрушился новый град ударов. Теперь это были не только стрелы. Тяжелые лезвия секир, не пробивая шкуру, все же причиняли сильную боль. А если они догадаются, где его уязвимое место, и начнут бить по глазам... Издав короткое яростное рычание, он прыгнул, они не могли предвидеть длины его прыжка. Его тело про-

неслось в воздухе сквозь строй атакующих, и их тела как перья одной огромной птицы, кружась, стали падать на землю.

Однего урока оказалось достаточно. Теперь они держались на значительной высоте. Это его вполне устраивало, он вовсе не искал ненужного кровопролития. В несколько прыжков он достиг центральной площади.

Летунги всей стаей следовали за ним, осыпая сверху стрелами, не причинявшими никакого вреда. Настала пора расплаты: посреди площади он начал свой танец смерти — тот самый гипнотический танец, которым лишали воли свою добычу анаконды на далекой отсюда Земле..

Его шкура полыхала всеми цветами радуги. Узоры бежали по ней равномерными волнами, лишая врагов воли и желания бороться. Их движения замедлились, круги становились все ниже, все беспомощней хлопали крылья, и вот уже первый летунг приземлился у края площади, за ним еще и еще.

— Садитесь! — прорычал он громовым голосом. — Все садитесь на площадь. — И они посыпались сверху, как клочья тьмы, гроздьями усыпая карнизы соседних крыш, дрожа от ужаса и не решаясь приблизиться.

— Ближе! — крикнул Роман, и они шагнули все разом, как шагали когда-то бандарлоги по приказу великого Као.

— Еще ближе!

Наконец на площади образовался их молчаливый, плотный круг, в центре которого он стоял. На земле они были совершенно беспомощны и, склонив головы, покорно ждали решения своей судьбы.

Все время он чувствовал какую-то двойственность, какую-то незавершенность, словно его ждало здесь еще одно не менее важное дело, не связанное с освобождением Элии. Теперь это чувство усилилось.

— Пусть вперед выйдет Каро! — Предводитель летунгов с волочащимися по земле крыльями и жалко опущенной головой уже не вызывал в нем прежнего гнева. Какое-то другое чувство, гораздо более сильное и важное, руководило сейчас его поступками и словами. — Подойди ближе! — Каро молча повиновался. Вот он стоял перед ним, ничтожная летающая козявка, причинившая ему столько горя. Луч света и тепла тянулся от маленькой золотой искорки, блеснувшей в густой шерсти на шее Каро. Здесь находилось что-то очень нужное ему. Нечто такое, что было не менее важно, чем освобождение Элии и восстановление попанной справедливости.

— Сними талисман архов! — приказал его голос, словно Роман давно знал, что именно нужно потребовать. Каро безропотно повиновался, будто ждал именно этого приказа. — Ты и твоё племя нарушили законы мира. Вы разучились уважать жизнь и права других существ. Вам было мало безграничной власти над этой планетой, и ваша безудержная жадность все погубила. Отныне вы лишаетесь поддержки архов и их покровительства. Положи талисман на землю!

Каро выполнил и это. Роман переключил свой правый глаз на тот внутренний взгляд, который позволял ему рассмотреть при желании любую букашку в лесу. На золотой поверхности

диска изогнулось изображение леврана. Так вот в чем дело! Он поднял талисман концом хвоста и долго раздумывал, что с ним делать дальше. В конце концов место для талисмана нашлось между кожаными складками его необъятного живота. Летунги все так же неподвижно, с закрытыми глазами, ждали его дальнейших распоряжений. Гипнотический транс еще продолжался.

— Повторяйте за мной! — приказал он. — Жизнь каждого живого существа и его право на счастье священны! Никто не смеет безнаказанно забывать об этом.

— Об этом! — эхом отозвалась площадь.

— А теперь спите. Спите до самого утра, а затем хорошенько подумайте над тем, что произошло с вами.

— Куда ты несешь меня, левран? Я устала. Я хочу есть и пить. Это только ты можешь обходиться без пищи, переносясь из мира в мир, туда, куда нужно восстановить справедливость...

«Красиво, — подумал Роман, — И нечего возразить. Она все равно не поверит. Каждый верит только в то, во что ему хочется верить. А вот есть действительно хочется и пора уже сделать привал. Никто их теперь не догонит, до города россос остался один дневной переход».

Он выбрал поляну с озером — не с тем, священным, у дуба, с самым обыкновенным озером.

Пока Элия собирала плоды и орехи, он попробовал жевать свою траву. Вкус ее показался ему отвратителен, тогда он сорвал с ближайшего дерева пару небольших плодов, задумчиво разжевал их сочную мякоть и удовлетворенно кивнул своей большой головой.

Этого ничтожного количества пищи оказалось достаточно, чтобы утолить его чудовищный голод. «Я все время меняюсь», — думал Роман. Откуда-то посреди головы появился нелепый рог, наверно, он нужен для того, чтобы Элии удобнее было держаться, когда она сидела на его толстой шее.

Когти на лапах стали короче и теперь не мешали бегу.

К утру лес расступился, и вдали на холмах показался деревянный город россос. Приближалась пора расставания. Правда, знал об этом только он один. Так ничего и не сказал ей, не ответил ни слова на ее многочисленные вопросы, не выдал себя ничем.

Ни к чему ей знать его тайну, и цена, которую он заплатил за ее спасение, касается его одного.

— Скажи, левран, отчего ты молчишь? Отчего ты все время молчишь?! — не оставляла Элия своих попыток. — Открой мне мою судьбу! Ты ведь знаешь все и все можешь, так говорят легенды, это правда?

«Правда, правда. Но помолчи. Не пугай тишину последних минут. Слушай лучше, как бьется мое сердце, впрочем, разве ты услышишь его за толстыми складками кожи?» Не отвечая, он ей все-таки отвечал. Может, и она, не слыша, слышала хоть что-то? Вряд ли... Понимать несказанные речи могут лишь чудовища из древних легенд. Уши современных женщин заполнены иными звуками, и потому чаще всего они слышат лишь самих

себя. Город между тем приблизился, их заметили, и отряд всадников вылетел из распахнувшихся ворот с развернутыми боевыми вымпелами, на которых извивалось длинное тело чудовища из древних легенд, того, что несло им навстречу. Отряд смеялся, казалось, вот-вот они в панике бросятся обратно к воротам города. Но этого не произошло. Что-то их удержало. Быть может, гордость или фигурка женщины, восседавшая на шее могучего животного.

Левран тоже остановился. От всадников его отделяло теперь расстояние в несколько десятков метров, и он уже не думал о них. И в самом деле настала пора прощания...

Она легонько соскользнула с его плеч, так легко, что он не почувствовал разницы, ему все еще казалось, что этот легкий как пушинка и такой драгоценный груз тяготит его плечи... Но неслышные шаги гулко отдались в его сердце. Женщина уходила, уходила не оборачиваясь, не попрощавшись, словно невидимая нить протянулась между ней и всадниками и вела, вела ее прочь от него... Но так продолжалось недолго. Вдруг, опомнившись, Элия повернулась, бросилась назад и, поднявшись на цыпочки, подтянувшись к его толстой, неуклюжей морде, покрыла ее поцелуями и прошептала:

— Выполни мое последнее желание! Верни моего жениха. Его нет среди встречавших, значит, нет и в городе, найди его, где бы он ни был, и верни, ты меня слышишь, левран?!

Он ее слышал и не знал, что ему делать — смеяться или плакать.

— Я попробую. Я все-таки попробую, — мрачно пообещал Роман и, вырвавшись из ее объятий, понесся к лесу.

ЧАСТЬ IV

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИММЕТРИИ

Глава 1

На двадцатый день полета скорость угнанного Кленовым и Крестовым маленького разведчика приблизилась наконец к третьей девятке. Их никто не преследовал. Можно было начинать оверсайд.

В тесной кабине, привязанные к креслам, лишённые возможности двигаться, оба беглеца порядком устали и с нетерпением ждали перехода. Кжан снова и снова проверял на компьютере сделанные им предварительные курсовые расчеты. Во время оверсайда малейшая ошибка могла окончиться для них трагично. Топливные отсеки этого корабля вмещали плазменное горючее, достаточное только на один разгон. Если расчеты окажутся неточными и они выйдут за пределы зоны аварийных радиобуев Федерации, им уже никто не поможет. Такие случаи бывали, и именно поэтому был принят закон, запрещающий полеты в пространстве кораблей, не снабженных запасом аварийного топли-

ва, достаточным для повторного перехода. К сожалению, те, кто снаряжал этот корабль, не очень-то заботились о соблюдении правил навигации.

Кжан с сомнением оглядел курсовой автомат, постучал ногтем по магнитной карте с результатами своих расчетов и спросил:

— Ну что, будем вставлять?

— Ты сомневаешься в расчетах?

— Я сомневаюсь в этом корыте. Странно, что оно вообще летит.

— Во время оверсайда кораблем нельзя управлять вручную, так что все равно придется попробовать, и чем скорее, тем лучше.

— Тебе виднее, только запомни, я предупреждал.

Как только ожили экраны обзорных локаторов, оба с недоумением уставились на косматую голубую звезду, висящую перед ними в абсолютно черном пространстве.

— По-твоему, это солнце?

— Да, не похоже...

Впереди, насколько хватало локаторов, не было видно ни одного созвездия.

— Так где же мы?

— Откуда я знаю! Хотя подожди... Сзади нас какие-то звезды, если ты не будешь меня торопить...

— А я и не тороплю. Теперь нам абсолютно некуда спешить, Горючее кончается, и обитаемых миров, насколько я понимаю, не предвидится. Интересно было бы узнать, почему мы сюда попали?

Кжан между тем, стиснув зубы, вводил в навигационный компьютер данные обзорных локаторов. Компьютер недовольно проворчал и брезгливо выплюнул на экран цепочку цифр.

— Если верить этой железной лоханке, мы в районе альфы-286. Это светило Ангры...

— Ангра? Мы как будто собирались лететь в противоположную сторону. Ты, случайно, не знаешь, как мы здесь оказались?

— Сейчас я это выясню...

Кжан, ухватившись за рукоятки панели курсового компьютера, с такой силой рванул ее на себя, что пластмасса не выдержала. Панель хрустнула и разлетелась на несколько кусков. С минуту он молча разглядывал переплетения световодов и кристаллокондодов.

— Я, конечно, не кибернетик. Но, по-моему, эта штука жестко запрограммирована на один-единственный маршрут. Сюда вставлено что-то вроде автопилота, который принимает любые программы, но выполняет только свою собственную. Видишь вон тот намертво приваренный блок? Вот почему не открывалась крышка... Что будем делать?

— Садиться. Буев здесь нет. Спасателей не предвидится. На Ангре есть дикие поселения, планета рекомендована к заселению, а, кроме того, после Гридоса Руслан собирался лететь на Ангру, так что в известном смысле нам все-таки повезло. Могло быть гораздо хуже. Не знаю, хватит ли топлива для посад-

ки. По крайней мере координаты планеты ты можешь вычислить?

— Разве что вручную... Да зачем тебе координаты? Вот она, планета, в левом углу носового экрана.

— Какое слабое альbedo. Я ее даже не заметил... Похоже, в отличие от Гридоса облаков там немного. Придется подтягиваться на остатках скорости, а садиться на аварийном запасе на мягкую посадку не надейся, мне не хватит топлива на полное торможение.

— Не знаю, почему я вообще согласился на эту авантюру. Единственное утешение — здесь нет мерлитовых штолен.

— Думаю, здесь может оказаться кое-что похуже, не зря вставлен блок с жесткой программой. Видимо, гридяне не первый раз проделывают путь к Ангре.

Они тормозили всеми двигателями, однако Кленов, экономя последние крохи горючего, вынужден был то и дело отключать их, короткими и резкими толчками стараясь удержать корабль на грани, за которой начиналось разрушение обшивки от тепловых перегрузок.

— По-моему, мы слишком быстро снижаемся, — с сомнением проговорил Кжан, поглядывая на выотомер.

— Снижаемся? Да мы попросту падаем!

— Ну так сделай же что-нибудь!

— Я пытаюсь, но двигатели левого борта не работают. Антигравитаторы не работают, тормозные системы...

— Что-нибудь вообще у нас еще работает?

— По-моему, нет... — Кленов пытался шутить, все еще надеясь взять ухудшающуюся с каждой секундой ситуацию под контроль. Системы отказывали одна за другой. Корабль давным-давно отслужил свой век. Проход через версайд оказался ему явно не по силам, и вот теперь на высоте двух тысяч метров над поверхностью Ангры он начал разваливаться.

Не выдержали нагрузок, воющих на форсаже тормозных двигателей, кормовые швы. Листы жаропрочной броневой обшивки отвалились один за другим, наконец дал трещину и стирлинг центрального отсека.

Находиться дальше на борту становилось опасно. Реакторы каждую секунду могли пойти вразнос, и, чтобы не попасть в зону ядерного взрыва собственного корабля, Кленов заглушил их полностью. Теперь корабль превратился в свободно падающее тело. Безжалостная гравитация планеты, не встречая большого сопротивления, неумолимо тянула их вниз.

— Катапультируемся! — крикнул Кленов, разбивая предохранительную перемычку. Он рванул на себя рукоятку аварийного выброса пилотской кабины. Пиропатроны отстрелялись, и их сразу же швырнуло в сторону от корабля вместе с креслами и прикрывшим кабину прозрачным защитным коллаком. Парашюты благополучно раскрылись. Честно говоря, Кленов на это уже не рассчитывал.

Кабина, плавно раскачиваясь под тремя решетчатыми грузовыми куполами парашютов, медленно шла вниз.

— Зря я все-таки согласился... — задумчиво проговорил Кжан, разглядывая сквозь предрассветный сумрак быстро приближающиеся к кабине красноватые заросли. — В какую часть планеты мы попали, ты хоть знаешь?

— Видишь ли, я не штурман. На последнем экране, прежде чем он полетел, было что-то вроде экваториального пояса.

— Ты уверен, что нас здесь найдут?

— Это было бы нежелательно.

— Ты хочешь сказать, что до прилета Руслана мы будем скрываться в этом лесу?

— Вполне возможно. Здесь есть дикое поселение, но у нас нет транспорта. Не думаю, чтобы после такой посадки на корабле что-нибудь сохранилось от планетарного комплекса.

Внизу под ними полыхнуло красноватое пламя взрыва. Кабину тряхнуло.

— Кажется, корабль приземлился...

— Да уж, влипли.

— Скажи спасибо, что не ядерный взрыв. Реакторы намертво дезактивировались, может, что-то и останется.

Кабина ткнулась в ветви деревьев, раздался треск, и упругий толчок швырнул их на предохранительные ремни.

— Прибыли... — Кленов взялся за рукоятки устройств, отделавших защитный колпак кабины.

— Анализ делать не будем?

— Здесь живут люди. Это установлено точно. Значит, проживем и мы. — Запоры щелкнули, и пружина оторвала колпак от вакуум-прокладок. Внутрь сразу же ворвался густой, пропитанный аммиаком воздух чужой планеты.

— Ну и аромат...

— Да уж, не Рио-де-Жанейро...

— Надо посмотреть, сохранился ли в кабине аварийный запас, и пробираться к месту падения корабля. По моим наблюдениям, нас отнесло километров на семь-восемь в сторону, так что к вечеру, несмотря на густые заросли, мы должны дойти.

— Думаешь, там что-то уцелело?

— Наверняка, раз не взорвались реакторы. В корабле много довольно прочных предметов, без которых нам здесь не выжить. Сомневаюсь даже, протянем ли мы до следующего утра, если не найдем корабль, так что придется поторапливаться.

Часа через два заросли уплотнились настолько, что продираться сквозь них стало почти невозможно. Кленов собрался было изменить маршрут, чтобы обойти непроходимую чащу, как вдруг растения сами расступились перед ними, открыв взгляду зияющее черное пятно гари.

Оба остановились на краю пала, все еще не веря в то, что изнурительный путь окончен и они у цели.

Но в центре выгоревшего и уже не дымящегося пятна выжженного леса поблескивало искореженное тело корабля.

Автоматика продолжала действовать до самого последнего момента. Она успела даже выбросить посадочные амортизаторы, и, хотя удар оказался слишком силен, стальные ноги подломились, и корабль рухнул набок, тем не менее они сделали что могли.

Дверь в грузовой отсек заклинило, ни один механизм не работал. Быстро темнело, и оба, измученные переходом и отчаян-

ными попытками вломиться в грузовой отсек, без лишних слов решили отложить дальнейшие попытки пробиться к планетарному комплексу до утра. Следовало подумать о безопасном ночлеге.

Выгоревшее пятно отодвинуло стену леса метров на сто. Находясь в центре открытого пространства, они чувствовали себя в относительной безопасности. Не работал ни один фонарь, впрочем, местные луны, одна из которых, не дожидаясь захода солнца, уже появилась на горизонте, обещали достаточно светлую ночь.

Дежурить решили по очереди. Это упрощало оборудование спального места. В тесном пространстве бывшей рубки, заполненной развороченными внутренностями корабля, с трудом помещался один человек.

Бросили жребий, и первое, самое трудное, дежурство выпало Кленову. Хотя оба едва держались на ногах от усталости, они нашли силы соорудить из листов обшивки небольшое ограждение прямо на корпусе корабля. Кленов здесь устроился довольно удобно, положив рядом с собой полуразряженный лазерный пистолет, захваченный во время стычки с охраной рудника перед побегом. Теперь это было их единственное оружие.

Внизу, в темном провале, оставшемся от рубки, Крестов повозился недолго, покряхтел, и вскоре снизу донесся его могучий храп. Ночь постепенно, вкрадчиво вступала в свои права.

Закат на этой планете мягко и незаметно переходил в сумерки, и так же постепенно, без резкой границы наступала ночь. Скорей всего это впечатление создавали следующие друг за другом многочисленные луны планеты.

Запах гари от обугленных местных растений был резок и неприятен, но все же лучше, чем аммиачная вонь, преследовавшая их всю дорогу через живой лес.

Черное выжженное пятно в лунном свете выглядело еще темней, резче выступили тени обуглившихся стволов. На усыпанной пеплом и сажей земле можно было рассмотреть каждый камешек.

Чужой лес стоял рядом тихо и равнодушно. Растения сомкнули кольцо вокруг своих уничтоженных пожаром братьев, и теперь напряженно ждали чего-то.

Лес казался Кленову живым существом. Чуткие уши прислушивались в его темных ветвях к малейшему шороху, рожденному чужаками, притаившимися внутри кучи металлолома, некогда называвшейся кораблем.

Чьи-то зоркие взгляды, легко пронизывающие ночной полумрак, следили за каждым их движением.

Такое ожидание не могло продолжаться слишком долго. Рано или поздно должны были раздаться чьи-то шаги из глубины этого черного, враждебного людям массива. Кленов их услышал... Треск ветви, шум рухнувшего ствола, и снова шаги — тяжелые, чавкающие. словно там, невидимый за темной массой деревьев, пробивал себе путь носорог или слон.

Существо вышло на поляну и, не меняя направления, медленно и уверенно, как танк, идущий к выбранной цели, двинулось к кораблю. На таком расстоянии его еще нельзя было рассмотреть, но уже стало ясно, что оно огромно и обладает колоссальной силой.

Кленов подумал, что двух-трех выстрелов для этого монстра окажется недостаточно, и поэтому, стиснув рукоятку лазерного пистолета, похолодевшими от напряжения пальцами, решил использовать оружие лишь в самом крайнем случае, когда не останется другого выхода. Кленов видел согбенную спину чудовища, изуродованную горой напряженных мускулов. Видел поблескивающую в лунном свете белесую чешую, покрывавшую огромную обезьянью спину чудовища. Непропорционально большая голова, вся покрытая шишковатыми наростами, высоко сидела на короткой мощной шее. Передние конечности, приподнятые над землей могучими плечами, заканчивались гибкими висящими в воздухе лапами, на которых играли мускулы. Огромные, с тарелку, красноватые глаза сверкали на ужасной оскаленной морде. Пена ключьями падала с клыков на землю и растекалась на ней темными пятнами. Чудище шло медленно, но уверенно, словно заранее наметило себе какую-то определенную цель. Что ему было нужно? Неужели сквозь запах чужого металла оно смогло почуять добычу?

Может быть, разбудить Крестова? Но чем он ему поможет? В предстоящем поединке понадобятся крепкие нервы — у него не больше двух выстрелов, нужно все время помнить об этом. Бегством на открытом пространстве им не спастись. Значит, остается одно — ждать.

И он ждал. Существо приблизилось. Подойдя к кораблю, оно встало на задние лапы, и только теперь Кленов заметил, что передние не висят беспомощно и нелепо, как это бывает у всех животных, привыкших ходить на четырех лапах. Плечи чудовища заканчивались двумя могучими руками, снабженными кистями с гибкими пальцами.

Захватив одной рукой мешающий ему подойти ближе лист обшивки, чудовище без всякого видимого напряжения согнуло руку. Раздался скрежет раздираемого металла. Кленову пришлось напомнить себе, что в разорванном титаните, способном противостоять прямому удару артиллерийского снаряда, было не меньше трех дюймов толщины.

Морда чудища оказалась сейчас в тени, и Кленов видел теперь лишь обращенные к себе сверкающие отраженным красным светом неестественно огромные глаза.

— Чего ты ждешь? — услышал он над ухом охрипший от волнения голос Крестова.

— У нас всего два заряда. Мы только разъярим его.

— Сейчас оно перевернет корабль.

— Четыреста тонн? Это не так-то просто... — И тем не менее корпус завибрировал, словно обшивка была сделана из обыкновенной фанеры.

— Сможет оно подняться к нам?

— Откуда я знаю?

Сейчас большая часть туловища животного скрылась от них за корпусом корабля, и они видели под собой лишь широкую спину и плоскую макушку массивного черепа.

— Что оно там делает?

— Скорей всего пробует на зуб титанит, слышишь скрежет? — Снизу долетел звонкий металлический щелчок, еще один, еще... — Это что за новости? По-моему, оно...

— Подожди! — остановил его Кленов, он внимательно слушал. Щелчок — пауза, щелчок — долгая пауза, три щелчка подряд...

— Этого не может быть!

— Конечно, не может. И тем не менее оно спрашивает, есть ли на корабле живые люди... Это международный аварийный код...

— Ну так спрячь пистолет и ответь ему, — неожиданно спокойно предложил Кжан.

Глава 2

Костер горел вяло. Сильно дымили сырые обугленные ветви. Из леса тянуло запахом аммиака и гари. Вторая луна светила тускло, а третья еще не взошла. Это было самое неудачное время ночи, когда она полностью еще не вступила в свои права.

У костра на обломке дерева сидели два человека и нахохлившийся замерзший монстр.

Роман протянул к костру две из своих шести лап, и этот человеческий жест больше чем что-нибудь другое заставил Кленова подумать, что оболочка, в общем-то, не имеет решающего значения.

— Значит, вы утверждаете, что вы Роман Гравов. — Даже в этой нереальной обстановке он никак не мог избавиться от казенного стиля своих официальных фраз. В ответ Роман лишь печально кивнул. — Каким образом вы нас нашли, как вы узнали о нашем прилете?

— После превращения я многое слышу и вижу иначе. Слышу лес, например. Особенно когда он горит, вы не очень-то церемонились во время посадки.

Хотя губы монстра оставались неподвижны, Кленов все никак не мог привыкнуть к его телепатическому бесцветному голосу и пытался выделить в нем хоть какие-то интонации, сейчас ему показалось, что чудовище говорит с хрипотцой устало и равнодушно. Он не мог набраться духу даже про себя называть его человеческим именем.

Один Кжан в этой странной ситуации чувствовал себя естественно. Он вскрыл коробку с гуляшом из неприкосновенного запаса, нанизал его на прутики и пытался жарить шашлык. Как только мясо, с его точки зрения, достаточно обуглилось, он протянул прутик Роману, но тот отрицательно мотнул головой.

— Что-то у тебя с аппетитом, старик, не все в порядке. На Мортане мы жарили неплохие шашлыки.

— У меня изменился метаболизм.

— Мета что?

— Неважно. На Мортане у тебя не было даже синтетического мяса. И никакого шашлыка мы не жарили. Ты лучше скажи, как твоя астма? Аптечка мне потом очень пригодилась... — Кжан выронил прутик в костер и долго внимательно смотрел в большие печальные глаза чудовища, потом сказал, повернувшись к Кленову:

— Перестань ты его допрашивать. Похоже, все, что он нам рассказал, — самая настоящая правда.

— Возможно. Одного я не понимаю, зачем мы ему понадобились?

— А ты походи по лесу в его шкуре — узнаешь! — неожиданно зло сказал Кжан. Но Роман отрицательно покачал головой.

— Дело не в этом. Мне нужна ваша помощь.

В огромной лапе Романа блеснула маленькая золотая искорка.

— Это талисман архов. Ему больше тысячи лет. Внизу есть небольшая круглая крышка, скрывающая зеленый камень. Только осторожней. Его свет изменяет симметрию предметов на расстоянии в несколько десятков сантиметров.

Кленов осторожно взял талисман и теперь внимательно его разглядывал, проводя пальцем по изображениям левранов.

— Луч этого светящегося камня, как стрелка компаса, все время направлен к одному и тому же месту, словно здесь, на Ангре, есть какой-то полюс, притягивающий его свет...

— Вам знакомы изображенные здесь животные? — Кленов никак не мог избавиться от своей неприятной манеры задавать навоящие вопросы.

— Да, это легендарные левраны. Символические, сказочные животные. В обыденной жизни не встречаются, если не считать, конечно, меня самого.

— Левый — зеркальное отражение правого, а между ними сверху донизу проходит черта. Что вы думаете об этом рисунке?

— Я думаю, это символическое изображение двух параллельных миров. В том месте, где лапы левранов соприкасаются, выгравированы рисунки созвездий...

— Ну-ка, ну-ка, — только теперь Кжан заинтересованно потянулся к талисману. — Но это же небо Ангры! Вот бета-327, вот гамма сигмы... Солнце Ангры находится прямо между лапами этих зверей, вот оно!

— Это так и есть. Существуют зоны, где параллельные миры подходят очень близко друг к другу. Ангра одна из таких зон.

— Откуда у вас эта информация?

— Многое мне открывается в видениях, в снах.

— Это ненадежный источник!

— Ну что ты привязался к парню?

— Это вовсе не парень! Это сотрудник УВИВБа, у нас с ним есть соответствующий договор, и он обязан быть точен в наблюдениях и выводах!

— Странно, однако, выглядят твои сотрудники!

— Ну, с его нынешним статусом действительно не все ясно... — Кленов задумчиво ворошил в костре угли. — Дело в том, что такая же зона существует и на Гридосе. Мне пришлось познакомиться с ней довольно близко...

— За это тебя сослали на Мортан?

— Да. Я проявил слишком большой интерес к делам фирмы, поставившей урвил. У них есть зал с изображением двойников. Раньше я только догадывался о том, что они собой представляют, а теперь в связи с этими новыми фактами...

— Видимо, зона контакта миров прежде напоминала плоскость. Потом искусственно из нее были вытянуты два рукава в

сторону нашего мира. Те, кто это сделал, не посчитались с затратами колоссальной энергии. Им во что бы то ни стало нужно было ввести в сферу своего влияния очень важную планету из нашего мира. И даже не самую планету. Определенную зону здесь. На Ангре.

— А Гридос?

— Такой рукав, видимо, должен обладать симметрией, и вторая его часть пришлась на Гридос. Создание этих искусственных зон повлекло за собой множество искажений во временном ходе процессов в нашем мире. Оно вызвало непредсказуемый уход эволюции в сторону на этих двух планетах. Замедлило время, нарушило причинно-временную связь, уродливо исказив развитие цивилизаций в наших мирах.

— Кому же это понадобилось?

— Тому, кто бесконтрольно жаждал власти и не ощущал никакой моральной преграды. Архи когда-то управляли здешним миром. Неплохо управляли, но, подчиняясь колоссальному давлению со стороны параллельного мира, были вынуждены уступить и сошли со сцены. Однако нарушение симметрии долго продолжаться не может. За каждую искусственно созданную уродливую конструкцию, нарушающую основные законы природы, приходится дорого платить. Но в конце концов оно все равно разрушается.

— Если зона, ради захвата которой предприняты такие усилия, действительно находится здесь, на Ангре, там должно быть что-то весьма интересное.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Роман. — Чтобы это выяснить, мне и понадобится ваша помощь. Место называется у местных племен долиной Серых скал. Здесь это цвет смерти. Ни одно живое существо не может туда проникнуть. Тут повсюду средневековые, а там... — Роман махнул в сторону леса, из которого пришел. — Там силовые барьеры, лазерные установки, энергетические ключи, асимметраторы. Одному мне там не пройти.

— Может быть, подождем подхода Руслана?

— Ждать нельзя. Если верить архам, не без помощи коих я превратился в этого легендарного зверя, следующий цикл, во время которого расположение звезд и планет на небе Ангры благоприятствует восстановлению симметрии, повторится лишь через тысячу лет. И все это время зона контакта вообще недоступна воздействию извне. Сейчас у нас есть хоть какой-то шанс.

С утра началась работа. Романа использовали то как подъемный кран, то как универсального робота.

Один за другим на поляне появились герметично упакованные пластиковые ящики с номерами планетарного комплекса.

Кжан могильным голосом из глубин трюма ругал тех, кто собирал комплект и обслуживал корабль. Не могли найти ящики девять «а» четыре «с» из первой группы. Остальные были перепутаны, некоторые разбиты и превратились в груды баракла, но большинство оборудования, как ни странно, сохранилось.

— Я вообще не надеялся, что мы что-нибудь здесь найдем, —

признался Кленов, — корабль не предназначался для дальних рейсов. Он был замаскирован под орбитальный планетолет, но, как я теперь понимаю, совершил не один рейс к этой планете. Прежде всего нам понадобится хорошо защищенный транспорт с мощным вооружением. В планетарном комплексе есть гравилет — я видел его корпус в нижнем отсеке трюма, это то, что нам нужно.

— Без универсального робота мы не сможем открыть грузовой люк, нужны плазменные резаки, — отозвался Кжан.

— Нет его. Я просмотрел все, что нам удалось извлечь.

— У меня есть идея, — задумчиво произнес Роман. — Дай-ка талисман архов... — Кленов, не возражая и ни о чем не спрашивая, протянул ему круглый золотой диск.

После ночных разговоров и особенно сейчас, в процессе напряженной совместной работы, он как-то перестал замечать необычный облик Романа, притерпелся к нему.

Роман между тем осторожно отодвинув закрывавшую зеленый камень пластинку, направил его луч на край грузового люка и неторопливо провел сверху вниз вдоль кромки контакта двери с корпусом. Послышался странный хруст, словно неведомая сила ломала металл. Как только была закончена вторая линия, люк дрогнул и медленно пошел вниз. Пораженный Кленов, еще не понимая, что произошло, подошел к люку и внимательно осмотрел кромку. Поверхность металла, находившаяся раньше внутри корпуса, оказалась вывернутой наружу. Никакой лазерный резак не смог бы проделать подобной штуки с титановой дверью. На всем протяжении действия луча внутренняя и внешняя кромки поменялись местами. Только теперь Кленов ясно представил, с какими чудовищными силами им предстоит столкнуться.

Дальнейшая задача уже не представляла сложности. Роман, просунув в люк верхнюю часть своего огромного тела, ухватил корпус гравилета и легко, как игрушку, выдвинул его на крышку, ставшую теперь стартовым пандусом. Оставалось укомплектовать аппарат, проверить двигатели и снаряжение. Почти все агрегаты этого основного устройства планетарного комплекса дублировались, и к вечеру второго дня им удалось разыскать большинство самых необходимых узлов. Когда начали монтаж лазерных пушек и генераторов защитных полей, Крестов спросил, обращаясь к Роману:

— С кем, собственно, мы собираемся сражаться? Там есть что-нибудь, кроме механизмов, в этой закрытой зоне?

— Биороботы. Только эти искусственные существа, выращенные из материи нашего мира, способны здесь действовать без защиты. Они полностью подчинены заложенной в них программе и не представляют особой опасности. Я боюсь другого. Неожиданностей, неприятных сюрпризов. Тех факторов, которые мы сейчас не в состоянии предвидеть.

— Я не уверен, что наша защита сможет нейтрализовать луч подобного мощного асимметратора, — Кжан кивнул на изуродованную дверь, — не говоря уже о сюрпризах... Мы собираемся ломиться, сами не зная куда. Имеем ли мы на это право?

— Зоны параллельного мира, искусственно вклиненные в границы нашего, имеют самое непосредственное отношение к делам

Федерации. Так что в вопросах права... — Кленов поморщился. — Они научились превращать людей в управляемых кукол и использовать их биополя для внешнего воздействия на жителей граждан нашего мира. Ради того чтобы узнать хоть что-то о тех, кто это затеял и осуществил, я готов ломиться куда угодно.

Роман уже дважды в одиночку пытался прорваться в долину Серых скал. Но пройти не удалось, не помогла его неукротимая сила...

Синий смертельный огонь защитных полей опалил его шкуру. А то, что ранило его гораздо глубже и заставило метаться по лесам в поисках неизвестных опасностей, произошло у стен деревянного города.

«Ну что ты ноешь теперь? — спросил он себя. — Ты же знал, на что идешь, тебя предупреждали, не могла она разглядеть под шкурой этого животного, кто ты есть на самом деле, нельзя требовать от женщины невозможного, как бы ни ныло сердце. Даже проститься с ней не удастся».

И стараясь отвлечься от горьких мыслей, он еще яростней принимался за работу, отрывая крышки намертво заваренных ящиков и перетаскивая тяжелые детали механизмов.

К вечеру сборка универсального гравилета была закончена. Кжан включил двигатели и опробовал электромагнитную подушку.

Соскользнув с пандуса, аппарат медленно проплыл над выжженной землей. Внешне он напоминал черепаху. На гладком металле полусферы не было видно ни одного отверстия. Только глазки приборов да раструбы боевых генераторов поблескивали угрюмо и угрожающе.

— Какая у него мощность генераторов защиты?

— Немалая. Проблема в другом: у нас не полностью заряжены накопители, и подзарядить их не удастся — реакторы вышли из строя. Энергии хватит ненадолго, если придется интенсивно пользоваться защитой. А вообще-то я не знаю ни одного случая, чтобы гравилет этого типа где-нибудь не прошел.

Неожиданно металлическая черепаха резко остановилась, крышка люка откинулась, и из него показалось возбужденное, недоумевающее лицо Кжана.

— Что-то непонятное происходит с аппаратурой связи, я пытался ее отрегулировать, но там какие-то импульсы...

Кленов уже бежал к гравилету, вместе с Кжаном они скрылись в рубке, и Роман остался на поляне один. Тревожное предчувствие сжало его большое сердце.

Через несколько минут из глубин стальной черепахи донеслись знакомые импульсы универсального радиокода Федерации. Чуткие антенны звездолетов нащупали металлическое тело гравилета на поверхности планеты и послали к нему свой вызов... Откуда они здесь взялись? Как узнали, как смогли успеть? Все это уже не имело особого значения. Роман слышал захлебывающийся от восторга голос Кжана, вопросы-ответы Кленова... вспышки морзянки, перебивающие человеческую речь, и из этой мешанины звуков, постепенно отбирая главное и выстраивая суть происшедшего в единую логическую линию, он понял, что Федерация ответила наконец на вызов противника. Эскадра из

четырнадцати кораблей, возглавляемая Русланом, побив все рекорды скорости, вышла на околоцентрическую орбиту системы Ангры.

Роман думал о том, что события уходят от него в другое русло, как уходит иногда река, навсегда изменив прежнее направление своего движения и оставив на прежнем пути лишь зарастающие болота стариц.

Больше им не понадобится его помощь. Теперь они справятся сами. Медленно повернувшись, Роман побрел к лесу, никто его не остановил, не обратил внимания на его уход. Когда он уже был у самой опушки, что-то ухнуло у него за спиной. Роман обернулся и увидел сияющий голубой ствол, словно копьё, пронзившее горизонт от неба до земли.

Эскадра не теряла времени даром. Через пространственный мост началась подзарядка накопителей уникара. Завтра они поддержат его всей своей энергетической мощью, и никакие защитные поля не смогут им противостоять. С Земли прибыли лучшие специалисты, они разберутся в ситуации скорее, чем он. Там будут и ученые, которые наверняка заинтересуются уникальным случаем превращения человека в монстра.

Что-то ему не очень хотелось становиться бесценным подарком для науки, и потому он уходил все дальше в глубь леса, легко переставляя свои большие мягкие лапы, почти не оставлявшие следов на траве.

Часа через два, окончательно запутав след и почти инстинктивно повернув на запад, к городу россов, Роман вдруг вспомнил, что талисман архов остался у него. Постояв с минуту в раздумье, он пошел дальше. Вряд ли это теперь имело значение. Он хорошо представлял себе, что такое объединенная мощь накопителей четырнадцати звездолетов. Они пробьют туннель сквозь защитные поля, прикрывавшие долину Серых скал, так же легко, как раскаленный нож пронзает кусок масла. Им не понадобятся для этого никакие ключи.

Правда, в самой долине после этого ничего не останется, но может быть, это к лучшему? Этот мир вернется в свое естественное состояние. Что же касается межзвездных путей, пронизавших пространство, вряд ли они понадобятся людям. С их техникой, с их кораблями — у архов был другой путь развития, чуждый человеческой цивилизации. Вряд ли люди когда-нибудь поймут его, вряд ли примут, вряд ли сумеют воспользоваться... Стоит ли слушать шепот леса и скал там, где можно идти напролом? Надо ли чутко улавливать малейшие изменения мира в уголках глаз, если есть современные могучие приборы?

Люди построят собственные дороги, и, возможно, со временем их дороги не уступят дорогам архов. И уж не ему решать, чей путь вернее.

Левран вышел на восточную опушку леса уже в сумерках. Отсюда ему хорошо были видны высокие остроконечные башни, вознесшиеся над деревянными стенами города россов. Левран медленно и аккуратно уложил свое большое тело на мокрую прохладную траву. Шишковатая голова уютно разместилась на передних лапах, и, если не прищуривать глаза, можно все время видеть сквозь разрыв кустарников этот простой и недоступный для него город. Город, в котором он был счастлив так недолго,

Силы трав, силы лесов и солнечного света, силы озерной воды и зрелых плодов, невидимая сложная мозаика электромагнитных полей, управляющая ритмом сердца. Все то, что составляет неуловимую суть жизни, медленно стало покидать огромное тело леврана, выливаясь незримым потоком наружу, словно шлюзы открыли.

Если человек иногда еще может жить, потеряв смысл и цель самой жизни, то левраны лишены этого свойства.

Глава 3

Операция высадки и развертывания силового десанта началась в шесть часов утра по местному времени.

Командующий эскадрой Райков из флагманской рубки Руслана поддерживал связь и осуществлял управление автоматикой высадки одновременно всех четырнадцати кораблей.

На объемном экране центрального компьютера, суммирующего данные всех датчиков от постов наружного наблюдения, горела схематическая цветная карта планеты.

На восьми уникарах уже закончили монтаж энергетических антенн, и они доложили о готовности к приему плазменных каналов.

Генераторы всех четырнадцати кораблей, зависших над районом предстоящей операции, прогоняли в последний раз на форсированном режиме, проверяя готовность всех систем к переброске полной мощности на планетарные приемники силового щита и генераторы кинжальных полей, способные расколоть, смять и подавить любое противодействие противника.

Восемь зеленых точек и шесть желтых отмечали на карте районы высадки десантов. Они опоясывали широким кольцом район будущих боевых действий. Пока что ни один из наземных комплексов не вошел в прямое соприкосновение с противником.

Задержка с монтажом шести комплексов грозила сорвать срок начала операции. Райков представил себе то огромное напряжение, которое царило сейчас в энергетических отсеках кораблей, работающих в режиме форсажа и вынужденных то и дело выбрасывать из своих переполненных накопителей избытки энергии.

Цветные радужные всполохи время от времени окутывали корабли один за другим.

Все корабли эскадры доложили о нулевой готовности почти час назад.

— Энергопосты: семь, восемь, четырнадцать, два. Ваше резервное время истекает. Почему не докладываете о готовности? — негромко произнес Райков в невидимый среди приборов главного пульта микрофон селекторной связи с планетарным десантом.

— Седьмой готов. — На главной карте один из оранжевых огоньков сразу же сменился зеленым, и тут же на пульте вспыхнул огонек экстренного вызова. Должно было случиться что-то чрезвычайно важное для того, чтобы диспетчерская пропустила к нему сейчас этот вызов.

— Слушаю.

— Кленов настаивает на встрече с вами до начала операции.

Райков на секунду задумался. В суматохе развертывания планетарных служб у него так и не нашлось времени для встречи с Кленовым, а говорить по каналам связи тот отказался. Ох уж эти овибовцы со своими секретами, придется все же его принять. Он пробыл на планете больше недели, знает местную обстановку. Его наблюдения могут пригодиться во время штурма. Пока отстающие посты не доложили о готовности, минут пятнадцать у него найдется.

— Дайте ему «добро».

Кленов вошел подтянутый и даже как будто помолодевший с той последней встречи на Земле, когда он сам руководил сложнейшей операцией «Прорыв».

— Рад приветствовать вас в новом качестве командира эскадры, Игорь Сергеевич. — Они обнялись.

— Прости, что не смог увидиться с тобой раньше. Что такое первые «причалные» сутки, ты и сам хорошо знаешь. Совет получил твое сообщение, вся информация изучена. Был еще и ультиматум. Нам предложено убраться с Ангры, ну да это ты и сам уже знаешь.

— Знаю и не согласен с решением совета.

— Я ждал чего-нибудь подобного. Не зря ты ко мне так рвался и не хотел говорить по вифону. У тебя есть новые данные?

— Нет. Только интуиция, здесь силой ничего не добьешься. Нужно искать другие пути.

— Понск путей — одна из задач вашей конторы. Мое дело — исполнять решение совета. Какую альтернативу ты предлагаешь?

— Подождать. Разобраться в обстановке.

— Сколько ждать? Ты знаком с этим? — Райков взял с пульта небольшую фишку голограммы, нажал кнопку, и в воздухе возник сложный пространственный чертеж.

Кленов сразу же узнал Ангру, снятую из космоса. Вокруг планеты змеились линии напряжений магнитных и гравитационных полей, грубо разорванные в одном-единственном месте.

— Это последние данные нашей съемки. Дыра в магнитном поле планеты все время расширяется. А вот эта присоска, выступ, рог — называй как хочешь, — каким-то образом связана с движением местного солнца и трех лун Ангры.

Ученые пришли к выводу, что, если мы немедленно не примем мер, ситуация выйдет из-под контроля и мы навсегда потеряем планету.

— Она нам и раньше не принадлежала. Ангра не входит в состав Федерации. Здесь есть лишь «дикие», независимые поселения.

— Зато Гридос принадлежит... Пространство вокруг него начинает свертываться. Мы даже близко не смогли подойти к планете. То же самое произойдет здесь. Кто-то стремится закрыть от нас обе эти планеты. Кое-кто из ученых считает, что производится попытка перевести Ангру в другое измерение, увести ее в параллельный мир. Очень она им нужна... Ты случайно не знаешь, зачем?

— Догадываюсь.

— Вот и я догадываюсь. Ключ здесь, мой дорогой, ключ ко всем внепространственным путям, проложенным цивилизацией архов. Может быть, управляющий центр или что-нибудь подоб-

ное, я не знаю, что именно, но в открытой тобой зоне находится нечто такое, ради чего неизвестная нам цивилизация готова поставить на карту все, что угодно, а ты говоришь подождать, сделать им такой подарок. Подождать, пока у нас из-под носа уведут Ангру, свернут пространство и закроют к ней все подходы?

— Мы можем погубить планету и ничего не добиться силой.

— Во всяком случае, тогда управляющий центр не достанется хотя бы нашим врагам.

— А жители Ангры?

— Они войны. Им тоже нужны эти дороги. Их совет проголосовал за поход. Надеюсь, ты слышал об этом? И никто не знает, что с ними станет, если Ангра перейдет в параллельный мир. Так что выбор у них небольшой... Я сделаю все от меня зависящее, чтобы локализовать конфликт, ограничить его районом Серых скал. Но если нас атакуют, нам придется защищаться всеми доступными средствами. Времени на разговоры и раздумья уже не осталось. Наступила пора действовать. Для того нас сюда и прислали. Давай этим заниматься каждый на своем месте.

Переубедить Райкова Кленову так и не удалось. Этого следовало ожидать. У него не было ни одного серьезного аргумента, лишь предчувствия да предположения. А тут еще Роман пропал...

Время стремительно покатило в сторону войны, как снежная лавина, наращивая скорость и мощь, теперь ее уже не остановить.

Кленов смотрел в иллюминатор на пока еще зеленую планету. В ее живой шкуре есть уже одна черная дыра от их неудачной посадки. Ее видно даже с такой высоты, сколько их еще прибавится? Неужели Ангре суждено погибнуть?

Бурная, кипучая, странная жизнь шла внизу своими тайными путями. Жизнь, движение и полноту которой за эти несколько дней, проведенных на Ангре, он уже успел ощутить. Еще вчера казалось, что спешить особенно некуда, впереди достаточно времени для раздумий, и вдруг все неожиданно и круто изменилось. Поздно просить россов отложить поход к Серым скалам, даже Романа искать поздно... А ведь, наверно, случилось что-то чрезвычайно важное, раз он ушел от них, не попрощавшись, ничего не сказав... Что-то такое, о чем они даже не догадываются. Когда приходится принимать важные решения без учета всех обстоятельств, это может привести к трагическому финалу. Так уже бывало не раз в нашей собственной истории. Теперь мы рискуем повторить наш печальный опыт на этой чужой, живой и зеленой пока планете...

Кленов не мог сдержать нарастающую тревогу, мысль все время возвращалась к Роману, стараясь пробиться через барьер непонимания. Слово уже не было поздно, словно можно было еще что-то изменить...

Над лесом тихо падал холодный вечерний дождь. А может быть, это была роса? Раньше Роман не задумывался над такими вещами, всем своим существом ощущая малейшие изменения в природе, но теперь его чувства притупились.

Мир постепенно отодвигался от него куда-то в сторону, становился тусклым, порой едва различимым, на смену ощущениям приходил сонный покой, которого он так жаждал всем своим огромным измученным телом, а может быть, вовсе не тело у него так ныло в глубине его существа? Может быть. Какая разница, покой приглушал любую боль. Сквозь прищуренные веки его взгляд все еще скользил вдоль пустынного тракта, идущего от города россов, и светлая линия дороги не желала гаснуть в его сознании, словно он чего-то ждал от нее. И дождался.

Фигура всадника, укутанного в серый, сливающийся с сумраками плащ, отделилась от городских ворот и медленно двинулась к лесу. Всадник ехал неуверенно, часто останавливался, иногда кружил на месте или подолгу стоял у обочины, опустив поводья и предоставив коню полную свободу.

Может быть, он никуда не спешил или искал кого-то? Кто знает. Так или иначе всадник постепенно приближался к тому месту, где лежал левран. Когда между ними осталось не больше десятка метров, что-то вновь его остановило. На этот раз он даже откинул с головы капюшон плаща, чтобы лучше слышать звуки леса, и долго всматривался в придорожные кусты, словно можно было заметить лежащего неподвижно леврана, словно можно было его услышать.

В конце концов левран чем-то выдал себя. Вздохом, движением или неосторожным обрывком мысли, слишком четко мелькнувшим в сознании и передавшимся вовне его телепатическими способностями.

Возможно, всадник казался ему пришедшим из далеких снов, и он не верил в его реальное существование.

Сидящий на лошади человек вздрогнул, словно его позвали, и, прищипав коня, направил его прямо к леврану. Тот не шелохнулся и тогда, когда теплая лошадиная морда вдохнула над самым его ухом.

— Левран... — тихо прозвучал знакомый голос. — Значит, я не обманулась, значит, ты в самом деле звал меня... Почему ты молчишь? Почему не отвечаешь мне? — Элия спрыгнула с коня и подошла вплотную к огромной морде зверя. Печальный глаз приоткрылся и глянул куда-то в сторону, не замечая ее.

— Ты меня не слышишь? Ты не хочешь со мной разговаривать? Все эти дни, с тех пор как мы расстались, я не знала ни минуты покоя. Что-то было неправильно. Я не знала что и пошла к жрецу, хранителю солнца... Он рассказал мне старую легенду. В древности, когда здесь правили архи, каждый мог превратиться в леврана. Каждый, кто хотел пожертвовать собой ради своего племени или ради любимой...

Никто не знает, откуда ты взялся и куда девался Роман. Левранов никто не видел со времен архов. И сегодня, когда я почувствовала, что ты близко... Мне удалось обмануть стражу у городских ворот, все заняты сборами в поход, завтра на рассвете россы выходят. Наверно, мы видимся в последний раз. Твои друзья на огненных колесницах начинают войну, мы пойдем с ними...

Долгое молчание стояло в лесу как талая вода.

— Ответь мне хоть что-нибудь, — попросила девушка, но левран по-прежнему молчал. И с обостренным предстоящей разлу-

кой отчаяньем она вдруг на какой-то миг прозрела будущее. Годы пронесутся, прошумят, протекут мимо как воды. Вновь она будет стоять на этом месте, так же неслышно будут качаться от ветра ветви деревьев, в полумраке так же будет змеиться в стороне дорога. Только леврана здесь уже не будет. Но, что бы ни изменилось в ней или в самом этом месте, она всегда будет видеть его таким, как сейчас. Будет помнить этого огромного, прекрасного и печального зверя, пришедшего к ней на помощь из далекой легенды архов и отобравшего у нее самого дорогого человека.

— Скажи мне, левран, — попросила она снова в последний раз, — не оставляй меня так. Я должна знать. Я должна это услышать от тебя самого...

Но левран молчал, и лишь где-то далеко за горизонтом прогрехотал гром. А может быть, то был не гром, слишком уж сухим, яростным и коротким, похожим на удар бича, прокатился звук, и земля едва заметно содрогнулась под ногами.

Глава 4

Атака началась одновременно из четырнадцати пунктов. Все передвижные энергетические установки работали на полную мощность и составляли второй эшелон поддержки. Впереди, выдвинутые на несколько сотен метров, шли автоматические кары защиты, а еще дальше, на первой линии атаки, находились два унникара, оснащенные инициаторами узкого энергетического луча, лазерными пушками и генераторами антипротонов.

Эти машины, прикрытые собственной силовой защитой, составляли основную ударную силу отряда. Эскадра, зависнув над местом атаки на серенгерической орбите, осуществляла энергетическую поддержку планетного десанта, но пока активной роли в развертывающейся атаке не принимала.

Собственно, передвижение механизмов трудно было назвать атакой, поскольку пока что никакого сопротивления им не оказывали, и они постепенно стягивали огромное многокилометровое кольцо, в центре которого находилась долина Серых скал.

Но так продолжалось недолго. Уже через полчаса идущие впереди кары натолкнулись на энергетическое сопротивление. Обе машины одновременно.

Инженеры затруднялись определить характер противодействующего поля, оно было не электромагнитным и не гравитационным. Собственно, его природа не имела особого значения, решающим фактором в столкновении противоборствующих полей являлась лишь мощность установок и способность излучателей быстро концентрировать ее в узких зонах пакетами импульсов. Пока что в этом не было необходимости. Кары, несколько замедлив движение, окутались пузырями силовой защиты, ставшей видимой. На границе двух противоборствующих энергетических сил воздух светился.

Не имея полного представления о возможностях противника и о тех средствах, которыми он располагал на планете, Райков не спешил. Он распорядился еще больше увеличить дистанцию между атакующими карами и эшелонами поддержки и вместо

наращивания мощности своего энергетического щита лишь замедлял скорость продвижения машин, не желая раньше времени показывать противнику все их возможности.

За его спиной в главной управляющей рубке Руслана располжались операторы основных постов и водители автоматических уникаров. Одним из водителей был Кленов, его нестандартный уникар устаревшей конструкции решено было использовать в первом эшелоне, чтобы не рисковать более мощными машинами. Кленов с момента начала операции не промолвил ни слова, но даже спиной Райков ощущал его неодобрение и пожалел, что разрешил ему участвовать в операции.

Внизу, в районе атаки, произошло между тем какое-то изменение. Противник впервые проявил активность. Прямо перед уникаром Кленова появилась черная труба, которую несли на плечах два биона. На какую-то долю секунды оператор, меняя объективы, перестарался с увеличением, и во весь экран мелькнули плоские лица-маски, лишённые рта и носа. Вместо глаз зловеще сверкнули стекла оптических датчиков, и сразу же изображение отдалилось, приобрело масштабность и иную мелкую структуру.

Теперь стало видно, что от этой странной и с виду совершенно беспомощной группы противника до передней, закованной в броню силовых полей машины оставалось не больше двадцати метров.

— Остановить их? — спросил Кленов.

— Не надо. Пусть покажут, на что они способны.

В ту же секунду идущий впереди бion опустил на одно колено, и из раструба, лежащего на его плече излучателя, вырвался белый луч света. Скользя по плоским камням, он свободно прошёл сквозь кокон защитного поля и уперся в лобовую броню уникара.

— Что это такое, лазер?

— Не похоже. Слишком широкий луч. Скорее обычный прожектор.

Второй бion, направлявший раструб этого странного длинного фонаря, что-то сделал, должно быть, нажал какую-то невидимую ручку. Цвет луча начал постепенно меняться, приобретая зловещий красноватый оттенок.

— Что с температурой? — спросил Райков, стараясь следить за данными всех четырнадцати экранов сразу и ни на минуту не забывая, что эта импровизированная атака могла быть всего лишь отвлекающим маневром. Оператор за его спиной сразу же отозвался:

— Все в норме. Это по-прежнему всего лишь световой луч, Вот только...

— Ну что там?

— С машиной происходит что-то странное...

— Дайте увеличение первого уникара на центральный экран.

Контуры машины странным образом изменились. Куполообразный горб брони с правой стороны слегка вспучился. Левая сторона, наоборот, словно уменьшилась. Если верить датчикам уникара — давление, температура, радиация, — все было в норме, и вдруг машина взорвалась. Собственно, это был даже не взрыв. Во все стороны из разрывов расплывавшейся брони брыз-

нули разваливающиеся на глазах приборы и механические внутренности. Не было ни вспышки, ни ударной волны.

— Дайте временную развертку показаний всех приборов перед взрывом, — попросил Райков. От уникара осталась лишь бесформенная груда металлолома.

За три десятых секунды до того, как это случилось, цифры в окошечках индикаторов дернулись и ушли к нулям.

— Начинаем терять машины, — мрачно проговорил за его спиной Кленов. Это был его уникар.

— Почему луч прошел через защиту? — спросил Райков.

Главный инженер отозвался не сразу, он что-то лихорадочно подсчитывал на своем пульте связи с главным компьютером корабля.

— Кванты света, не обладая массой, свободно проходят через силовое поле такой мощности, — наконец сказал он, все еще не отрываясь от пульта, — до самого последнего момента там был обыкновенный свет. А потом нечто совершенно невообразимое, я не знаю, какой вид оружия они применили.

— Зато я знаю, — все так же мрачно проговорил Райков. — Это асимметратор. Прибор, искажающий симметрию всех предметов, попадающих в зону действия его луча. Я докладывал в своем отчете об этом новом оружии. Наше счастье, что луч действует всего на несколько десятков метров. Как только второй уникар подойдет на дистанцию поражения, они уничтожат и его.

— Оператору разрешаю открыть огонь по противнику, — негромко произнес Райков, и все равно его голос, усиленный в каналах связи, отдался под потолком рубки излишне громко.

Сразу же цепочки световых импульсов потянулись от второй машины биомам. В тех местах, где лазерные лучи коснулись земли, во все стороны полетели ослепительные брызги расплавленного камня. Через несколько секунд лазеры накрыли группу биомам вместе с асимметратором. Оба робота почти мгновенно превратились в облако пара. Несколько минут на том месте, где они стояли, все еще продолжала светиться лужица расплавленной горной породы. Оператор второго уникара не пожалел мощности для своих лазерных пушек.

Кленов, лишившись машины, которой он управлял, превратился в простого зрителя разворачивающихся на обзорных экранах событий.

Внизу, под главным пультом, горела целая цепочка маленьких информационных экранов всех постов. Время от времени центральный компьютер перебрасывал от них на главный экран информацию, которая казалась ему важной. У операторов, занятых своим делом, не было времени заниматься этими второстепенными экранами, не содержащими, как правило, новой информации, и потому Кленов был первым, кто заметил странное облако, появившееся на боковом нижнем экране с индексом «48». Это был дубликат носового экрана, впереди идущего Севастьянова.

— Седьмой — Первому, — негромко произнес он, перебросив на себя канал общей связи, — по курсу эскадры какое-то облако. Нельзя ли определить его состав?

— Пылевые частицы, плотность незначительна. Для нашей защиты не представляет угрозы.

— Откуда оно здесь взялось? — продолжал настаивать Кленов. — На такой высоте над планетой не бывает пылевых облаков.

Теперь наконец вмешался Райков:

— Сделайте экспресс-анализ пылевых частиц.

— Уже сделано. Кислород, водород, гелий, частично азот, инертные газы. Скорее всего это остатки кометного хвоста.

Все снова занялись развернувшейся внизу внушительной панорамой наступления. Кольцо силового поля сжималось все больше, отдельные очаги сопротивления оперативно подавлялись, и казалось, ничто уже не помешает победному шествию машин.

Одному Кленову не давало покоя странное облако, неумолимо приближающееся к эскадре. Его нижняя граница слегка светилась.

— Нельзя ли сменить эшелон, чтобы уйти от контакта с пылевыми частицами? — обратился он непосредственно к Райкову, но отозвался энергетик.

— Маневр обойдется слишком дорого. На какое-то время мы вообще потеряем контакт с нашим десантом на планете и лишим его поддержки. Энергетические каналы придется погасить и использовать накопители для собственных двигателей. Наша защита даже не заметит пылевых частиц такой плотности.

— Почему они светятся? — не унимался Кленов.

— Очевидно, ионизация.

— На такой высоте ие может быть ионизации! — взорвался Кленов.

— Вышлите в это облако автоматический разведчик, — распорядился Райков, все еще не переключая изображения облака на главный экран. И потому один лишь Кленов из всех присутствующих в главной рубке специалистов видел весь эпизод от начала до конца.

Крохотная светлая точка разведчика отделилась от корпуса Севастьянова и, стремительно наращивая скорость, ушла от эскадры. Для начала маневра у них оставалось всего несколько минут, потом уже будет поздно, они не успеют изменить орбиту. С нарастающим волнением Райков следил за этой крохотной частичкой эскадры, уходящей вперед.

Взрыв произошел на самой границе облака, еще до того, как разведчик вошел в его плотные слои. Он был такой неожиданной силы, что экран, запыхавший ослепительно голубым огнем, сразу же почернел, и тут же завывли и замигали сигналы общей тревоги. Голоса операторов, перебивая друг друга, докладывали цифры мощности, плотности потоков, скоростей. Не дожидаясь команды, управляющие автоматы всех кораблей, оценив ситуацию быстрее людей, уже начали операцию расхождения. На всех кораблях заработали двигатели.

— Всю мощность на силовую защиту. Веерный огонь протонами по курсу всех кораблей!

— Антипротонами? — не понял оператор.

Райков пояснил:

— Обычными протонами. Перед нами антиматерия. Один Кленов это вовремя понял.

— Просто я один знал, чего от них ждать... — тихо проговорил Кленов, вцепившись в подлокотники кресла.

Они едва успевали. Огонь полыхал теперь внизу под всеми кораблями, сплошное море огня было и впереди по курсу, но там он постепенно бледнел, нос корабля задирался все выше, появились первые огоньки звезд.

— Кажется, проскочили...

— У нас был еще солидный резерв мощности, — обиженно проговорил энергетик.

— Скажите спасибо Кленову, — резко сказал Райков. — Посмотрел бы я на вашу мощность в центре этого облака! Даже здесь наружная температура на пределе!

— Будем возвращаться на прежний курс?

— Остаться на этой орбите и следить за носовыми экранами! Вышлите вперед автоматическую разведку.

Сразу же, как только восстановили энергетический контакт с планетарным десантом, наступление на долину Серых скал продолжилось. Убедившись, что атака на эскадру не имела успеха, противник стал проявлять нервозность.

Кольцо вокруг Серых скал сжималось все больше, и все дороже обходился им каждый следующий метр продвижения к цели. Огненные столбы энергетической поддержки теперь не гасли ни на секунду, отдавая атакующим машинам полную мощность генераторов всех четырнадцати кораблей. Пузырь силовой защиты противника, приняв на себя давление десятков гигаватт мощности полей, препятствовал продвижению, наливаясь малиновым светом. Время от времени на границе противоборствующих сил проскальзывали ослепительные сполохи статических электрических разрядов, сопровождаемые грохотом, от которого содрогались соседние скалы.

Потерпев неудачу с несколькими вылазками бионов, противник больше не пытался использовать асимметраторы за пределами очерченной силовой защитой зоны.

К сожалению, о том, что происходило за огненной стеной, они не могли даже догадываться. Купол защиты колебался, иногда в отдельных местах напряжение временно слабело, и туда сразу же вдавливалось, вливалось поле атакующих машин, стремясь разорвать купол, ворваться в его пределы, смять и уничтожить сопротивление.

Энергетическое напряжение атаки и противостоящей ей защиты достигли таких запредельных величин, когда простая остановка стала уже невозможной. Слишком мало пространство, на котором столкнулись чудовищные силы. Казалось, этому не будет конца.

«Да прекратите же, прекратите! — хотелось крикнуть Райкову. — Неужели вы не видите, как далеко все зашло, в какую пропасть заносит нас раскрученная мельница атаки?!»

Вот-вот чем-то все это должно было кончиться. Скорее всего неизбежной уже катастрофой...

Крошечный огненный шарик отделился между тем от купола защиты и стремительно двинулся навстречу атакующим машинам. Это казалось невероятным, невозможным, и тем не менее это было так.

Несмотря на чудовищное давление, у обороняющихся нашлись силы для того, чтобы выдвинуть вперед этот объект, прикрытый

индивидуальной защитой такой мощности, что он смог прорваться сквозь поле атаки.

Что там было, внутри этого огненного шара, катящегося навстречу уникарам? Ни один датчик не мог дать ответа на этот вопрос при такой интенсивности энергетического взаимодействия.

С орбитальной высоты происходящее внизу казалось всего лишь театральным действием, условной декорацией, игрой.

Но вот мыльный огненный пузырек лопнул, раскололся, как грецкий орех, исчез. На какую-то долю секунды стремительно сменившие объективы автоматы бросили им навстречу на всех центральных экранах усмехающееся нечеловеческое лицо.

Они успели рассмотреть и запомнить лишь эту противоестественную усмешку, на которую не способен ни один робот, лишь существо, знающее, что такое смерть, и понимающее все, что должно последовать за исчезновением защиты, — могло так усмехнуться.

Казалось, огненному грибу, выраставшему из этого крошечного черного семечка, еще секунду назад бывшего живым, разумным существом, не будет конца. Гриб все рос и рос вверх, пробивая верхние слои стратосферы, наполняясь яростным фиолетовым клубением, обрастая черными отметинами пыли и газов, раздуваясь вширь и закрывая от них все происходящее внизу. Один за другим, вонзаясь в поверхность ядовитой белесой шляпы термоядерного взрыва, гасли фиолетовые копыта энергетической подпитки в эпицентре взрыва. Разрушалась структура всех энергетических каналов.

— Будем продолжать? — тихо спросил главный энергетик. Он был мертвенно бледен. Кленов видел, как мелко дрожали пальцы его правой руки, скорчившиеся возле инициаторов мощности.

— Что это было, аннигиляция? — спросил Райков.

Мельком взглянув на приборы, физик кивнул: — Примерно восемьдесят килограммов эквивалентной массы. Сто пятьдесят — двести килотонн. Защита на танках могла выдержать. Остальные автоматы скорее всего уничтожены.

Труднее всего бывает остановить запущенную не тобой машину. Из простого исполнителя чужой, навязанной обстоятельствами воли превратиться в человека, принимающего подлинное и окончательное решение.

— Выключить генераторы, — угрюмо проговорил Райков. — Я свертываю операцию. Возвращайте все, что осталось от десанта, на корабли.

Тишина, повисшая в рубке, словно подчеркнула всю меру ответственности, которую только что взял на себя один человек.

— Мы не использовали и десятой доли наших возможностей! — возразил главный инженер, не желая мириться с поражением.

— Я знаю. Выполняйте приказ, — сухо распорядился Райков, а Кленов подумал: «Не этой ли минуты так боялись те, кто любыми средствами стремился не допустить участия в рейде именно этого человека? Чего они добивались? Окончательной расстановки сил? Уничтожения Ангры? Ведь если бы на месте Райкова сидел сейчас другой человек, можно было бы и продолжить штурм...»

Еще один-два таких удара, и кора планеты не выдержит. Над лесами Ангры, над поселениями людей и всех других существ, представлявших здесь десятки разных миров, пронесется смерть, и виноватыми в этом окажемся мы, люди. Не этого ли с таким упорством добивались их противники? Ведь они в какой-то степени могли предвидеть будущее, и не зря так боялись этого человека. Там, где время течет в обратную сторону, будущее становится прошлым, не успев еще даже родиться. Так чего же они все-таки хотели? Этого он не знал. Этого он не мог понять и чувствовал лишь неумолимый ход времени. Рождались и таяли в наступившей тишине те самые неповторимые мгновения, которые несли с собой начало какой-то новой и пока еще неведомой эры.

Глава 5

Роман проснулся от боли. Это была не его боль. Болела земля, на которой он лежал. Ощущение было таким резким и сильным, словно кто-то вонзил в планету огромный раскаленный меч и потом повернул его в ране.

Боль пульсировала теперь в теле Романа, проникала в его жилы и нервы, она рвала пути забытья, наполняла его мускулы стрессовой, запредельной силой.

Роман вскочил и осмотрелся. Лес горел, деревья обуглились и стали похожими на черные факелы. Кругом валялись комья земли, пепла и ветвей. Там, где кончалась дорога, пылал деревянный город россов. Все застилал низкий плотный дым, казалось, горела вся планета.

Роман повернул голову к западу, откуда несколько минут назад пришел раскаленный ураган. На него повеяло смертельным дыханием радиации. В той стороне не было ничего: ни одного дерева, ни одного растения. Только хлопья серого пепла да клубы желтоватого дыма. Он смотрел долго, пока глаза не перестали слезиться.

Что-то он старался вспомнить, что-то важное, какой-то сон. Но сны кончились. Его окружала безжалостная, смертоносная реальность. Он внимательно осмотрел место, на котором лежал, и все пространство вокруг. Ничего. Никого. Он был один на один с раскаленным ураганом. Роман набрал в легкие воздух, стараясь пробиться своим чутким обонянием сквозь запахи гари и дыма. Пахло сгоревшим деревом, сгоревшей травой, сгоревшей землей. Среди этих запахов не было самого страшного. Значит, она ушла, даже если это был не сон. Теперь он знает, что ему необходимо сделать. Надо уменьшить нестерпимую боль земли, спасти тех, кого еще можно спасти.

Медленно он двинулся вперед, почти насильно переставляя лапы. Тело не желало подчиняться, оно не хотело идти в раскаленный ад, из которого вырвался смертельный ураган. Но где-то там осталось еще его жало. Только он один может до него добраться... И он шел. Земля под ногами постепенно превращалась в оплавленную потрескавшуюся корку. Она была еще слишком горяча и прожигала толстые подошвы его ног. Но эта боль казалась слишком слабой по сравнению с той, что жила в нем с момента взрыва, и ничего не могла уже добавить к его ощуще-

ням. Легким не хватало воздуха. Воздух сгорел, превратившись из живительного газа в свою ядовитую противоположность. Мучительный кашель то и дело сбивал леврана с ритма, заставляя смотреть по сторонам. Он понимал, что этого делать нельзя. Если он хочет дойти до цели, нужно сосредоточиться только на этом. Не замечать, не видеть ничего вокруг, постараться даже не чувствовать, как будто он мог не чувствовать...

Сейчас его главным проклятием стала его обостренная способность ощущать чужую боль. Напрасно он надеется, что ему удастся выдержать. Это безнадежно. Ему давно следовало повернуть обратно и бежать прочь из зоны смерти туда, где осталась живая вода, листья растений, воздух.

Он все еще двигался. Он и сам не знал, почему это так, откуда берутся силы на эту безнадежную борьбу. Даже если ему удастся совершить невозможное и вопреки всему добраться до цели, это ничего не изменит, он даже не знает, что именно нужно сделать, он даже не знает, куда бежит. Это самоубийство. Глупое, бессмысленное самоубийство.

Радиация достигла такой степени, когда начинает светиться воздух, соприкасаясь с насыщенной смертью почвой. Такой концентрации не может выдержать ни одно живое существо...

Он все еще бежал на запад. Температура постепенно повышалась. Зато раскаленные остатки смертоносной атмосферы были здесь кристально прозрачны. Пыль и дым ударная волна унесла далеко назад.

Он был уже близок к эпицентру взрыва и не понимал, почему до сих пор не лопнули его легкие, не разорвалось сердце, кто и для чего наделил его такой несказанной силой — переносить мучения и двигаться только на запад, только вперед, только к намеченной цели.

Наконец почва стала поижаться. Эпицентр взрыва остался у леврана за спиной. Он двигался теперь по дну западного ущелья. Его стены оплавилась, однако самые страшные — световой и радиационный удары прошли здесь поверху, не добравшись до дна ущелья. Тут осталось даже немного воздуха. Не такого чистого, как ему бы хотелось, но все же пригодного для дыхания.

Боль стала настолько привычной, что уже не мешала думать. В какой-то мере он подчинил ее своей воле. Левран думало том, что сделает с теми, кто нанес планете такую жестокую рану, это помогло ему продвигаться вперед, но ненадолго — ненависть плохой помощник.

Внутренним зрением, легко проникающим сквозь багровые тучи, заполнившие небо Ангры, он видел светлые звездочки кораблей, удаляющихся от планеты, их было четырнадцать. Четырнадцать звездочек, пришедших из далекого далека, оттуда, где была его человеческая родина. Левран тяжело вздохнул и мысленно спросил Кленова: «Уходишь?» — «Ухожу, друг. Ничего у нас не вышло, ты уж прости...» — «Да ладно. Я попробую сам. Уже немного осталось, может быть, мне удастся до них добраться...»

Он вынул талисман архов. Лучик удлинился, стал ярче и попрежнему показывал на запад.

От талисмана по лапе и дальше по его измученному телу раз-

лилась приятная прохлада. Что-то в нем происходило. Рвались какие-то связи. Клетки изменялись, мутировали под радиоактивным ливнем с огромной скоростью. После превращения его тело стало удивительно пластичным, оно легко приспособлялось к меняющимся внешним обстоятельствам. Если бы у него было больше времени, он бы, наверное, сумел справиться даже с радиацией, но времени не было. В него словно вложили огромные безжалостные часы, и они тикали, отмеряя последние оставшиеся в его распоряжении минуты. Что случится потом, когда они истекнут? В точности он этого не знал, но понимал, что долина Серых скал доступна лишь короткое время и, если он не успеет, ждать придется тысячу лет. Тысячу лет нового безжалостного владычества деймов. Он двинулся вперед — теперь уже не бегом, на это не оставалось сил. Он лишь ковылял по дну ущелья, обессиленно припадая на все шесть лап.

Поворот, еще поворот. Ущелье кончилось. Прямо перед ним снизу доверху путь закрывала скала.

Он достал талисман. Звездочка стала еще ярче, луч удлинился, но теперь он неуверенно качался из стороны в сторону, словно не знал, какое направление выбрать. Так ведет себя стрелка компаса на полюсе, когда цель достигнута и дальше идти некуда. Он был в центре зоны, перед ним возвышалась скала. Взобраться на нее, с его лапами, снабженными присосками и могучими когтями, раньше не составляло труда. Теперь же он с трудом управлял своим полусожженным телом. Тем не менее он одолел и эту преграду.

Он стоял на вершине утеса. Вокруг простирались безжизненные смертоносные поля, оплавленная кора планеты. Здесь не осталось ничего, кроме ущелья и этого одинокого утеса. Стрелка талисмана указывала теперь вниз, туда, откуда он только что пришел. Если проход существовал, он был внизу, на дне ущелья.

Убираться с вершины нужно было немедленно, здесь радиация усилилась, у него уже кружилась голова, с минуты на минуту он мог потерять сознание.

Медленно, то и дело соскальзывая с оплавленной поверхности скалы, он пополз вниз. Последний десяток метров, сорвавшись, он преодолел в беспорядочном падении. К счастью, поверхность скалы оказалась здесь более пологой, и все равно удар получился слишком сильным.

Несколько минут он лежал неподвижно, собираясь с силами. И не зная, что делать дальше. Похоже, он проиграл. Прохода в долину ему не найти — если он вообще существует. Сняв на обратный путь не хватит. Лучше всего остаться там, где он теперь лежит. Мертвый сон не заставит себя ждать слишком долго.

Он сделал все, что мог. Все, что было в его силах. Сквозь скалу ему не пройти — снова повторил он эту фразу, прислушался к ней и, шатаясь, поднялся на ноги.

Если бы он был только левраном, наверно, это было бы именно так. Но раньше, когда он был человеком, однажды ему удалось пройти сквозь скалу... Правда, там была другая скала, соединенная со звездными путями, ведущими к другим мирам, тысячами невидимых нитей... Все же он подошел к скале, за-

крявавшей выход из ущелья, и внимательно осмотрел ее поверхность.

Она была серой. Чудовищные звездные температуры, свирепствовавшие здесь несколько часов назад, не оставили на ней ни малейшего следа. Если прижаться к камню обожженным телом, можно ощутить прохладу и легкую вибрацию...

Это была не простая скала. В ее левом нижнем углу что-то едва заметно блестело... Он подошел ближе, разгреб обвалившиеся сверху комья оплавленной спекшейся земли и увидел оттиск. Четкий круглый след, вдавленный в поверхность камня. Он был не больше ладони. Казалось, кто-то приложил к скале печать или, например, талисман...

Он очистил оттиск от копоти и увидел двух стоящих на задних лапах левранов, отделенных один от другого чертой, идущей сверху вниз.

Перед ним было зеркальное изображение его талисмана. Его оттиск.

Стараясь справиться с волнением, с неожиданно появившейся надеждой, он достал талисман. Размеры совпадали, и теперь он заметил в центре оттиска, под слоем гари, в том месте, где на его талисмানে горела зеленая звездочка, необычный красноватый блеск... Он прочистил его сбоку осколком камня, стараясь не прикасаться к этому опасному месту, и увидел яркий блеск красного камня. Все совпало, кроме цвета камня. Сомнений больше не оставалось.

Он совместил изображение на талисмানে с оттиском и вложил его в углубление. Камни соприкоснулись. Послышался легкий шорох, словно тысячи бабочек одновременно взмахнули крыльями. Нижняя часть скалы перед ним исчезла. Вход открылся. В лицо ему пахнуло чистым, не зараженным радиацией воздухом, прохладным запахом живой земли. Он вошел внутрь.

Перед ним был огромный, почти пустой зал, освещенный ярким зеленым светом стоящего на постаменте метрового кристалла. С тихим шелестом проход за спиной Романа вновь сомкнулся. Путь был окончен. Он стоял перед светящимся камнем, ничего не понимая и не зная, что делать дальше. Зал заканчивался стеной. В ее полированном граните едва заметно проступало отражение зала и его собственное. Взглянув на себя в это каменное зеркало, он понял, насколько обезображено и изувечено его тело, сплошь покрытое язвами ожогов. От бронированной блестящей кожи леврана ничего не осталось. Кое-где клочьями свисало розоватое мясо.

Только сейчас, увидев себя, он по-настоящему до конца осознал: путь для него окончен и этот зал — последнее, что он видит в этой жизни.

Ни отчаяния, ни горечи не испытала его измученная душа, только сожаление от бесполезности пройденного пути, от того, что он так и не смог разрешить загадку и ничего не сумел изменить. Когда его не станет, здесь пронесутся века, и через тысячу лет, быть может, кто-то другой окажется умнее.

Он обернулся. Камень. Ничего, кроме камня, замкнутого овального зала с одной-единственной ровной стеной, похожей на черное зеркало... Стена стояла вроде бы не на месте, нарушая симметрию зала и разделяя его на две половины. Возможно, за ней

было пустое пространство, но несокрушимая толщина мертвого холодного гранита не оставляла ни малейшей надежды — туда ему не проникнуть.

Оставался еще камень. Формой и размером светящийся зеленый кристалл напоминал лезвие меча. Снизу, между ним и постаментом, расположилась каменная чаша. Вначале Роман принял ее за украшение, но теперь подумал, что это скорее всего отражатель. Его вогнутая полированная поверхность отбрасывала зеленые лучи кристалла на гранитную стену, не давая им распространяться по залу. Вполне понятная предосторожность, если вспомнить, что мог сделать маленький кусочек такого камня с титанитовой дверью звездолета.

Что-то ему напоминала сама форма кристалла, что-то важное... Ну да, была же рукоятка меча, найденная в пещере под деревом с таким же изображением, как на талисмане архов... Рукоятка меча, которую он нашел после одного из своих вещих снов. Там была рукоятка, здесь — лезвие.

Вместо рукоятки — каменный постамент. Но ведь и он располагает силой леврана, и несмотря на все свои раны... Он уперся плечом в основание, и неожиданно каменная глыба, не прикрепленная к полу, поддалась его усилиям. Наклоненное вперед лезвие угрожающе придвинулось к стене.

Если маленькая частица такого камня справилась с титанитовой дверью... Он удвоил усилия, вспомнив, что сила воздействия камня зависит от расстояния. Чем ближе продвигал он зеленый меч кристалла к стене, тем ярче становилось пятно падавшего от нее света. В его оттенке появились какие-то новые, зеркальные блики.

Постамент все же оказался для него слишком тяжел, и теперь он боялся, что сил завершить начатую работу не хватит, каждый следующий сантиметр продвижения давался ему все с большим трудом, словно стена отталкивала кристалл. А может быть, силы уже окончательно оставляли его. От напряжения из его многочисленных ран начала сочиться кровь, и на полу отпечатывались четкие следы всех его шести лап.

В космической тишине подземного зала слышалось только измученное дыхание леврана и скрип каменной глыбы, оставившей на полу глубокие царапины. В конце концов он вынужден был остановиться, чтобы немного отдохнуть.

В каменном зеркале происходили какие-то изменения. Отражение стало четче, рельефнее. Изменился цвет поверхности стены, словно в камень добавили серебра. Зеркальная пленка стала ярче. Но больше всего бросался в глаза изменившийся цвет отраженного в стене лезвия меча. Он приобретал явственный красноватый оттенок.

Это показалось Роману настолько важным, что, преодолевая боль, он отполз на безопасное расстояние в противоположный конец зала и заглянул за край чаши, закрывавшей кристалл. Светящееся лезвие кристалла на его стороне оставалось ярко-зеленым, и, значит, изменения происходили только в отражении. Этого не могло быть, и тем не менее, как только он возобновил продвижение зеленого меча к стене, ему пришлось признать, что отражение в каменном зеркале постепенно приобретает все большую самостоятельность.

Например, левран, двигавший ему навстречу красный кристалл, прихрамывал на правую переднюю лапу. Когти на ней были сломаны и зияла огромная рана. Передние лапы Романа пострадали меньше всего... Да и в самом отраженном зале проступали новые, не свойственные залу Романа черты.

Казалось, зеркало превращается постепенно в прозрачное стекло, и он видит за ним какой-то новый, незнакомый, живущий самостоятельной жизнью, мир.

Стена становилась все более зыбкой, по ней пробегала рябь, словно перед ним был не камень, а отражение в озерной воде... Стена колебалась, сминалась и распрямлялась вновь.

От лезвия зеленого меча до красного кристалла на той стороне оставались считанные сантиметры, одно последнее усилие. Но Роман остановился.

Он слишком хорошо помнил свой сон. Что произойдет с миром, отчетливо видимым за полупрозрачной пленкой зеркала? С этим залом, со всем окружающим пространством? С Ангррой, наконец?

И тут левран за пленкой зеркала убрал свои лапы с каменного постамента и, обретая самостоятельность, шагнул вперед. Он прорвался к разделявшей их прозрачной преграде и долго пристально смотрел в глаза Роману. Взгляд его больших влажных глаз был печален и мудр. Что-то он хотел ему сказать этим взглядом, о чем-то поведать.

Роман, невольно подчиняясь его немому зову, придвинулся навстречу, их передние лапы соприкоснулись, взаимно поддерживая друг друга. Поверхность, разделявшая их, потеряла свою несокрушимую монолитность, стала гибкой и податливой, как резиновая мембрана.

И все же это была граница между мирами. Черта. Если бы они смогли увидеть себя со стороны раздела, они поняли бы, что их тела в точности повторили в эту минуту символическое изображение талисмана.

Два леврана стояли на задних лапах друг перед другом, с двух сторон упираясь в черту.

И черта дрогнула, поддавалась их взаимным усилиям.

Кристаллы соприкоснулись друг с другом.

Круг старого замороженного времени кончился и уходил теперь в небытие. Начиналась другая эпоха. Словно бесшумный вихрь пронесся по залу.

Заколебались стены, смазалась граница, заворачиваясь в огромный рулон, и, свертываясь, вытолкнула чужое пространство в его собственные пределы.

На какие-то доли мгновения Романа накрыл полный и беспросветный мрак, тот самый, что стоит у предела всякой жизни, а когда он развеялся, не было уже леврана и не было старого зала.

Человек стоял перед беспредельной серебристой дорогой, уходившей от него в бесконечность, соединявшую звезды.